

Александр Мурин
Грустный вальс

Александр Алексеевич Мурин

Грустный вальс

Санкт-Петербург
2020

ББК 63.3(2)6-7
УДК 82-94(47)
М 91

Мурин, А. А.

М 91 Грустный вальс / Александр Мурин. — Санкт-Петербург: ООО «ИПК «НП-Принт», 2020. — 188 с., ил.

ISBN 978-5-6044819-3-6

Александр Алексеевич Мурин (р. в 1936 г.) – известный петербургский хормейстер, эссеист, искусствовед. Окончил Хоровое училище при Ленинградской академической Капелле у П. А. Богданова и Е. П. Кудрявцевой и Консерваторию у профессоров Г. А. Дмитриевского и А. Е. Никлусова.

Работал в Хоре любителей пения и Ансамбле песни и танца «Трудовые резервы», Ленинградском областном доме народного творчества, Ленконцерте, преподавал в Колледже культуры и искусства, выступал со вступительными словами в концертных залах Петербурга, публиковался в различных журналах, провёл многочисленные радиопередачи. Составитель книги «Мой музыкальный век» Е. П. Кудрявцевой (2011 г.), автор книг «Как очевидец» (2011 г.), «Записки капелльского очевидца» (2015 г.), «Записки капелльского сверчка» (2017 г.)

«Грустный вальс» – четвёртая книга А. А. Мурина, в ней собраны эссе 2017-2020 гг., письма и фотографии из семейного архива, воспоминания об удивительных встречах и событиях.

На обложке: портрет А. А. Мурина, автор – Г. В. Додонова, 2010 г.

ББК 63.3(2)6-7
УДК 82-94(47)

ISBN 978-5-6044819-3-6

© А. А. Мурин, М. А. Мурина, 2020

Грустный вальс

Посвящается Валерию Митрофанову

Сибелиуса вальс звучит на коммунальной кухне,
И вмиг скандалы у плиты потухли,
А люди стали чище и светлее,
Как будто оросили их святым елеем.
Сибелиуса вальс звучит на коммунальной кухне,
А следом – из тарелок чёрных «по заявкам» грозное
«Эй, ухнем!»
Забыты на мгновенье голод, беды,
Гремит Шаляпин – колокол победы!
Тишайший в мире вальс звучит на ленинградской кухне...

Вальс Сибелиуса

Узелки на память

Из послеблокадных черных замёрзших радиотарелок раздавался грустный вальс Сибелиуса. Каждый ленинградец находил в его звуках что-то своё, интимное: то ли печаль о погибших родных, то ли счастье удивительного спасения.

Вальс Сибелиуса сменил жизнерадостный огненный вальс Хачатуряна из музыки к спектаклю «Маскарад» по Лермонтову. Под него крутили «солнышко» наши олимпийские гимнасты, под него танцевали наши золотые балетные дуэты: Галина Уланова и Юрий Жданов, Наталья Дудинская и Константин Сергеев, Борис Брегвадзе и Татьяна Вечеслова.

В 1959 году на радио возникла странная мелодия: «Родина слышит, родина знает, где её сын в облаках пролетает» в исполнении моего одноклассника из московского хорового училища Жени Таланова. Мелодия, как путеводная звезда, вела за собой в неведомое. Это потом, в 1961 году, Юрий Гагарин выдал её на Землю впервые из космоса.

Конец XX века. В мировой эфир ворвалось «Время, вперёд», а позднее «Романс» из пушкинской «Метели» Георгия Свиридова.

А сейчас, когда я слышу Вальс Сибелиуса, сердце замирает, и я возвращаюсь к памятной блокадной чёрной радиотарелке, которую уже давным-давно выбросили на помойку как ненужный хлам.

Блокадные щи

В первые дни блокады отец притащил с завода несколько листов одиннадцатимиллиметровой авиационной фанеры, на которой были лозунги, с которыми рабочие его цеха ходили на манифестации 7 ноября и 1 мая. Он выпилил по шаблону для каждого окна глухую заглушку. Баба Дуня вставила щиты в ниши окон, и квартира сразу стала напоминать апартаменты Бориса Годунова.

Евдокия Николаевна Мурина (Станкевич) и её сыновья: Василий, Александр и Алексей (мой отец). 1933 год.

В воскресенье отец прибежал с завода, так как их всех выпустили из-за отсутствия электричества. По пути в заводском магазине он выкупил кусочек конины в обмен на заводские талоны. Баба Дуня сварила щи из этого кусочка, по всей квартире разнёсся аромат бульона. Прибежал из своего ансамбля с Литейного брат отца, Александр Григорьевич. Втроём они сели за трапезу. По радио объявили воздушную тревогу. Взрывы приближались к Марата, 74. Вдруг раздался сильный свист, осколок фашистского снаряда пробил щит фанеры,

срезал люстру и воткнулся в кафельную печь. Трое едоков оказались под дубовым столом. Когда ужас налёта стих, с опаской вылезли из-под стола. Вынули из тарелок с остатками щей куски штукатурки и доели суп до последней капли. Баба Дуня заморожённо повторяла:

– Какие вкусные щи!

Потом собрала осколки люстры и положила их за икону.

С тех пор на нашу верхотуру на четвёртом этаже больше не залетал фашистский металл.

Баба Дуня, моя сестра Катя и я. 1946 год

Эпизоды из жизни изгоев

Мне рассказывал мой однокашник по Консерватории, одесит, виолончелист, ученик Штримера и Ростроповича, талантливый композитор и дирижёр, несколько лет руководивший знаменитыми оркестрами США, профессор Юрий Александрович Фалик, как он был свидетелем проводов, точнее выдворения из СССР «за бугор» народных артистов Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской. Вот его рассказ.

На таможене сотрудник в штатском шмонал (т. е. проверял) шмотки (т. е. вещи) артистов. Делал это вызывающе грубо, как будто проверял передачу для уголовников в «Крестах». Выбросил на стол дипломы лауреатов Ленинской премии, ордена, медали, в том числе Медаль за оборону Ленинграда, что получила в 1943 году молодая девушка из Кронштадта по имени Галина Иванова, в будущем великая Галина Вишневская. Получила за то, что гасила зажигательные фашистские бомбы на крышах родного города-крепости. Таможенник грубо сказал:

– Там вам эти побрякушки не пригодятся!

У Ростроповича из глаз, как у клоуна на манеже цирка, брызнули фонтаны слёз. А Вишневская, сжав волю в кулак, блеснув черными очами, отрезала:

– Для вас, молодой человек, это побрякушки, а мы с мужем заработали их своей кровью!

Они уезжали, думали, навсегда. Но в стране произошли изменения, подули новые ветры, и они вернулись. Ростропович дал концерт на Красной площади Москвы на фоне Кремля с самодетельным оркестром США и хором, в программе – «Александр Невский» Прокофьева. Галину Павловну Вишневскую сделали почётным гражданином Кронштадта и на торжествах повторно вручили медаль за оборону Ленинграда, которую так варварски отняли несколько десятков лет тому назад.

Р. С. После смерти Ростроповича вдова решила в память о великом музыканте подарить Петербургу мемориальный музей-квартиру Шостаковича на улице Марата, дом 9/7, квартиру, которую они несколько лет воссоздавали, собирая по крохам реликвии: рояль, стол, портреты, мебель. Но губернатор,

посоветовавшись со своими заместителями от культуры, сказал, что этот дар Петербургу не нужен, потому что нужно заводить штат: директора, смотрителя, уборщицу, охранника. А у «культуры» денег на этот музей нет – был весомый аргумент отказа. Так город лишился национального достояния, мемориальной квартиры гения XX века.

В Зальцбурге, в Австрии, есть музей Моцарта, в доме, где он родился. В Бонне, в Германии, – музей Бетховена. В Будапеште – музей Беллы Бартока. В Желязова-Воле, в Польше, – музей Фредерика Шопена. А в городе Седьмой Героической Ленинградской симфонии нет постоянного музея композитора! Жаль! Стыдно за наш город, господа!

Июнь 2019 года

На Смоленском у Ксении

После блокады моя бабушка со стороны отца, Мурина Евдокия Николаевна, традиционно навещала на Волковом кладбище могилы наших многочисленных родственников. Часто в эти походы она брала меня как старшего из внуков, видимо, чтобы я хорошо запомнил дорогу к «отеческим гробам», «родному пепелищу».

В 1950 году в Родительскую субботу, захватив крашенные яйца, кулич и бутылку с морсом, баба Дуня потащила меня на Васильевский остров, на Смоленское кладбище, где покоилась крёстная мать многих Муриных, баба Катя, Екатерина Васильевна Мурина-Лушева, вдова командора русского парусного флота, яхтсмена-кораблестроителя Николая Яковлевича Лушева. Жили Лушевы на Большом проспекте В. О. в собственном пятиэтажном доходном доме номер 52, где после 1917 года им оставили «маленькую» в пять комнат квартирку. В этом доме в 1940 году Лушев, придя с судостроительного завода, скоропостижно скончался. А 5 февраля 1942 года, в четверг, в блокаду, преставилась и баба Катя. Причём ранее, 1 февраля, в воскресенье, баба Дуня навестила умирающую, они заговорились допоздна, и гостя осталась ночевать. 5, 6, 7 февраля

Баба Лёля (кормилица старших Муриных) и баба Катя (Екатерина Васильевна Мурина-Лушева). 1940 год

баба Дуня не выкупала хлеб по карточкам, чтобы им заплатить за гроб и похороны. А 7 февраля выпросила у начальства в управлении скорой помощи, где она работала кладовщицей, карету скорой помощи и похоронила родственницу.

Всё это баба Дуня мне рассказывала, пока мы колесили на трамвае по городу. Доехали до трамвайного кольца на Васильевском острове, прошли до реки Смоленки, миновали обшарпанную арку ворот, вышли на кладбище. Напротив, шагах в двадцати от церкви Смоленской иконы Божьей матери, была могила Е. В. Муриной-Лушевой и её родственников со стороны мужа. Баба Дуня стала убирать мусор, я ей помогал. Слева от могилы тянулся длинный унылый забор, весь в бумажках, на которых были обращения о помощи к мифической Ксении. За ним сустились люди и раздавались удары молотков о твердь. Я заглянул в дыру. Три здоровых мужика вырубали из большого куска серого гранита знакомые черты «отца всех времён и народов». Рядом стояло здание с крутой крышей: гараж не гараж, сарай не сарай.

– Это часовня Блаженной Ксении, – объяснила мне бабушка, – а на её могильной плите эти богохульники готовят для себя жратву на керосинке. Бабушка суеверно перекрестилась и рассказала историю о Блаженной. Вот её рассказ:

– Ксения была молодой женщиной, когда скончался её муж, Андрей Фёдорович Петров, что служил певчим в Придворной капелле. К слову, придворные певчие – не чета нынешним, имели воинские звания и оклады будь здоров. Муж Ксении был в звании подполковника. Она надела его мундир, раздала всё добро людям и стала скитаться как юродивая по Петербургу, помогая бедным, а ночью таскала кирпичи на строительство вот этой самой церкви.

И бабушка указала на храм при кладбище. Мы рассыпали остатки еды на могилы, а голодные голуби, что ворковали вокруг нас, набросились на пищу. Затем мы зашли в церковь, и бабушка поставила зажжённую свечку у распятого Христа, долго молилась. Я глядел на её освещённое снизу лицо и подумал про себя: «Дааа, баба Дуня в молодости, верно, была красавицей!»

Баба Дуня. 1950 год

К обеду мы успели приехать в нашу капелльскую коммуналку на Мойке, 20, и мама угостила нас вкусными щами.

Спустя много лет я рассказал эту историю хорошему знакомому, скульптору Виктору Ивановичу Баженову. Он уточнил:

– В сталинские времена в часовне Ксении была мастерская советского скульптора Вениамина Борисовича Пинчука. Рядом, на распаханных могилах за серым забором, работали скульптор и его ученики из Академии художеств, они ваяли, рубили, отливали многочисленных кремлёвских «мечтателей», в том числе и бюст В. И. Ленина, что стоит сегодня на углу Большого проспекта Петроградской стороны и улицы Ленина. Среди студентов-помощников Пинчука был и нынешний руководитель Ленинградского союза художников, ректор Академии Альберт Серафимович Чаркин, сегодня ты его творения хорошо знаешь!

Сегодня часовню Ксении и могилу вернули в лоно церкви, привели её в пристойный вид, и к ней непрерывным потоком идут и идут люди, а вокруг часовни на свободной площади, где рождались когда-то изваяния вождей, стали хоронить в старые могилы достойных горожан. Естественно, за зелёную «капусту».

9 марта 2018 года

«Виллис» Ворошилова

Перед нашими окнами в капелльской коммуналке был замечательный вид: Певческий мост, Певческий проезд, Дворцовая площадь с Александрийским столпом. Слева, в здании, построенном Карлом Росси, была милицейская поликлиника. Справа, в здании гвардейского дивизиона работы Александра Брюллова, размещалась воинская часть. И во дворе был элитный генеральский магазин, в который доступ был только Георгию Александровичу Дмитриевскому как руководителю Капеллы. В части на командной должности служил сынок маршала Клима Ворошилова Пётр. Он был приятелем нашего соседа по коммуналке, Петра Адамовича Вишневого. Часто сынок, захватив в генеральском магазине спиртное, заходил к соседу, и они обильно керосинили. Как-то раз сосед предложил отцу купить у Пети Ворошилова американский «Виллис» с открытым верхом.

– Лёша! – сказал он. – Тебе машина нужна, как воздух! Ты же рыбак! Будешь ездить с друзьями на Карельский перешеек

Вид из окна нашей капелльской коммуналки

Отец, А. Г. Мурин. 1947 год

на рыбалку, да и на Охту. Смотри, какая она мобильная, может развернуться на тротуаре Дворцовой! Покупай! Спроси у Лизы деньги.

Отец почти согласился. Но, узнав у друга-автомобилиста Георгия Митрофанова, что на «Виллисе» нельзя ездить по городу, и что его над держать на приколе в гараже или в Лахте, или в Сестрорецке, отец отказался.

Вечером к нам зашёл руководитель Капеллы Г. А. Дмитриевский.

– Правильно, что отказался от машины, Алексей Григорьевич! А то не посидишь с тобой за разговорами. Вот Максим Дормидонтыч Михайлов в Москве имеет машину, они ездят на ней, – и с сожалением добавил, – Дормидонтыч выпьет три пол-литры и поёт в Большом театре Сусанина, а я на второй пол-литре отключаюсь. Правильно, что не купил машину!

И они пропустили по рюмашке папиной «жидкости», настоящей на мандариновых корочках.

20 января 2018 года

Подарок Василия Келтуяла

Держу в руках уникальную книгу из моей библиотеки. На титуле: «Русская хрестоматия с примечаниями для высших классов средних учебных заведений. Составил Андрей Филонов.» Издана в 1863 году. И на ней авторское посвящение: «Его Превосходительству И. Д. Делянову от автора» и печать библиотеки гимназии.

В 1927 году мой отец окончил 102-ю ленинградскую единую трудовую школу на Греческом проспекте, 21.

До семнадцатого года это было престижное реальное училище Петербурга. Старый учитель литературы Василий Афанасьевич Келтуяла, в прошлом профессор Педагогического института и одновременно профессор, заведующий кафедрой древней литературой в Петербургском университете, и подарил эту книгу любимому ученику Алексею Мурину.

Василий Афанасьевич Келтуяла,
учитель моего отца

Как я определил по автографу Филонова, экземпляр книги принадлежал министру народного просвещения России графу Ивану Давыдовичу Делянову, тому человеку, что взял на себя в 1894 году ответственность и разрешил сдать экзамены экстерном за юридический факультет Петербургского государственного университета родному брату цареубийцы,

Его Превосходительству Н. П. Толстому.
От автора.

РУССКАЯ
ХРИСТОМАТІЯ,

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

ДЛЯ ВЫСШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

СОСТАВИЛЪ

Фунд. библ.

№ 47

№ 5

№ 64729

№

Имя

Андрей Филоновъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1863.

некому провинциалу из Симбирска Владимиру Ильичу Ульянову, чем последний спешно и воспользовался. На счету Деянова было много подобных «добрых» дел.

Как попала хрестоматия Филонова к скромному учителю литературы – одному Богу известно, но вот новый хозяин – мой отец, инженер Алексей Григорьевич Мурин, всю жизнь берег её как реликвию, святыню, и даже не сжёг в буржуйке в блокаду. Отец отлично знал Пушкина, Лермонтова, Чехова, Лескова, Помяловского, из современников обожал Константин Паустовского, и даже взял отпуск на работе и поехал на его похороны в Тарусу. Позже он мне с восторгом рассказал о встречах в Ялте с сестрой А. П. Чехова Марией Павловной.

Когда отец умирал в июле 1973 года после сложной операции в институте имени Поленова, он попросил принести ему томик Пушкина с историей Петра и только вышедшую книгу рассказов Гейченко о Пушкинском заповеднике.

В хрестоматии Филонова мы встречаем три памятника: Горация в переводе Фета, Державина и Пушкина. В ней есть даже «На смерть Пушкина» Лермонтова, правда, без финальных строк. Чего стоит перевод Василия Курочкина из Беранже «Старый капрал». Сцену расстрела бедного вояки молодая англичанка, что преподавала в Петербурге богатым недорослям язык, целиком перенесла в свой первый роман. Эта англичанка, племянница генерала Эвереста, более известна под фамилией мужа, польского революционера Николая Войнич – Этель Лилиан Буль-Войнич, а роман, конечно, – бессмертный «Овод». Ну а сегодня читаешь современную хрестоматию по русской литературе, где на трёх страничках изложена вся «Война и мир» Толстого, и на страничке «Архипелаг Гулаг» Солженицына, и думаешь: что это, или полная слепота идиотов или специальная диверсия против культуры русского народа?

Так откройте хрестоматию Филонова! Только где её сегодня найдёшь?

Ну а папин учитель литературы В. А. Келтуяла в 1927 году тихо скончался, и был похоронен на Смоленском кладбище. Увы, на сегодня его могила затерялась.

Февраль 2018 года

Прогулка детства

После войны отец стал быстро уставать – сказывался блокадный голод, водянка, которую он приобрёл на ладожской Дороге жизни, и каторжный труд в шарашке (27-м авиационном заводе в Москве).

В Питере шесть дней в неделю он вставал раненько-раненько и к восьми часам ехал на свою «мельницу Ленина», как раз за ней, на берегу Обводного канала, напротив Александро-Невской лавры, располагался его завод радиоаппаратуры, «почтовый ящик 433», будущий НПО «Ленинец». Возвращался отец домой, в коммуналку на Мойке, 20, поздно вечером, ужинал, выкуривал свой любимый «Беломор», брал газету, садился в раздвижное кресло и частенько засыпал.

Раз в месяц по дороге с завода отец забегал в парикмахерскую на улице Желябова, напротив универмага ДЛТ, где местный Фигаро подстригал отца под бокс и посыпал причёску одеколоном с запахом «Вырви глаз».

Я и отец. 1948 год

Как-то отец, как обычно, зашёл в парикмахерскую, остригся, пришёл домой, сел в кресло и заснул. Кот Гушка решил, что хозяина кто-то отравил, залез на спинку дивана и усердно стал вылизывать причёску, да так, что она от слюны стала напоминать хаер модного рок-н-роллащика. Когда хозяин проснулся и глянул на себя в зеркало шкафа, он ахнул, был вынужден бежать на кухню и долго промывать голову горячей водой, согретой на керосинке. Ну а бедного Гушку долго ещё тошнило у кафельной печки.

Как-то раз, приехав вечером, отец рассказал нам, какую страшную картину видел утром по пути на завод. Он сел у Лавры на трамвай, чтоб побыстрее добраться до завода, но по пути трамвайный вагон остановился. Через проспект Обуховской обороны к Неве шла огромная колонна крыс на водопой после обильного завтрака на мукомольном комбинате имени товарища Ленина...

В воскресенье на радость нам с сестрой Катей отец взял нас на прогулку в Центральный парк культуры и отдыха имени Кирова. Мы сели на Дворцовой площади на трамвай, переехали через мосты Неву, долго крутили по Петроградской стороне и, наконец, вышли на кольце на набережной Мартьянова. Отец купил нам по стаканчику мороженого, мы аккуратно бросили обёртки в урну и двинулись ко второму Елагину дворцу. От него доносилась громкая музыка, стояла толпа зевак. При входе на мост на семиметровых деревянных пилонах, где в праздники вывешивали красные флаги, циркачи показывали представление. На одном пилоне, где в окошечке торчала кассирша, продававшая входные билеты в парк, две циркачки в виде обезьянок крутили на трапеции свои ужимки и во всю мощь орали в мегафоны, замаскированные под морские раковины: «Твои предки, мои предки! На одной качались ветке!» На другом пилоне, где внизу была будка милиционера, два артиста изображали разбойников. На них были красные рубахи, синие шаровары, на боку висели кривые сабли, на головах были длиннополые шляпы, усы, как у Тараса Бульбы, закручивались за спину. Танцую разухабистый негритянский спиричуэлс, они орали в матюгальники

На прогулке. Я, мама и сестра. 1955 год

под оглушительный рёв аккомпанемента: «Ты разбойник, я разбойник! Хвост морковкой, хвост трубой! Твой покойник, мой покойник! Всё своё берём с собой!» И после немислимого проигрыша заканчивали: «Мы отомстим негодным тварям! Кого убьём, кого зажарим!»

Милиционер ходил вдоль забора и следил, чтобы публика не перебиралась на другую сторону моста, хотя мальчишки на корточках проскакивали на мост под носом у кассирши и драпали по-пластунски, как пауки, на другую сторону Невки, где в кустах стоял бронзовый бюст Сергея Мироновича Кирова.

Мы с сестрой доели мороженое, отец купил входные билеты, и наша троица проследовала в тень аллея, в сторону Елагина дворца, где в Кухонном корпусе зимой была база, выдавали на прокат лыжи, финские сани, коньки и тому подобную амуницию. От дворца, что был на ремонте и загорожен глухим серым забором, по главной аллее побрели мы к Финскому заливу. Прошли мимо фонтана с нагой девушкой, идущей по бревну. Отец со смехом рассказал, как они с младшим братом Васей ещё до войны хохмили надо мной, четырёхлетним

пацаном Сашкой Муриным. Пока я рассматривал женские прелести скульптуры, они прятались в кустах, и выходили только тогда, когда потеряшка-Сашка начинал вопить на всю округу. У отца осталась даже фотография.

На стрелке парка с видом на Финский залив отец фотографировал нас на фоне скульптур сторожевых львов, и как бы невзначай спрашивал, где ещё в городе мы видели подобные скульптуры. И был польщён, когда мы называли пару львов: зверей у дома напротив Адмиралтейства и бронзовых зверюг на спуске к Неве у Дворцового моста.

Часто отец брал напрокат лодку и катал нас по прудам парка. А один раз даже завёз нас по Неве в камыши Лахты. Мы искупались в чистой воде Финского залива и вылезли сохнуть и загорать в лодку, а отец ещё долго плавал идеальным кролем вокруг нас, как громадный кит. С большим трудом он вырулил наш «корабль» против течения в ЦПКиО на лодочную станцию, рассчитался за просроченное время с дежурным.

Эх, безмятежное далёкое детство! Где оно? Как оно быстро прошло!

7 декабря 2017 года

Отец. 1958 год

История одного портрета

В 50-х годах прошлого века я написал статью в малотиражке «Музыкальные кадры» о более тесном сотрудничестве студентов нашей Консерватории и Академии художеств. Вскоре на концертах в Малом зале имени Глазунова стали появляться молодые художники и скульпторы, в фойе была организована выставка их работ. На ней я познакомился с учеником М. К. Аникушина, будущим скульптором Игорем Кукариным. Он был крепкий мужланистый молчаливый юноша. От друзей узнал, что он с Урала, наследник мастеров «Малахитовой шкатулки» Бажова. Там он работал обычным каменотёсом и за талант был принят в Академию художеств. Игорь молча переносил упрёки и косые взгляды как на провинциала и страстно стремился пополнить свой интеллектуальный багаж. Гуляя со мной по Ленинграду, он дотошно выпытывал всё о знаменитых музыкантах, поэтах, архитекторах, артистах Северной Пальмиры. Всё откладывалось в его закрытой для окружающих душе.

Я привёл Кукарина к нам домой. Мама накормила его вкусным нестоловским обедом. Гость был очарован моим отцом, военным инженером, который в молодости мечтал стать художником. Игорь не пропускал ни одного концерта в Капелле, где пел мамин хор и выступала моя сестра, Катя Мурина, тогда студентка Консерватории, начинающая пианистка. В один из дней Кукарин напросился на занятие пианиста П. А. Серебрякова в Консерваторию. Профессор работал с Катей Муриной над концертами Бетховена и очень темпераментно, «по-цыгански» показывал сочинение гения. В тот день у Игоря и зародилась мысль вылепить портрет музыканта. До этого он уже изваял мой портрет и выдал его за «Портрет молодого рабочего». Об этом я подробно рассказал в книге «Как очевидец».

Серебряков наотрез оказался позировать скульптору. Тогда Кукарин притащил в класс ведра глины и на маленьком столе для нот вылепил нужный эскиз. В Академии художеств студентам-скульпторам выдали для практики по мраморному блоку. Из своего Игорь довольно быстро вырубил портрет

Портрет П. А. Серебрякова. Автор – И. Кукарин

пианиста Серебрякова, играющего Бетховена. Всем окружающим, включая М. К. Аникушина, работа понравилась. Но купить или просто забрать её Серебряков не спешил, боялся, как бы консерваторские «друзья» не обвинили его в раздувании культа личности. Эта тема после доклада Хрущёва о Сталине была чрезвычайно злободневна.

Дипломной работой уральский скульптор Игорь Кукарин выбрал тему «Прокофьев – дирижёр». Профессора Академии настоятельно ему советовали изваять портрет ленинградского рабочего или колхозную доярку, но он остался на своём. Игорь перечитал всё, что было напечатано о композиторе, прослушал огромное количество пластинок. Его знаниям мог позавидовать любой музыковед.

Свою работу он показал консерваторцам. Те были в восторге. Аникушин со скрипом принял кукаринского Прокофьева, но всё-таки поставил «отлично с плюсом».

В тот год распределение на работу после Академии художеств было минимальным. В стране был переизбыток скульпторов и художников. Игорь поехал в Москву, добился приёма

Мой портрет, автор фото – И. Кукарин. 1963 год

у министра культуры СССР Екатерины Фурцевой. Та направила его на Дальний Восток. С собой он взял только эскиз Прокофьева в бронзе. Свои работы он оставил на антресолях в квартире профессора Ивана Ивановича Пустовалова. Далее работы Кукарина мы перевезли в сарай моего товарища Вали Грушко на улицу Зеленина. Вскоре на месте сараев строители начали возводить детский сад. И Гомер, мой бюст, Аполлон из гипса переехали к нам, на набережную Лазарева, 20. А тяжеленный портрет Серебрякова (350 килограмм) я доставил в автомобильный гараж пианиста на Бородинской, 6, и закрыл его рогожей.

С Игорем Кукариным у меня завязалась многолетняя переписка. Он рассказывал о своих монументах на Дальнем Востоке, на Волочаевской сопке, на острове Даманском. Писал в письмах о своей «собачьей сволочной» жизни, что он один, никак не может создать семью.

В 1977 году письма прекратили идти в Ленинград. На выставке в Манеже Аникушин тихо сказал мне при встрече, что Кукарина не стало в живых. В 1977 году скончался и Серебряков.

Спустя несколько лет Консерватория и её ректор Чернушенко перевезли скульптуру Серебрякова, что тридцать лет был ректором первого музыкального вуза России, и поставили в фойе Малого зала. Портрет составил компанию Моцарту, Чайковскому, Глазунову.

На концерте в Малом зале, посвящённом юбилею С. С. Гейченко, мы подошли с Аникушиным к работе Кукарина, и он с грустью сказал:

– Талантливый был художник-самородок! Но слишком ранимый, как всякий талант русский!

29 сентября 2017 года

Концерт Баланчивадзе

В 50-е годы прошлого столетия сын грузинского классика, композитора, народного артиста СССР, профессора, почитаемый Андрей Мелитонович Баланчивадзе, сочинил концерт для фортепиано с оркестром и решил исполнить его впервые на родине своей консерваторской юности, в Ленинграде, где он учился, и в Москве.

Напомню, что его старший брат был тоже Баланчивадзе. После работы в Кировском театре он уехал в Америку. Там он взял псевдоним и выступал как знаменитый Джордж Баланчин. А на родине он был причислен к многочисленным предателям-изгоям.

Для авторского концерта Андрею Баланчивадзе предоставили шикарный Большой зал Филармонии и знаменитый ленинградский оркестр Мравинского. Но случилось непредвиденное: за несколько дней до премьеры композитор-солист сломал случайно руку, и концерт оказался на грани срыва. Тут руководство Филармонии, Мравинский, Саркисов, предложили в качестве солиста ученицу школы-десятилетки Катю Мурину. Её освободили официально от всех уроков, и она за несколько дней выучила концерт наизусть. Большую роль в этом сыграла наша мама, дирижёр Капеллы, профессор Консервато-

рии, Елизавета Петровна Кудрявцева. Она не только по партитуре играла оркестровую партию концерта, но была талантливым толкователем незнакомой музыки грузинского классика.

Вскоре по городу были расклеены афиши, где крупными буквами значилось: «Дирижёр – Даниил Тюлин, солистка – ученица школы-десятилетки Катя Мурина». К слову, маэстро был учеником Николая Семёновича Рабиновича, и сыном профессора нашей Консерватории, музыковеда Тюлина.

На премьеру концерта Баланчивадзе пришли друзья композитора – Шостакович, Мравинский, Рабинович, Элиасберг, Андроников. В директорской ложе – мама и отец. На Кате было обычное школьное синее сатиновое платье и идеально отглаженный мамой белый передник.

Концерт грузинского классика публика приняла восторженно. Дирижёра и солистку несколько раз вызывали на поклоны. После в Голубой гостиной Катю окружили знаменитые музыканты во главе с композитором Баланчивадзе, у которого рука была на привязи. Все дружно хвалили игру. А Ираклий Луарсабович Андроников спросил Катю:

– Скажите, уважаемая солистка, кому вы подмигивали в паузах, во время исполнения концерта, на хорах? Кто там был?

Катя Мурина и её педагог Любовь Михайловна Певзнер. 1954 год

Последовал молниеносный ответ:

– Там был весь мой класс из школы-десятилетки. И они меня поддерживали, показывая кулаками: «Держись, Катюха, держись, мы здесь!»

Взволнованные успехом дочери отец и мама вышли со мной и Катей на лестницу, что вела из Голубой гостиной на выход к подъезду. Отец закурил папиросу, раз затянулся, два затянулся и бросил папиросу в урну. Мы уселись на огромный диван, напротив было огромное в золотой оправе зеркало. Отец достал свой любимый «ФЭД» и навёл объектив в отражение нас в зеркале. Вдруг появился дирижёр Карл Ильич Элиасберг. Он обратился к нам:

– Разрешите мне сняться с фортепианной звездой, будущей знаменитостью Екатериной Муриной?

Потом изящно изогнувшись, чтобы попасть в кадр, дождался щелчка фотоаппарата, стрельнув у отца беломорину, закурил.

Это был Катин дебют с оркестром. Впереди была Консерватория, учёба у Серебрякова, сотни концертов по стране и за

Отец, мама, Катя, я, Карл Ильич Элиасберг

рубежом, лауреатство в Англии и в Вене, звание народной артистки РСФСР, выступления с дирижёрами, что стали легендами двадцатого века. Всё впереди! А тогда в капелльской коммуналке на Мойке, 20, был поздний вечерний ужин, приготовленный загодя мамой. Отец достал из старого шкафа настойку на мандариновых корочках собственного приготовления, налил верхом рюмку, и провозгласил тост:

– За золотых моих девчонок!

Это было почти семьдесят лет тому назад, 4 апреля 1954 года.

7 апреля 2019 года

Три эссе о гении

Вступление

Намедни средства массовой информации сообщили о смерти петербургского композитора пианиста, оригинального чудака, Олега Николаевича Каравайчука.

В детстве, ещё перед войной, он пятилетним мальчиком выступал перед вождями страны И. В. Сталиным и С. М. Кировым. Его называли «советским Моцартом». Каравайчук написал музыку к 150 фильмам. Часто его творчество и сам композитор становились предметом скандалов. Так, озвучив две серии эпопеи Сергея Герасимова «Тихий Дон», он отказался от авторства. И третью серию пришлось дописывать композитору Юрию Левитину. Сольные фортепианные концерты Каравайчука также были необычны. То он играет классику, напялив на голову чёрный мешок, то просит слушателей покинуть концертный зал и уйти в фойе, пока он настраивается к концерту. А затем полчаса объясняет «музыку тишины». То залезает под рояль и, высунув из-под инструмента в неприличном положении руки, играет свою и чужую музыку. Об этом и вспоминали очевидцы в дни траура по почившему гению «с приветом». Ему я посвятил мои три эссе.

Пожар

Это было задолго до того, как в Петербурге появился памятник великому русскому писателю Сергею Довлатову... Чтобы украсить к зиме узкую унылую улицу Рубинштейна, озеленители из Смольного поставили на всём её протяжении на тротуарах тяжёлые бетонные на маленьких ножках круглые вазоны, в которых из чёрной земли навстречу первым метелям выглядывали хилые анютины глазки. Жители соседних домов чертыхались: и так не разойтись, а тут ещё эти «хреновины с хризантемами»!

В тот день во втором доме от Невского проспекта на третьем этаже вспыхнула квартира. Из открытой форточки пова-

лил огонь. Быстро приехала пожарная машина, вытянули к очагу лестницу, по ней, балансируя, как в цирке, поднялся пожарный. Ломом разбил стекла, выломал рамы, из окна полыхнул огонь. Другой пожарный стал из кишки поливать огонь тонкой струйкой воды. Чёрный дым вскоре сменился на белый пар, который стал заволакивать всю улицу. Любопытные зеваки, что стояли напротив у дома архитектора А. С. Хренова, дружно, как обычно, советовали, что делать. По фасаду доходного дома, как слёзы, потекли грязные струи, что заливали окна и подоконники нижних этажей. Зеваки стойко стояли, задрав головы, и наблюдали за действиями пожарных. Те влезли в сгоревшую квартиру и взмахами рук показывали, что огонь потушен. А потом стали выбрасывать сгоревшие диваны, стулья, шкафы.

В этот момент со стороны Пяти углов к Невскому шёл странный человек: гном – не гном, художник – не художник. На нём были потёртые кеды и старые джинсы, вместо пальто свободно болталась длинная чёрная рубашка без пояса. На голове красовался «вагнеровский» берет. На остреньком носу взгромоздились солнцезащитные очки. Прохожий шёл, пританцовывая, глядя в небо, и методично спотыкаясь, падал всей фигурой в вазон. Вставал, отряхивал грязь, и шествовал снова до следующего вазона, спотыкался, падал, поднимался, потирая разбитые колени. В странном человеке я опознал экстравагантного композитора Олега Николаевича Каравайчука. Он попытался пройти под сгоревшей квартирой, из окна которой пожарные выбрасывали хлам. Его остановили. Он что-то объяснял пожарным своим резким писклявым тенорком, размахивая худыми руками. Наконец, пожарным надоело. Два молодца в касках подхватили «инопланетянина» под мышки и довольно грубо перетащили беднягу на угол Невского к рыбному магазину. Вернувшись к пожарной машине, бригадир сказал друзьям:

– Этот тип доказывал мне, что он гений, и его кликуха – Кара-Чук-Вай!

Зеваки разошлись.

– Закрыт кабачок! – сказал один из них.

В гостях у гения

Как-то мой товарищ по Консерватории, хоровик Валерий Мертенс, водивший дружбу со многими людьми, коих в народе принято называть «чокнутыми», предложил:

– Слушай, Мурилло, хочешь, познакомлю тебя с гением?
Я согласился.

На третьем автобусе от Театральной площади мы проехали весь Московский проспект. У Средней Рогатки вышли. Прошли по улице мимо хрущёвок, зашли в одну из них, поднялись на второй этаж, позвонили. Нам открыл дверь странный на вид человек в бархатном халате, как у помещика, в тапочках на босу ногу, на носу лыжные очки, на голове белый большой берет. Валерий представил меня. В ответ хозяин буркнул:

– Кара-вай-чук!

И предложил пройти в «апартаменты». В обычной хрущёвской комнатухе метров двенадцать с потолка два шестьдесят стояли нос к носу два огромных концертных рояля. По стенам, как бы испугавшись этих роялей, теснились полки, заваленные книгами, нотами, газетами. Всюду царил хаос, называемый «творческим беспорядком».

– Олег Николаевич, покажи Мурилло свой новый балет, – предложил Мертенс.

Хозяин посадил нас в проёме двери на кухонные табуретки, поднял крышки роялей, как будто решил играть на них одновременно, и прошмыгнул к окну, включил магнитофон. Сквозь шип раздался знакомый голос:

– Композитор Каравайчук! Балет «Клоп».

Далее пятнадцать минут автор в магнитофонной записи рассказывал либретто известной пьесы Маяковского. Затем сорок минут длились звуки в фортепианном изложении. Смолкли последние аккорды. Каравайчук, опережая нашу реакцию, сказал:

– Вы поняли, что это гениально?

Валерий закивал головой, как китайский божок.

Хозяин подвёл нас к выходной двери и отечески погладил по затылкам. В мгновение ока мы оказались на улице. Валера повторил слова Каравайчука:

– Ты понял, что это гениально?

Я решил, что друг шутит. А в голове сверлила дурацкая мысль: «Как в такую хрущёвку втащили два концертных рояля? Не собирал же их настройщик прямо в комнате?» Валера разрешил мои сомнения:

– Инструменты втащили через окно с помощью подъёмного крана.

Отказник

В Кировском театре балетмейстер-новатор Леонид Яacobсон ставил новый балет «Клоп» композитора Олега Каравайчука. На финальную репетицию пришёл автор. Послушал исполнение и громко, на весь театр заявил:

– Это музыка не моя! Я её не писал!

Все уговоры музыкантов и администрации оказались тщетны. Каравайчук напялил на голову берет и демонстративно покинул театр. А в дальнейшем не пришёл даже за авторским гонораром. Другой композитор, Григорий Фиртич, что помог балетмейстеру компоновать за роялем куски музыки, закончил балет и получил свои законные авторские «гроши».

На премьере в афишах значилось:

«Балет "Клоп". По Маяковскому. Постановщик Леонид Яacobсон. Музыка О. Отказова и Г. Фиртича»

Зрители на премьере были в недоумении: кто такой неизвестный композитор Отказов, откуда он взялся? Это был единственный случай, когда Кировский театр сэкономил государственные деньги на авторе.

29 сентября 2017 года

Наши марксисты

По марксистско-политическим предметам в Консерватории на нашем курсе было три педагога. Яхнин, дядя известного в Ленинграде художника, требовал, чтобы мы заучивали цитаты по экономии социализма. Но мы усвоили главный постулат Ильфа и Петрова: «утром деньги – вечером стулья, вечером деньги – утром стулья». Педагог злился, обзывал нас бранными словами, но мы стояли на своём: «утром деньги...»

Сорокапятилетнего Ивана Сергеевича Мулкина по философии марксизма заводил одессит виолончелист Юра Фалик. Когда время урока выходило за рамки, Юра деликатно напоминал учителю слова классика:

– Иван Сергеевич, идёмте в сад гулять!

И тот спохватывался и отпускал нас на лекции к другому философу, профессору Михаилу Семёновичу Друскину.

Но самым оригинальным марксистом был старый большевик, доцент Григорий Яковлевич Швечков. Вспоминаю, как в девятом классе в бывшей консерваторской церкви он влезал на сцену, взгромождал на трибуну свои довольно полнофигурные объёмы, открывал свой кондуит и засыпал. Засыпал нас цитатами, а потом сам засыпал. Юра Фалик, сидящий в первом ряду, хватал свою виолончель в тряпичном футляре, и с воплем «С меня хватит!» выбегал из класса. Швечков просыпался с вопросом:

– Кто ушёл?

Мы хором отвечали:

– Рацбаум!

Который был неисправимым сачком и двоечником по марксизму.

На экзамене Швечков задал флейтисту Альберту Рацбауму вопрос:

– Что есть деньги при социализме?

Тот в мгновение ответил:

– Деньги при капитализме и социализме – всё! Всё!

И получил в зачётку жирную двойку.

В лужском колхозе Смычка, где мы в 1959 году трудились над кукурузой, про Рацбаума пели частушку:

На путях служил Рацбаум,
Поднимал большой шлагбаум,
Чувиху встретил раз Рацбаум,
Но предпочла она шлагбаум.

Альберт был маленького роста. Знали бы мы, что поем о будущем светиле музыкальной Америки – первом флейтисте филладельфийского оркестра. Ну а «чувиха» – это на местном диалекте девушка.

10 июня 2019 года

Народный вождь товарищ Гапон

Николай Евгеньевич Буренин, старый большевик, был поклонником нашей соседки по коммунальной квартире на Мойке, 20, Ольги Христофоровны Янович, пожилой учительницы, дочери потомственного почётного гражданина, дворянина, действительного статского советника, руководителя Певческой капеллы Христофора Николаевича Гроздова. О них я подробно рассказал в своей первой книге «Как очевидно», вышедшей в 2011 году.

Напомню вехи бурной долгой биографии Н. Е. Буренина. В начале XX века он – член боевой ячейки РСДРП, подобно Камо и Джугашвили экспроприирует на нужны партии драгоценности у буржуев. В 1917 году, когда дела партии большевиков были неважнецкими (Ленин прятался в Разливе, его соратники томились в тюрьмах) Николай Евгеньевич привёз на Карельский перешеек в имение матери Кирсаллы (ныне Горьковское) несколько сундуков с царскими деньгами и закопал их в саду. После победы Октябрьской революции он тривиально сжёг их в костре. В 30-х годах по поручению партии ВКПб выманил из Сорренто писателя буревестника революции Максима Горького, рассорив его с Феденькой Шаляпиным. Сегодня на доме на Рузовской улице, где жил Буренин, висит мемориальная доска.

И вот этот седовласый поклонник соседки в 1905 году в Женеве познакомил В. И. Ульянова со священником Георгием

Гапоном, которого Ильич с почтением величал «Народный вождь товарищ Гапон».

9 января народный вождь Георгий Гапон вёл путиловских рабочих с портретами царя, церковными хоругвями, крестами к Зимнему дворцу. У Нарвских ворот толпы были встречены огнём царских солдат. Погиб бы и Гапон, но его и послание Николаю II от верной гибели спас эсер Рутенбург. Он вывел священника из-под огня и дворами, огородами привёл Гапона в безопасное место.

В ночь на 10 января две роты солдат вырыли на Преображенском кладбище на 10-й версте от Петербурга глубокий ров, в который стащили сотню убиенных. Свидетелем этого деяния был мой дед, Александр Васильевич Мурин, потомственный почётный гражданин, купец Первой гильдии, председатель Калашниковской хлебной биржи, попечитель Преображенского кладбища.

Ленин в январские дни разразился гневной статьёй о событиях Кровавого воскресенья, где цитировал священника Гапона: «Немедленное низвержение правительства – вот лозунг, которым ответили на бойню 9-го января даже верившие в царя петербургские рабочие, ответили устами их вождя, священника Георгия Гапона, который сказал после этого кровавого дня: “у нас нет больше царя...”»

В январе 1931 года на Преображенском кладбище, которое было переименовано в Кладбище Жертв 9 января, на могиле сотен убиенных был поставлен монумент работы Матвея Манизера. На гранитном стилобате стоит рабочий в фартуке, одна рука воздета к небесам, а другая держит урну, а под ним бронзовые доски с цитатами В. И. Ленина. Авторство Георгия Гапона естественно, убрано. На открытии памятника был и мой дед, Александр Васильевич Мурин, к тому времени скромный клерк из банка на Невском.

Но судьба Георгия Гапона трагична. Поверив, что священник «тайный осведомитель царской охранки и провокатор», его застрелил спаситель, эсер Рутенбург. В свою очередь последнего «шлёпнули» в 30-е годы в НКВД. Такова история, что не знает сослагательного наклонения.

3 июня 2019 года

Музыка для Ахматовой

В 1996 году к тридцатилетию смерти Анны Ахматовой власти сподобились поставить напротив «Крестов» памятник. Выбрали место на берегу Невы, где у самой воды стоят знаменитые сфинксы Михаила Шемякина, мемориал «Жертвам политических репрессий». Объявили среди скульпторов конкурс. Провели два тура. В финале победу жюри присудило работе скульптора Галины Додоновой, архитекторов Владимира Реппо и Ирины Котоминой. И начались страсти по Ахматовой. Особенно постаралась местная жёлтая пресса. Статьи о памятнике были мало сказать критическими, вот их названия: «Скульпторы пожалели Ахматову», «Анна на гараже», и т. п. Сразу запахло «ждановской» жидкостью 1946 года (известное постановление ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград»). В результате благое дело отложили, сославшись на отсутствие субсидирования и т. д.

Грянул XXI век, подули свежие ветры. Объявили новый конкурс, выбрали два места для памятника: на берегу Невы и в саду Фонтанного дома. И снова победили два проекта Галины Додоновой и её архитекторов.

В 2003 году нашёлся спонсор – Юрий Юрьевич Жорно, успешный предприниматель. Работа закипела. Вскоре трёхметровая Ахматова Галины Додоновой была отлита в бронзе на заводе «Монументскульптура». Любопытно, пока готовили постамент из красного гранита на набережной Невы, Ахматова стояла в цехе завода под охраной двух личностей: церетелевского Петра Первого (для отеля «Прибалтийская») и В. И. Ленина, что театрально простирали опальному поэту свою указующую длань.

Наконец, скульптуру спеленали, как египетскую мумию, загрузили краном на грузовик и доставили на набережную Робеспьера (ныне Воскресенскую), где рабочие аккуратно установили её на гранитный пьедестал.

Устроители открытия поручили мне продумать музыку, что будет звучать на торжестве, так как ожидалось прибытие «особо важных» персон. Я вспомнил, что мой друг, композитор,

народный артист России, профессор Консерватории Борис Иванович Тищенко когда-то написал музыку на «Реквием» Ахматовой. Поехал на Васильевский остров, где в обычной малогабаритной квартирке жил любимый ученик Шостаковича. Дверь открыл хозяин. Узнав причину моего визита, он скептически улыбнулся. Мы прошли на кухню, где Борис рассказал следующее.

– Знаешь, Шура! Когда я надумал писать «Реквием», то по совету Дмитрия Дмитриевича, как всякий интеллигентный человек, решил испросить разрешения у автора. Узнав, что Анна Андреевна моя соседка – я в Доме творчества в Комарово, а она в Доме творчества писателей – набрался наглости и постучал в её «будку». Ахматовой нездоровилось. Окинув меня суровым, как рентген, взглядом, она с любопытством спросила: «Где достали текст Реквиема?» Я сослался на друзей. Поэт взяла машинописный текст и стала править страницы. После долгого молчания вернула и тихо сказала: «Помните, молодой человек, у вас будут из-за него неприятности!» И на-пророчила! Долго я пытался готовый «Реквием» всучить исполнителям, но все отмахивались от него, как чёрт от ладана. Наконец, наш общий с тобой друг, дирижёр, ассистент Мравинского Эдик Серов, один раз исполнил его, за что получил достойную «награду»: его выслали в Ульяновск просвещать земляков Ильича симфонической музыкой. Шура, ты просишь запись моей музыки, а у меня до сих пор нет приличного диска, кроме этой доморощенной записи на любительском магнитофоне! Так что врубай на открытии «похоронный» Шопена и «шестую» Чайковского.

Мы допили водку, я подарил Тищенко мою статью-эссе в газете «St. Petersburg Zeitung» «Дом, над которым витают бесы» о доме Дмитрия Шостаковича по Марата, 9, и ретировался.

18 декабря 2006 года благочинный Центрального района отец Владимир (в миру В. У. Сорокин) освятил новый памятник. После произнесённых ритуальных торжественных речей из динамиков зазвучали концерт Grosso № 2 Альфреда Шнитке (дирижёр Г. Н. Рождественский, солисты О. Крыса и Н. Гутман) и Шестая бразильская бахиана Вилла-Лобоса

Открытие памятника А. А. Ахматовой. 18 декабря 2006 года

в исполнении Г. П. Вишневской и М. Л. Ростроповича. Многие с любопытством спрашивали меня:

– Это что, Бах? Вивальди?

А я «открывал Америку»:

– Это современные гении Альфред Шнитке и Вилла-Лобос!

И рассказал моим близким гостям, что когда Ахматова случайно незадолго до смерти услышала музыку Вилла-Лобоса в исполнении Вишневской и Ростроповича, то эта музыка её так поразила, что она написала стихотворение:

Женский голос как ветер несётся,
Чёрным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснётся –
Всё становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем

Небывалых шелков шелестит.
И такая могучая сила
Зачарованный голос влечёт,
Будто там впереди не могила,
А таинственный лестницы взлёт.

На открытии дул колючий декабрьский ветер, по небу неслись рваные снежные облака, а бронзовая Ахматова гордо стояла, кутаясь в тонкую шаль, в одной руке она сжимала чётки, а другая замерла в крестном знамении. Её печальный взгляд был устремлён через Неву к голубому куполу тюремного храма, надо которым тревожно метался одинокий белый голубь.

16 мая 2018 года

Памятник в Крестах

Декабрь 2006 года. Закончились торжества по случаю открытия памятника великому русскому поэту Анне Ахматовой работы скульптора Галины Додоновой (архитекторы Ирина Котомина и Владимир Реппо). На высоком берегу Воскресенской набережной Невы, напротив «Крестов», как и завещала Анна Андреевна, встала гордая женщина – на полпути от тюрьмы на Шпалерной улице до «Крестов». Внизу, у самой Невы, как пропилеи, шемякинские сфинксы. Благочинный Центрального района, настоятель храма в честь Святого равноапостольного князя Владимира отец Владимир (В. У. Сорокин) освятил скульптуру. Отошли в историю речи на открытии: губернатора города Валентины Матвиенко, автора Галины Додоновой, поэта Александра Кушнера, директора музея Ахматовой в Фонтанном доме Нины Поповой, отзвучала музыка Альфреда Шнитке и Вилла-Лобоса (Бразилия), выступил и спонсор памятника Юрий Жорно, человек, отсидевший в Крестах несколько лет за пустяковое нарушение в годы «строительства развитого капитализма» в России и давший клятву поставить в память страдальцев и матерей узников скульптуру. «Всемирный клуб петербуржцев» внёс памятник Ахматовой в «Белую

книгу Петербурга», в которой перечислены произведения, что украшают наш город.

Через некоторое время в мастерской Галины Додоновой раздался звонок, завхоз завода «Монументскульптура» довольно жёстко сказал:

– Галина Васильевна! Забирайте свою Ахматову (гипсовая модель, с которой отливали памятник в бронзе), а то мы будем вынуждены отвезти её на свалку!

Автор предложила работу бесплатно директору Музея Ахматовой в Шереметевском дворце Н. Поповой, но та отказалась, сославшись на низкие потолки дворца! Подобный результат был и в гимназии в Царском Селе, где учились Николай Гумилёв и Анна Горенко (в будущем Ахматова). Тамшний директор с пафосом сказал:

– Что вы, Галина Васильевна, мои гимназисты-варвары что-нибудь отобьют у вашей работы!

Не подошла скульптура и общественному музею «Золотой век» в Автово, что ютится в обычной хрущёвке на первом этаже.

На следующий день в мастерской скульптора раздался новый звонок. Красивый мужской голос представился:

– С вами говорит начальник Следственного изолятора «Кресты».

Далее шли имя, отчество, фамилия и воинское звание.

– Галина Васильевна, я слышал, что у вас есть модель памятника Ахматовой? Как вы посмотрите, если вы передадите её нам, а мы поставим её перед входом в тюремный храм? Я задумал на утренних литургиях в выходные пропускать в храм родственников наших сидельцев, чтобы они могли молиться вместе.

Ответ был положительным. Через пару дней в тюремные ворота въехал грузовик. Крепкие ребята в тюремных робах подняли скульптуру на второй этаж ко входу в храм. Автор заделала швы, покрасила её под бронзу, и в присутствии тюремного начальства и заключённых состоялось открытие. Священник тюремного храма в честь Святого князя Александра Невского отец Александр освятил работу Додоновой. Начальник «Крестов» сказал речь, а потом провёл нам экскурсию

по тюрьме. В заключение в его тесном кабинете прямо на зелёном сукне стола, где лежали папки с надписью «Дело» был накрыт а-ля фуршет. Я заметил в кабинете шкаф, набитый книгами, где был и томик со стихами Ахматовой.

За нами закрылись тюремные двери. Дул колкий зимний ветер с позёмкой. Мы вышли из «Крестов», где Анна Андреевна «стояла триста часов» и перед ней «не открыли засов».

Ещё через месяц Галина Васильевна получила письмо из тюрьмы от заключённого. В нём оказались стихи:

Святая мать

Она пришла к «Крестам» рыдать,
На милость Божию взывать.
Судьбой осуждена страдать
Всем узникам Святая мать.
Всегда, везде и в непогоду
Она с тобой проводит годы.
Незримо или пред глазами
Жжёт очи перед образами.
Её любовь, как Бог наш, вечна,
Её надежда бесконечна.
Она всё стерпит, все невзгоды,
Как бронза терпит Невы воды.
Знай, не устанет мать стоять,
Многозначительно молчать,
Готовая всегда обнять
И перед казнью ободрять.
В тюрьму посаженный, сражённый,
За грех твой Богом пристыжённый,
Не лги себе, молись за мать,
Опору, дай себя ей ждать.
Там, за решёткой, за стеною,
Перед свинцовой Невою
Всегда готовая принять
Стоит твоя Святая мать.

С. Фатоянов, тюрьма «Кресты», 25.12.2006.

Памятник А. А. Ахматовой

Гипсовая модель памятника А. А. Ахматовой в изоляторе "Кресты"

Внук Атамана

Георгий Михайлович Семёнов родился в станице Дурулгуевская Читинской области в семье казака. Окончил Оренбургское казачье училище (в 1911 году).

В годы Первой мировой войны – хорунжий Нерчинского, затем Верхнеудинского казачих полков. Награждён многими российскими орденами и Георгиевским оружием «За храбрость», комиссар временного правительства в Забайкалье.

В 1918 году части атамана Семёнова заняли Читу. С декабря 1918 года он – командующий Читинским округом.

С декабря 1919 года командующий войсками в тылу Колчака. С января 1920 года Колчак передал Семёнову всю полноту власти на территории Восточного округа России.

В ноябре 1920 года Семёнов под напором Красной армии отступил в Приморье, а в 1921 году эмигрировал в Маньчжурию. Вёл активную борьбу с Советской властью. Сотрудничал с армией и с разведкой Японии.

В 1945 году во время операций Советской армии был захвачен НКВД. Казнён по приговору Верховной коллегии верховного суда СССР.

В январе 1947 года повешен вместе с Власовым и атаманом Красновым.

(краткая справка из «Летописи русской революции» 2016 года)

После войны с Японией семья атамана Семёнова переехала в Забайкалье. Действовал лозунг И. В. Сталина: «Сын за отца не отвечает!». Тем более внук. Алексей Михайлович Семёнов поступил в Ленинграде в электротехнический институт. Женился на сокурснице Аллочке. Пришёл в Хор любителей пения при Капелле на Мойку, 20. Когда мы с мамой (Е. П. Кудрявцевой), искали солиста для негритянских спиричуэлсов, он предложил свои услуги и успешно выступал на концертах. Алексей свободно говорил на английском. Знал хорошо китайский и японский. Уехал по распределению в Симферополь инженером телерадиоузла. Проработал в должности более пятидесяти лет.

В 2016 году я приехал в Крым. Моя супруга рубила из белого камня (известняка) скульптуру ангела. Мы встретились с Семёновым и много вспомнили после пятидесяти лет разлуки. Ныне он пенсионер, поёт в храме. Он рассказал моей дочери Маше о своей фантастической судьбе.

Декабрь 2017 года

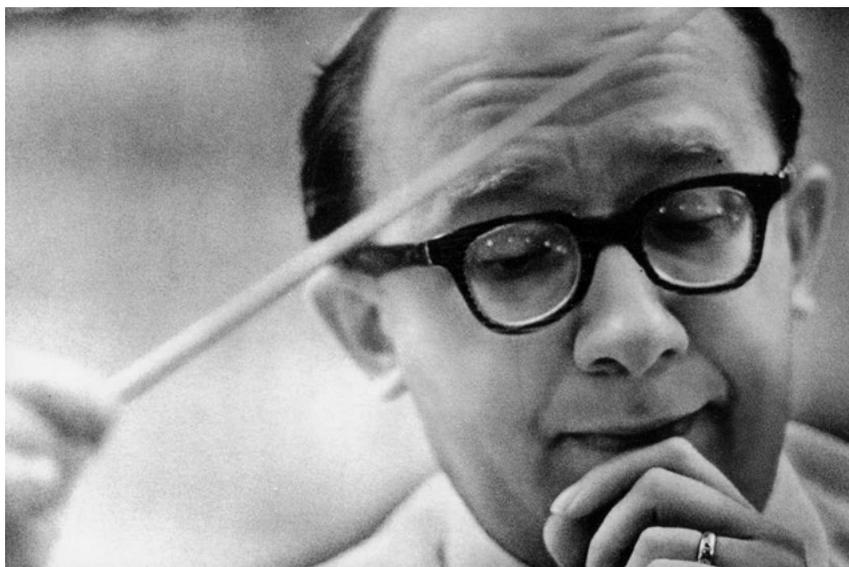

Алексей Михайлович Семёнов и я. Май 2016 года

Кантата для чтеца, хора и оркестра

В 1963 году дирекция Филармонии предложила маме (Е. П. Кудрявцевой) подготовить с Хором любителей пения при Капелле для концерта под управлением Г. Н. Рождественского кантату С. В. Рахманинова «Весна». Мы, мама, я и Лёша Степанов быстро разучили довольно трудную в интонационном отношении музыку композитора. Но солист Кировского театра «господин» Наволошников принципиально отказался от репетиции с «каким-то самодеятельным хором» и явился прямо на оркестровую репетицию в Большой зал Филармонии. Пел мимо нот, видимо, плохо выучил материал. После прогона кантаты дирижёр отпустил хор и оркестр и удалился в Красную гостиную, где долго ещё зубрил с «его величеством» солистом Кировского театра вокальную партию.

На концерте мама и мы, хормейстеры, стояли на сцене рядом с хором, как говорится, «на стрёме». И не зря. Если в монологе «Скромна моя хозяйшкa» Наволошников выдавил из себя

Г. Н. Рождественский

что-то рахманиновское, то далее просто перешёл на мелодекламацию. Рождественский с большим трудом вёл оркестр, безуспешно пытаясь помочь бедолаге. В конце певец просто нёс музыкальную околесицу. А хор должен был с его мелодии продолжить своё пение. Услышав патетические рыки солиста «Люби, покуда любитя и т. д.» мы дали тон хору, и тот запел на слова Некрасова финальную мелодию Рахманинова «Люби, покуда любитя, <...> И – Бог тебе судья!»

Когда смолкли последние аккорды, раздалась аплодисменты, Рождественский вызвал маму на поклон. На его лице появилась блаженная улыбка: «Слава Богу, кончилась эта мука!»

Шествуя по Голубой гостиной в дирижёрскую каптёрку в сопровождении музыкантов и поклонников, Геннадий Николаевич на полном серьёзе обратился к маме:

– Дорогая Елизавета Петровна! А я и не знал, что Рахманинов сочинил свою кантату «Весна» для оркестра, хора и чтеца!

Гомерических смех окружающих был наградой удачному каламбуру.

А певца Наволошников за глаза с тех пор стали величать «Новолажников»!

26 октября 2017 год

Рында

У Джакомо Пуччини есть триада опер «Богема», «Тоска», «Плащ». Первые две популярны и часто звучат на сценах наших театров, а вот третья, «Плащ», почти не известна. По сложному сюжету в Париже к набережной Сены пристаёт обычный буксир, на нём и происходит действие оперы со страстями, любовью, изменой и даже убийством.

В 60-х годах прошлого века оперу «Плащ» решил исполнить в Филармонии в концертном виде замечательный дирижёр Геннадий Рождественский. В партитуре Пуччини использовал звук рынды, судового колокола, и звуки настоящей сирены. В Филармонии этих инструментов не было в наличии. И Максим Эдуардович Крастин, директор учреждения,

обратился ко мне, хормейстеру хора, с просьбой найти «за любые бабки» рынду и сирену.

После долгих поисков и расспросов я нашёл эти предметы в доме культуры имени Орджоникидзе на Васильевском острове. Они там использовались во всевозможных торжественных праздниках. Дом культуры принадлежал Ленинградскому судостроительному заводу имени Жданова. Директор этого «очага культуры» долго ломался, отнекивался, но, в конце концов, «ради искусства» выдал рынду и сирену под расписку. Я с трудом загрузил эту тяжесть в такси и привёз в Филармонию.

Рождественскому доложили о наличии инструментов, и он начал репетицию. По сигналу маэстро трубач Толя Царёв несколько раз ударил в рынду. А я в нужном месте за занавеской зала крутанул знаменитую сирену. Вдруг музыканты схватили свои скрипулечки, пригнулись и стали стремительно убежать за кулисы. Многие из них пережили ленинградскую блокаду, и звук сирены приняли за сигнал воздушной тревоги.

Возникла пауза. Рождественский, улыбаясь, остановил репетицию и изрёк:

– Рынду оставить, а сирену отключить! А то на концерте ползала сбегут!

Так и сделали.

После концерта рынду и сирену я возвратил хозяевам в ДК с благодарственным письмом за подписью руководства Филармонии. Директор поместил его в рамочку и повесил на стенку в кабинете рядом с портретом Никиты Сергеевича Хрущёва.

17 ноября 2017 года

Чага

Восьмого августа, в день святого Пантелеймона Целителя, я каждый раз отправлялся в театральный посёлок на Суходольском озере поздравить с именинами и днём рождения друга семьи, доктора медицины, профессора, заведующего кафедрой терапии Первого медицинского института Пантелеймона Константиновича Булатова. К профессору приезжали в этот день коллеги из города, его поздравляли знаменитые артисты, его пациенты и соседи по посёлку. Скетчи, песни, розыгрыши, всевозможные хохмы – всё это продолжалось за полночь, потом под «Малярку» дяди Кости (Константина Сорокина из БДТ) и под пение Александра Фёдоровича Борисова гости расходились.

Я залез на сеновал и заснул глубоким сном. Разбудил меня Пантелеймон Константинович:

– Шурочка, пойдём-ка собирать чагу!

Мы перекусили остатками юбилейного торжества. Пантелеймон Константинович взял две корзины, а мне на плечо загрузил кошки, специальные устройства, с помощью которых монтеры залезают на столбы. Мы прошли в берёзовую рощу. Иногда под ногами попадались красные и боровички. Булатов предостерегал:

– Пусть подрастут!

У огромной берёзы мы остановились. На высоте семи метров у дерева был сломан сук, и это место покрывала чёрная субстанция.

– Это и есть чага! – сказал Булатов. – Залезай и срежь!

Я так и сделал. Затем мы обработали так ещё десятка два деревьев, утомились, и через несколько часов вернулись в дом Пантелеймона Константиновича.

Его супруга Анна Дмитриевна налила нам свежего холодного молока. А Пантелеймон Константинович достал огромную, как церковный колокол, ступку, положил несколько кусков чаги и стал большим пестиком долбать эту субстанцию в пыль. Потом высыпал в кофейник, залил кипятком и поставил на огонь. По избе распространился какой-то загадочный

П. К. Булатов с друзьями. 1955 год

африканский экзотический дух. После пятнадцати минут кипячения Пантелеймон Константинович снял кофейник и, обратясь к жене, сказал:

– Анюта, сообрази нам с Мурочкой парного молока!

Аккуратно слил отстоявшуюся жидкость из кофейника в кружки, добавил молока и мы приступили к трапезе. Я пил этот божественный напиток, и усталость уходила сама собой.

– Ну как, понравилось? – резюмировал Пантелеймон Константинович.

Булатов написал и издал в 50-е годы монографию «Чага и её лечебное применение», с успехом лечил от рака крупнейшего хормейстера XX века Александра Васильевича Свешникова, который прожил девяноста один год.

Р. S. Недавно, выходя из метро на Владимирской, я увидел старушек, торговавших овощной смесью. А сбоку сидела старенькая бабуся, напоминавшая Арину Родионовну. Перед ней на газете лежали две кучки чаги. Все люди проходили мимо и не останавливались. Я поинтересовался:

– Откуда чага?

Разговорились. И я поведал бабуле о Пантелеймоне Константиновиче, как мы собирали чагу, и вообще о жизни-бытии. Вдруг старушка засуетилась и стала горстями закладывать чагу в мой портфель.

– Бери, добрый человек, на здоровье, бери! Без денег! – причитала она.

18 июня 2019 года

Как я задавил главного кардиолога Петербурга

В Ленинграде фамилия Булатова была очень популярна. Это был специалист по бронхиальной астме Первого медицинского института им. Павлова. Он лечил Черкасова, Мравинского, Свешникова, да и простые смертные были ему благодарны, и за глаза называли Пантелеймон Целитель.

Он был другом моих родителей, часто бывал с супругой, с которой прожил свыше шестидесяти лет в счастливом браке, у нас дома. В Петербурге многие врачи были его учениками и аспирантами. Жил он в родовом доме на Почтамтской улице, который в 1825 году принадлежал его предкам, декабристам Булатовым. Это был памятник архитектуры, старинный особняк на высоком каменном подвале.

В 60-х годах затеяли капитальный ремонт этого дома, и все домашние пожитки, шкафы, столы, кровати, мебель надо было перевозить в резервный фонд, правда, недалеко, на канал Грибоедова. Сын Пантелеймона Константиновича Юрий собрал команду из друзей и нескольких аспирантов отца. Перевозили эти старые, красного дерева «мебели». Анна Николаевна, супруга Булатова, напихала в шкафы всё, что только можно. Сдвинуть не было никакой возможности. Поскольку Булатов был заядлый рыбак, то из одного зеркального шкафа мы вытащили шесть зимних тулупов, а из нижнего ящика несколько ледорубов. И только после этого мы с аспирантом Булатова Глебом Сергеевичем Федосеевым подхватили этот зеркальный шкаф и потащили к автомашине. Неожиданно на повороте

я не рассчитал, что впереди идёт Глеб Сергеевич, или по-домашнему Глебушка, и плотно прижал его к стене. Он запищал. Пантелеймон Константинович громко воскликнул:

– Шура! Ты так передавишь всех моих аспирантов, и мне не с кем будет работать!

Я отшутился:

– Ничего, Пантелеймон Константинович, Глеб Сергеевич Федосеев напишет докторскую диссертацию «Такелажные работы у шефа» и станет доктором.

Мои слова оказались пророческими. Ныне Глеб Сергеевич Федосеев – заслуженный деятель науки России, академик, главный кардиолог Петербурга.

Эй, мужик!

Сегодня электричка из Петербурга домчит вас до Сосново за час сорок минут.

А в 40-е послевоенные годы паровозик типа «кукушка» с десятью скрипучими вагонами, помнящими ещё дедушку Ленина, вымотав все кишки и душу, волохал вас три с половиной часа до станции Раута (так по-фински называлось Сосново). Это в 50-х годах председатель совета министров К. Е. Ворошилов после возлияния во время визита в Хельсинки сболтнул другу Кекконену, что СССР не прочь вернуть часть Карельского перешейка финнам. Тогда срочно все финские названия переменили на русские: Зеленогорск, Комарово, Солнечное, Горьковское, Молодёжное, Орехово и т. п. В двенадцати километрах от Сосново расположился финский военный городок Валкъярви, ныне Мичуринское. Там в 40-х годах располагалась элитная финская конная дивизия Теннера, любимца генерала Маннергейма. На холме в окружении ограды из гранитных валунов красовалась кирха, внизу в дюнах были пакгаузы для лошадей, более похожие на современные спортивные залы. Вдоль озера были аккуратные домики офицеров, в каждый из середины озера шёл водопровод с родниковой водой. Рядом было казино, в наши дни профсоюзный

клуб. В дюнах спрятался двухэтажный холодильник, в который могли заезжать два железнодорожных состава узкоколейки. На нынешнем 67-м километре был обширный полигон для выездки лошадей, выше – молочная ферма.

В этих райских условиях хор, оркестр, баянисты, танцоры Дома культуры «Трудовые резервы Ленинграда» летом 1956 года готовили свои программы для Всемирного фестиваля молодёжи и студентов 1957 года.

Занятие в лагере в Мичуринском

В пяти километрах от Мичуринского располагалось красивейшее озеро Пунусярви (Кошачье озеро) с посёлком Светлое, в котором после войны поселились погорельцы-аборигены из псковских и новгородских деревень. У них на лето снимали дачи три семьи из Питера: медика, профессора П. К. Булатова, специалиста по фундаментам и основаниям Б. И. Далматова и профессора Консерватории, дирижёра Капеллы Е. П. Кудрявцевой.

На севере Карельского перешейка на 101-м километре на озере Суходольское в посёлке Яблоновка пустующие финские усадьбы облюбовали два друга Николай Константинович Черкасов и Евгений Александрович Мравинский. Вскоре к ним присоединились другие артисты: Борисов, Симонов, Копелян,

П. К. Булатов. 1955 год

Карнович-Валуа, Сорокин, Островский. Образовался целый театральный посёлок. А в Ленинграде негласным шефом-медиком двух театров – Пушкинского и БДТ имени Горького – был профессор Первого медицинского института имени Павлова Пантелеймон Константинович Булатов. Он лечил Черкасова, Мравинского, ректора Московской консерватории Свешникова. Вот артисты и уговорили Пантелеймона-целителя, как они его звали за глаза, перебраться из Светлого в Яблоновку и занять пустующий хутор с домом и двухэтажным сараем на высоком холме Яблоновки.

Булатов не хотел расставаться с любимой шлюпкой и попросил меня, племянника Костю, Серёжу Далматова помочь сыну Юрию перевезти судёнышко на Суходольское озеро. Мы загрузили лодку в кузов грузовика и через четыре часа были в Яблоновке. Наутро Пантелеймон Константинович решил апробировать новое место. Взял снасти, длинный рыбацкий дождевик, надел шапку с большими полями и вырулил на глубину. Мы на горе у усадьбы готовили бочку, вереск, щепу для копчения рыбы, и нам было видно, как Булатов тягает рыб грамм так по пятьсот одну за другой. Вдруг к его лодке

П. К. Булатов, Катя Мурина на рыбалке. 1955 год

с недружественными намерениями подъехали два судёнышка. Долговязый рыбак обратился к новичку:

– Эй, мужик! Это место нами прикормлено. Линяй отсюда-ва! А то масла и весла поломаем! Чеши отсюдава!

Булатов покорно выбрал из глубины озера якорь и отгрёб поближе к берегу...

Всю ночь у дома дымилась бочка, коптилась рыба. Утром был вкуснейший завтрак, лакомство так и таяло во рту.

В обед мы наблюдали такую картину. Вчерашние аборигены подошли к дому Пантелеймона, впереди шёл высокий, тот самый матюгальщик, что прогнал Булатова. Он нёс деревянное корыто с зеленью, на которой лежал трёх с половиной килограммовый язь. Следом шли «подельники» с цинковыми вёдрами, полными огурцов и помидоров.

Длинный начал:

– Ты уж прости нас, мужик! Мы и не знали, что ты наш новый лекарь!

С тех пор Булатов и его гости могли рыбачить на всей акватории Суходольского озера.

27 января 2019 года

Файертаг

В холодное лето 1953 года в каникулы родители решили нас согреть на знойном юге. У отца накопился неиспользованный отпуск, а у мамы намечались гастролы Капеллы по городам Украины.

Двадцать дней июня мы блаженствовали близ Умани в деревне Маньковка, купались в теплом Буге, местные колхозники снабжали нас плодами своих садов, полей и огородов. С нами отдыхали несколько певцов Капеллы. Но в конце июля они и мама уехали на гастролы по Украине. Капелла выступала с симфоническими оркестрами Киева, Львова, Харькова под управлением местных дирижёров Н. Рахлина, К. Симеонова, И. Гусмана. Причём Девятую симфонию Бетховена и Реквиемы Верди и Моцарта готовила мама, а Георгий Александрович Дмитревский дирижировал сольным концертом. В Харькове Девятая Бетховена и Реквием Верди прошли на «ура». Г. А. Дмитревский, администратор Капеллы С. Г. Кац, директор хора В. В. Боровецкий за обедом с местными поклонниками изрядно приняли на грудь спиртного, да так, что к вечеру еле стояли на ногах. И тут «Елизавета Петровна – палочка-выручалочка» (слова Г. А. Дмитревского) вышла на сцену, блестяще провела концерт, а утром не могла встать на ноги. Харьковские светила поставили диагноз – тромбофлебит вен ног, реакция организма на высокую температуру. Нужны хвойные и грязевые ванны и покой, покой, покой. А какой покой, если в Сочи её дожидаются муж и дети? Харьковские друзья достали железнодорожные билеты Харьков-Сочи. Концертмейстер оркестра на личной машине доставил болящую прямо на перрон к вагону. В Сочи папа на руках погрузил маму на такси и приехал к дому, где снял для нас комнату.

У морской набережной Сочи была вилла народной артистки СССР В. В. Барсовой, с которой мама подружилась во время совместных гастролей Капеллы в 1948 году по Волге. Барсова прислала лучших врачей сочинских санаториев. Но они подтвердили прежний диагноз – тромбофлебит, покой, покой, покой. Прошли август, сентябрь. Кате надо было на занятия

в музыкальную школу-десятилетку, мне – в Хоровое училище Капеллы. С большим трудом отец купил купе в Ленинград, и наконец, мы были в нашей коммуналке на Мойке, 20.

В один из вечеров к нам пожаловал друг семьи профессор из Первого медицинского института П. К. Булатов, с ним в комнату протиснулся высокий грузный мужчина, его квадратная голова, подстриженная под ёжик, была крепко посажена на короткую шею. От него пахло йодом. Из сафьянового портфеля он вынул белоснежный халат с застёжками на спине, прошёл с отцом на кухню и тщательно вымыл руки. Мощными пальцами рук начал обследовать больные ноги. Булатов отправил нас в другую комнату, и я услышал знакомое слово – тромбфлебит.

– Попробуем новокаиновую блокаду! Я к вам, Елизавета Петровна, завтра зайду после дежурства в больнице.

В сопровождении отца они вышли на Мойку, сели в служебную «Победу» Булатова, взревел мотор, и они укатили.

На следующий вечер Даниил Исаакович пришёл к нам, разогрел на спиртовке шприц, наполнил его лекарством и стал колоть мамину ногу по окружности через несколько миллиметров. Мама мужественно молчала и не пищала, как обычно некоторые больные. К концу процедуры огромный лоб доктора был покрыт каплями пота, как бриллиантами.

Позже мы узнали, что Даниил Исаакович Файертаг окончил в 1900 году Берлинскую медицинскую академию, служил в Петербурге, Петрограде, Ленинграде. В 1941 году он был главным хирургом нашей обкомовской Свердловской больницы. В блокаду оперировал больших ленинградских начальников от Жданова до Говорова. А в 1952 году попал в компанию «врачей-вредителей» (евреев). Слава богу, не расстреляли! Просто неожиданно умер усатый «вождь всех времён и народов», а следом расстреляли «английского шпиона» Берию. И старый лекарь стал обычным хирургом районной больницы имени Софьи Перовской. С Булатовым он был знаком ещё с 20-х годов.

После нескольких блокад мамино здоровье пошло на поправку. А старый доктор стал непременным посетителем

концертов Капеллы, где дирижировала мама, и на фортепианных вечерах в Филармонии, где играла Катя Мурина, они с супругой всегда занимали лучшие места.

Шли годы. Умерла супруга Даниила Исааковича, любимая ученица Глазунова. Файертаг осунулся, резко сдал, глаза постоянно слезились, как от пыли.

В Германии обнаружили, что их воспитанник ещё жив и исцеляет болящих. Его пригласили в Берлин и вручили золотую медаль за пятьдесят лет безупречного служения медицине и людям.

В один из последних визитов к нам Даниил Исаакович принёс подарки: маме – дирижёрскую самшитовую палочку самого А. К. Глазунова, Кате – записную книжку с серебряным окладом и с золотым обрезом, а мне – старинную гравюру работы В. А. Серова «Римский-Корсаков пишет Снегурочку» в изумительной раме абрамцевских мастеров. Она всегда висела над роялем и напоминала о старом лекаре, что спас маму.

31 июля 2018 года

В русских ритмах

Сестрички

В 1972 году на репетиции правительственного концерта в Кировском театре, где я дирижировал сводным народным хором Ленобласти (четыреста певцов), ко мне подошли трое. Один – известный в городе администратор Григорий Маркович Полячек, в блокаду директор легендарного Ленинградского театра музыкальной комедии, после войны возглавлял областную филармонию, где начинали свои карьеры многие в будущем знаменитые артисты, и среди них Галина Вишневская. Другой, Семён Александрович Карасик, был начальником гастрольного отдела Ленконцерта, что организовывал концерты по стране Аркадию Райкину, Леониду Утёсову и оркестру Мравинского. Третьим был артист Пушкинского театра Дмитрий Иванович Тимофеев. В театре он играл эпизодические роли, а ещё он дублировал народного артиста СССР В. И. Чеснокова. Когда у последнего прихватывало сердечко, Тимофеев выходил в гриме Ильича, вскидывал рученьку и восклицал: «Евоюция, о котоой говоии большевики, свейшилась!», а зрители не замечали подмены.

Г. М. Полячек обратился ко мне с предложением:

– У нас в Ленкоцрте есть вокальный ансамбль «Сёстры Фёдоровы». Одна из сестричек, Неля, с мужем-администратором Перельманом во время гастролей остались за бугром. А четыре сестрёнки с баянистом вернулись в СССР и висят мёртвым грузом у Карасика, получая нищенскую неустойку и влача жалкое существование. Не возьметесь ли вы их реанимировать? С виду вы мастак в народном пении.

– А разве Фёдоровы не разбились на Ту-104 в Китае? – удивился я.

– Они живы-живёхонки! – опроверг меня с улыбкой Полячек.

Договорились о встрече на Фонтанке, 41. Через неделю в кабинете директора Ленконцерта передо мной сидели четыре довольно рыхлые русские тётки. Представились:

- Катерина!
- Анастасия!
- Нина!
- Галя. Селивановны, все Фёдоровы.

Последнюю Галю я знал как жену известного джазового трубача Константина Носова, который говаривал:

– У советского джаза нет народных корней. Моя половина – народная русская певица Фёдорова.

Семён Александрович Карасик предупредил меня:

– Вам будет трудно. Сестрички через слово ругаются матом.

Я парировал:

– За каждую «мать-перемать» буду люто штрафовать!

И выложил на начальственный стол три рубля.

В Питере жил основатель ансамбля, педагог по народному пению Леонид Иннокентьевич Шимков. Я обратился к нему за советом. Его ответ поверг меня в шок:

– Александр, это дохлый номер! Никчёмное занятие! Их без Нели не восстановить!

Сие меня раззадорило. Попробую, чем чёрт не шутит!

Начал репетировать. Привлёк к работе с квартетом замечательного баяниста-виртуоза Ивана Сергеевича Тихонова, так как у постоянного баяниста Бориса Яковлева, к слову, мужа старшей из сестёр, Екатерины, из-за постоянных пьянок отнялись три пальца на правой руке.

Моим друзьям, композиторам Александру Морозову, Станиславу Пожлакову, Виктору Плешаку и Валерию Гаврилину, заказал песни в русском духе. Да и «маститые старики» А. А. Владимирцев, М. И. Матвеев, Д. А. Прицкер, Г. В. Подэльский (аккомпаниатор Георга Оттса) поделились своим творчеством.

Располневшие сестрички с трудом влезали в свои старые девичьи сарафаны. На гонорар от «фёдоровского мата» уговорил известную театральную художницу Софью Юнович придумать эскизы костюмов. Замечательный мастер создала для каждой певицы персональный «боярский» шедевр. И когда Фёдоровы вышли в них на худсовете в Театре эстрады

Сёстры Фёдоровы

в сопровождении баянистов в красных рубахах и сафьяновых сапогах, зал разразился громом аплодисментов. Показ программы на худсовете прошёл на отлично. Ко мне подходили и хвалили за сестричек Полячек, Карасик, Тимофеев, Герман Орлов. Поздравил и Леонид Шимков, облобызал троекратно и выпалил:

– Молодец, Александр! Поздравляю. Ну это уже совсем другой квартет сестёр Фёдоровых!

После худсовета моё положение в Ленконцерте укрепилось. Ко мне в класс устремились заниматься артисты Александра Сапожникова, Тамара Пятница, Толя Грищенко, Светлана Родионова, Макар Алпатов и другие.

Фёдоровым напечатали красочную афишу, а добрейший С. А. Карасик отправил их на гастроли по городам Поволжья. Они работали отделение, а во втором выступал дуэт Галины и Дмитрия Барковых. Поехал с ними и я. Фёдоровых принимали на ура. Случился и конфуз. В Ульяновске, на родине Ильича, в артистическую после концерта ворвался партийный начальник города и с порога рубанул:

– Где тут руководитель так называемых сестёр Фёдоровых? Женя Барков указал на меня.

– Что ты, – продолжал начальник, – мать-перемать, нам, волжанам, вешаешь на уши лапшу? Сестры Фёдоровы давно разбились на Ту-104 в Китае! Пришлось попросить сестричек показать Фоме неверующему серпастые-молоткастые документы. Тот смутился, а через десять минут устроил всем нам «скромный» партийный ужин с коньяком и чёрной икрой.

Восстановив ансамбль «Сестры Фёдоровы» я дал гарантию их работы на последующие пять лет, но они перебрали этот срок...

Недавно в интернете я узнал, что в живых из пяти сестёр осталась одна, Анастасия, она живёт в Израиле.

Александра Сапожникова

Вступительное слово к передаче «Монастырских песен»

Александра Сапожникова – певица счастливой и в то же время трагической судьбы. Её звезда взошла на русском песенном народном небосклоне в годы, когда «царствовали» Лидия Русланова, Ирма Яунзем, Людмила Зыкина и Ольга Воронец. Её голос различим и узнаваем «лица необщим выраженьем». Она объездила с концертами всю страну, выступала за рубежом, побеждала на конкурсах и фестивалях. Для неё писали песни выдающиеся композиторы.

Меня свела с ней судьба в семидесятые годы. Я был приглашён в Ленконцерт восстановить знаменитый на весь мир квартет сестёр Фёдоровых, готовил с ними новую программу. Тогдашний директор Ленконцерта посоветовал:

– Займитесь и Сапожниковой!

Я не учил Александру Петровну петь, это всё равно что учить птицу летать. Просто она предлагала мне десятки, сотни вариантов песни, и мы отбирали лучший, что устраивал нас. А затем – работа с баянистами, ансамблями, оркестрами. Мы обоюдно были влюблены в русскую народную песню.

Помню нашу общую встречу в гостинице «Советская» с Григорием Пономаренко. Композитор играл на баяне и пел свои гениальные песни. Шура впитывала их слёту, вживаясь в них всем своим существом. А потом выдавала на гора, как будто она их только что сама сочинила.

У неё есть великолепное умение «влезать» в образ песни до последней нотки, до самой маленькой паузы. Такое я наблюдал, пожалуй, только у Иннокентия Смоктуновского, Кирилла Лаврова и Михаила Ульянова, которые вгрызались в шкуру своих героев так, что оторвать их можно было только «с мясом».

Много горестей выпало Шуре в личной жизни. Но она гордо несёт свой крест, как и положено русской женщине. От этого в её песнях внутренний трагизм и суровая красота.

Долго шла Александра Петровна к моей сюите «Монастырские песни» на основе фольклора деревни Монастырёк Сланцевского района. Но когда на записи она спела сюиту с Андреевским оркестром, прямо в студии музыканты устроили ей бурную овацию. Необычайно звучит голос певицы в плаче «Красота ль моя, красота ль», и как он преобразуется в озорной попевке «Соколы вы, соколы».

Послушайте песни заслуженной артистки России, народной певицы Александры Петровны Сапожниковой. И как говорят на Руси, благо вам будет!

Народная певица Тамара Пятница

Вступительное слово на юбилейном концерте в Концертном зале у Финляндского вокзала, посвящённом 25-летию концертной деятельности.

На нашей запущенной ниве русского народного искусства Тамара Пятница – яркое, самобытное, талантливое явление. Господь наградил её не только уникальным бархатным голосом, но и трудолюбием, умением преодолевать все внешние обстоятельства, не опускать руки перед судьбой. В наше тяжёлое время она не только выстояла, но приобрела ещё тысячи поклонников русской песни и среди чопорных и сдержанных англичан.

Тамара
Пятница.
2018 год

Наш город дал миру первый оркестр русских народных инструментов, созданный Василием Андреевым сто лет тому назад. У нас в годы блокады Павел Смирнов собрал первый в мире оркестр баянистов. В Петербурге расцвёл талант балалаечников, певиц Вари Паниной, Екатерины Сорокиной, сестёр Фёдоровых, Александры Сапожниковой. И вот уже двадцать пять лет горит звезда воистину народной певицы Тамары Ивановны Пятницы!

Р. S. Пятница – это не псевдоним, а подлинная русская родовая фамилия.

Чёрный бархат

В 1976 году мне предложили возглавить в Ленконцерте русский эстрадный ансамбль «Белые ночи». В его состав входили ансамбль народных инструментов (двенадцать музыкантов), танцевальная группа (двенадцать человек), пара актёров (Ю. Овсянко и Е. Чернякова).

В группу вокалистов я отобрал тех, кого хорошо знал: Светлану Родионову, Анатолия Грищенко, Юрия Москвина и Галину Баранову. Последняя обладала уникальным низким контральто. Я знал, что она заканчивала нашу Консерваторию по классу профессора, у которого тогда учились Валерий Малышев, Георгий Селезнев, Евгений Нестеренко. Профессор учил вокалистов-мужчин, а Галя была исключением.

Я предложил Барановой программу старинных русских романсов, а обработку и оркестровку поручил сделать своему другу и однокашнику Леониду Петрову.

На гастролях по СССР Баранову принимали восторженно.

Позднее, в 80-е годы она стала делать сольные концерты, гастролировала во Франции, в Париже, записала несколько дисков. В Париже её сравнивали с Валей Паниной и Надеждой Плевицкой, обещали золотые горы, предлагали остаться «за бугром».

В начале XXI века Галя Баранова подарила мне свой диск с записью русских романсов, которые мы с ней сделали почти сорок лет тому назад. Я показал запись моей маме, Е. П. Кудрявцевой. В те дни мама лежала с переломом в институте Вредена. Врачи и больные, которые слушали исполнение Галины Барановой, дивились той внутренней энергии, которую излучал её голос.

Варю Панину Фёдор Шаляпин сравнивал с нежным чёрным бархатом. Подобный колорит излучает и уникальный голос современной певицы Галины Барановой.

Модильяни

В 1972 году я перешёл на службу в Ленконцерт педагогом-репетитором вокального отдела. Концертмейстером в моём классе был замечательный пианист, воспитанник Консерватории Михаил Лазарев. Он окончил вуз по классу профессора Хайфина, долгие годы играл в знаменитом ансамбле электроинструментов «Эмиритон». Миша великолепно аккомпанировал певцам, с лёгкостью играл в любой тональности, недурственно сочинял музыку.

Я жил у родителей в доме 20 на набережной адмирала Михаила Лазарева, что вместе с Фарадеем Белинггаузенем открыл Антарктиду. У нас с Мишей был уговор: он мне звонил по телефону в 9 утра, и мы договаривались о репетиции на базе Дома культуры на Новгородской улице. Каждое утро ровно в 9 раздавался звонок:

– Скажите, это набережная имени менё?

– Да, это набережная имени Михаила Лазарева, – отвечал я.

И далее шёл деловой разговор.

Как-то раз музыкант из Радиокomiteта, занимавший высокий пост, попросил меня послушать его знакомую и стал обещать золотые горы за это:

– Я сделаю про тебя передачу! Хочешь, запишем Хор любителей пения под твоим управлением? Только послушай мою подругу.

Я назначил день и время. В нужный – дверь пинком ноги отворилась. В зале я репетировал с вокалистами Ленконцерта Светой Родионовой, Анатолием Грищенко и Макаром Алпатовым. Вошла подруга моего радиийного знакомого. На ней была дорогая меховая шуба. На голове, как у монгольского хана, небрежно болталась лисья шапка. На ногах – зимние австрийские сапожки на сумасшедших шпильках. Гостья небрежно бросила на пулт рояля Мише Лазареву ноты.

– Маэстро! Сыграйте!

Я понял, что она «под мухой». Михаил Александрович интеллигентно предложил раздеться.

– Я уже раздетая! – возразила она и распахнула шубу, под

которой, кроме австрийских сапог, ничего не было. Певцы от удивления проглотили языки. Миша, давясь от смеха, полез под рояль. Я, воспользовавшись замешательством, шмыгнул в коридор и из кабинета директора дома культуры позвонил радиальному начальнику. Тот через пятнадцать минут приехал на такси. Гостя сидела на диване, прикрыв телеса шубой, закрыв глаза, что-то спяну несусветное несла. Знакомый, тысячу раз извиняясь, подхватил подругу и они в мгновение исчезли.

На следующее утро в квартире на Лазарева раздался звонок и знакомый голос спросил:

– Это набережная имени менé?

– Да!

– Попросите, пожалуйста, к телефону Модильяни!

Я в 1973 году

Ника

Никита Смирнов

В Консерватории в 1955 году на первом курсе по хоровой аранжировке я попал в класс к старому профессору Александру Александровичу Егорову.

В начале XX века он окончил Регентские классы Придворной певческой капеллы и Консерваторию, учился у Анатолия Константиновича Лядова.

В тот день я застал у профессора старшекурсника, крепкого парнишку в очках.

– Садись! Слушай, запоминай! Пригодится, – строго сказал Егоров.

В конце урока он представил меня:

– Знакомься, Ника Смирнов, Шура Мурин, сын Елизаветы Петровны Кудрявцевой.

Так всю долгую жизнь мы и величали друг друга: Ника и Шура.

Предмет аранжировки у студентов факультета слыл необязательным, и они его часто «мотали». Ника и я отдувались за них перед профессором, который раскрывал перед нами секреты соотношения хоровых голосов. Мы показывали профессору первые самостоятельные робкие «опусы». Часто Егоров рассказывал о своих учителях, приводил примеры:

– А вот Анатолий Константинович (Лядов) сказал бы: «Что это у вас тенор скачет, как козлик?» или «Бас – как в лесу заблудился!»

Александр Александрович показывал нам свою обработку русской народной песни «Вниз по матушке, по Волге», испещрённую замечаниями А. К. Глазунова. Сейчас, на склоне лет, я понял, сколько полезного я почерпнул у профессора Егорова. А тогда с Никой мы часто посмеивались над чудачествами старого музыканта.

А ещё Смирнов принимал участие в ансамбле «Дружба», что организовал мамин ученик, хоровик Саша Броневицкий, из студентов Консерватории. В нём пели Саша Дмитриев, Слава

Чернушенко, Миша Зайцев, Вова Максимков, Миша Гвоздев, Зяма Массарский, Саша Пустовалов, Ира Шушпанова, Маргарита Иванова, Витус Васильев, Тима Кухалев. Правда, ансамбль в шутку тогда величали «Липка» (в противовес московской «Берёзке»). Солисткой ансамбля была студентка Университета Эдита Пьеха. Успех и золотая медаль на Всемирном фестивале в Москве придут позднее, в 1957 году.

Вскоре Ника Смирнов с отличием окончил Консерваторию и по рекомендации профессора К. А. Ольхова стал успешно преподавать дирижирование в училище при вузе. А когда И. И. Полтавцев и П. П. Левандо создали в «дамском» библиотечном институте имени Н. К. Крупской (так называемой Крупе) хоровой факультет, одним из первых был приглашён преподавателем Ника Смирнов.

В шестидесятых годах Смирнов из своих консерваторских друзей организовал профессиональный вокальный ансамбль, который с успехом выступал с эстрадным оркестром А. С. Батхина, причём они исполняли не просто подпевки именитым солистам, а воплощали сложные многоголосые композиции в аранжировках Козловского и Фёдорова. Батхин не терпел фальши, был врагом пения под фанеру, требовал живого звучания на каждом концерте, будь то в камерном Театре эстрады или в огромном Доме культуры промкооперации. Многие ленинградские композиторы своей популярностью обязаны этим замечательным музыкантам-исполнителям.

В эти же годы у меня в Доме культуры МВД на Полтавской, 9, сложился из милиционеров добротный октет, с которым я дерзнул несколько раз выступить в зале Дома композиторов на творческих вечерах В. П. Соловьёва-Седова, Ю. М. Зарицкого и Д. А. Прицкера. На одно выступление пришёл Ника и строго бросил в мою сторону:

– Отбиваешь хлеб, дружище?

А потом рассмеялся, крепко обнял и добавил:

– Молодец, Шура, продолжай в таком же духе, разрешаю!

Недавно я пришёл в зал Капеллы на Мойку, 20, на открытие сезона. Слава Чернушенко как всегда блестяще провёл с хором «Всенощное бдение» Рахманинова. После концерта я подарил

дирижёру только что изданную мою книгу «Записки капелльского очевидца». За кулисами появился, тяжело опираясь на палку, Ника Смирнов и, узрев подарок, жалобно заскулил:

– А мне, Шурик? А мне, Мурик?

Я достал из портфеля экземпляр, что приготовил для директора Капеллы, и вручил другу. Ника обрадовался, как ребёнок красивой игрушке, прижал книгу к груди. Это была последняя встреча с Никой – Никитой Смирновым. Дай Бог ему покоя на небесах!

2 апреля 2017 года

Мой китайский друг Пле Ша Кунь

В первые дни блокады Гитлер бросил на наш город сотни самолётов. Он решил сжечь город, как до этого сжёг десятки европейских городов и столиц. Но против бесноватого фюрера встали бойцы МПВО (местной противовоздушной обороны). В основном это были молодые девушки, вчерашние школьницы. Мужчины защищали город на внешних рубежах (Пулково, Гатчина и т. д.). Они спасли Северную Пальмиру!

После блокады героини МПВО решили не расходиться и объединились в коллектив – Хор участниц МПВО, и он стал популярным в городе и не только.

В один из дней 1946 года одна из певиц принесла на репетицию народившегося сыночка и положила его на рояль. Малыш терпеливо выслушал репетицию, не пикнув. Это был Виктор Плешак, будущий выдающийся российский композитор. А потом было Хоровое училище мальчиков, что он окончил с отличием, Консерватория у трёх корифеев: Мамы Лизы (Е. П. Кудрявцева), Б. Б. Пушкива и любимого ученика Шостаковича Б. И. Тищенко.

Теперь следует «модуляция пятого родства» (такой, к слову, в музыке нет).

В 1970 году нам в Космической академии имени Можайского вручали памятные медали в честь годовщины полного снятия блокады, а к ним диск с записью парада Победы

в 1945 году. На нём и Сталин в белом кителе, и Жуков на белом «орлике», и Рокоссовский на пегом коне, и гвардейцы, кидающие фашистские знамёна к ногам Кремля. Проходит техника, фронты.

А в конце шли лихие моряки. Их бушлаты были покрыты, как кольчуги русских витязей, медалями, орденами и звёздами героев. Шли они под музыку русской песни о Стеньке Разине. Тысячеголосый оркестр под руководством дирижёра-композитора Чернецкого играл: «И за борт её бросает в набежавшую волну...»

Прошло семьдесят лет, и моряки на парадах Победы маршируют под музыку Виктора Плешака «Экипаж одна семья»: «Хоть всю жизнь служить в военном флоте». Правнуки героев служат сейчас на других, атомных кораблях.

В 2019 году автор песни был приглашён на парад Победы на Красной площади и смотрел его с ветеранами, рядом со знаменитым адмиралом, а после был приём в Кремле у президента России.

И опять «модуляция пятой степени родства». В 2019 году В. В. Плешак поехал в Китай, там написал симфонию на китайские темы и стал китайским Шостаковичем. В честь этого я придумал ему шуточное прозвище – «Китайский музыкальный классик Пле Ша Кунь»!

По возвращении Виктор решил навестить меня, назначил время. Я ждал, а он всё не шёл. Тогда я придумал к его приходу частушку:

Я на Охты берегу
Не могу поднять ногу.
Жду Виктора Плешака
И валяю дурака.
В радио засунул уши,
Бью различные баклуши.
Не идёт ко мне Плешак,
Знать, решил, что я дурак.
С дурака-то спросу нет,
Закругляюсь, всем привет!

И в этот момент раздался звонок в дверь. Мы обнялись и обменялись книгами, я подарил Виктору свои «Записки капелльского сверчка», а он в ответ свою книгу баек «От пьяно до фортиссимо». Я заметил в шутку:

От пьяно до фортиссимо
Талантливо написано!
Как байки Плешака прочтёшь,
Так до рассвета не заснёшь!

Я благодарю Бога, что он послал мне в друзья такого Человека и Музыканта!

Виктор Плешак и я

Отвергнутый некролог

Валерий Гаврилин

28 января 1999 года, обычный учебный день. Я вышел из дома у Аничкова моста и направился по Фонтанке на Гороховую, где в Колледже культуры и искусства (по-простому, в Кульке) у меня были две пары по истории советской музыки (тема – Свиридов и Гаврилин). На горизонте сквозь старинные башни Чернышова моста сиял лазоревый со звёздами купол Троицкого собора Лейб-Гвардии Измайловского полка. Рядом торчал уродливый «чемодан» гостиницы «Советская». Первые лучи солнца освещали начало дня. У Толстовского дома (Фонтанки, 54), у распахнутых чугунных ворот, заметил Эдуарда Хиля. На нём, как говорят на Руси, лица не было. Увидав меня, он громко выкрикнул:

– Валерий помёр!!!

Я решил, что скончался наш друг по Консерватории, солист Кировского театра бас Валерий Малышев, что долго тяжело болел. Эдуард уточнил:

– Гаврилин умер! Еду к нему помочь Наталье (жена В. А. Гаврилина) с похоронами, а тебя попрошу заскочить в «Вечорку», написать несколько слов о нашей потере, а то в Союзе композиторов чиновники «сообразят» некролог после похорон! У тебя ведь есть там друг, знакомый журналист.

Я, шокированный новостью, зашёл в Лениздат, который шутники-литераторы нарекли «СовПисьИздат», застал знакомого завлита газеты, что отстучал на машинке мой текст и в заключение сказал:

– Нам недавно из Смольного прислали очередного блатняка-главного, требует всё визировать, придирается к каждой фразе.

Мы зашли в кабинет главного редактора. Под огромным портретом красноликого с хитрыми глазёнками Ельцина сидела точная копия Огурцова из «Карнавальная ночь».

Прочитав текст, он вернул его нам с присказкой:

– Кто такой Гаврилин, что мы должны о нём писать в газете? Мы шли по тёмному коридору Лениздата, и друг сказал:

– Вот, Шура, с каким дерьмом нам приходится служить!

А у меня глаза застилала слезы, и из головы не выходил усопший друг, этот простой русский мужичок-кондачок. Как клятву, я всё повторял и повторял те слова, которые я написал о Гаврилине:

«Россия потеряла Гаврилина. Это известие потрясло мир. После Мусоргского и Свиридова это был истинный русский гений. В его музыке звучала та Россия, которую мы потеряли, Россия Пушкина, Лермонтова, Твардовского, Есенина, Рубцова, Шукшина. Он писал музыку кровью сердца. Оно и взорвалось в святые для каждого горожанина дни – 55-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. За этот город под Пулковом в 1941-м погиб отец Валерия, в 1942-м сгинула в лагерях мать. Этот город воспитал его, сироту, а Валерий Гаврилин прославил Северную Пальмиру своими мелодиями, телебалетами «Анюта», «Дом у дороги», симфонией «Перезвоны», вокальными циклами «Русская тетрадь» и другими шедеврами. Ещё недавно он скромно сидел в зале Капеллы на Литургии Гречанинова, аплодировал, кричал «Браво!» Ещё вчера гений был среди нас! А. М. 28.01.1999»

Вспомнил я и последнюю встречу с Валерием. В декабре 1998 года в зале Капеллы Хор любителей пения под управлением мамы (Е. П. Кудрявцевой), с органом, солистами, детским хором исполнил шедевр Гречанинова «Демественную литургию». Созданная в 1917 году она пророчески рассказала о судьбе России в XX веке. Мне поручили сказать вступительное слово о произведении. Концерт прошёл с шумным успехом. После мы, мама и слушатели, шли по коридору в репетиционный зал, чтобы сказать благодарственные слова хористам и солистам. Вдруг кто-то больно ударил меня по спине между лопатками, как в капелльской игре «угадайка». Я развернулся, чтобы ответить обидчику, и увидел лучистые глаза Валерия.

– Ну, Шура! Я и не знал, что ты такой Говорун, Вещун!

И тут мы вошли в зал, где переодевались хористы...

Припомнил я, как Гаврилин принёс в наш хор одно из первых своих хоровых сочинений, шутку-скерцо для хора на стихи Баранниковой «Дон Капитан». Мама приказала распisać

Валерий Гаврилин

партии и срочно выучить сочинение. На репетиции исполнили его автору. Тот подошёл к маме, прижался щекой к её тёплой кофте и, как маленький кутёнок, начал тереться о мягкую ткань. В его глазах светилась радость безмерная...

1 февраля 1999 года хоронили Гаврилина. Союз композиторов (бывший особняк Монферрана), где была панихида, был набит народом так, что по дубовым панелям зала и по огромным венецианским окнам текли ручьи пота. Традиционные речи по бумажке и без. Валерий лежал в огромном с дверцами гробу такой маленький, как будто прикорнул усталый. Пришла глупая мысль, что чиновники от культуры гроб на вырост купили. Вскоре всех загрузили в интуристовские Икарусы с бархатными креслами, и процессия отправилась на Литераторские мостки Волковского православного кладбища. Там устроили ритуал, у ворот построили нас, как первоклассников, по парам. Мы с Эдиком Хилем несли перед гробом большой портрет Гаврилина. Подошли к заранее вырытой могиле. Мужики в синих комбинезонах поддели ремнями гроб, поставив его на попа, пытались засунуть в могилу. Но он не

влезал из-за своих габаритов. Тогда они поставили гроб на холм мёрзлой земли и ушли куда-то. Дул колкий февральский ветер. Ещё час на погостах раздавались мерные удары железа о мёрзлую землю.

Молчание нарушил Хиль:

– Русская земля хочет, чтобы Валера ещё немного побыл среди нас! – и заплакал.

Тут работяги закончили своё дело, а устроители из Союза композиторов побежали звать греющихся в автобусах коллег.

Валерий присоединился к сонму русских гениев. Ему было пятьдесят девять лет от роду.

Летом этого же года, в день рождения Гаврилина, у меня на даче на Ладоге взошли занесённые откуда-то ветром колоски дикой пшеницы. Я срезал их, заплёл в веночек и, приехав на Литераторские, положил на могилу друга. Помолился. Я приехал на кладбище на час раньше назначенного срока. Когда уходил, увидел автобус, из которого выходили родные и друзья Гаврилина. Звали с собой, но я отказался, возвращаться – плохая примета...

Через неделю на Фонтанке встретил Хиля. Он сказал:

– Стояли у могилы Гаврилина и любовались веночком из колосков пшеницы, и решили: такое мог придумать только Шура-Мура!

28 декабря 2018 года

Лев в клетке

Евгений Светланов

– Пойдём сегодня вечером на концерт в Филармонию! Дирижировать будет Светланов! – настолько решительно сказала мама, что отказаться было невозможно. В восемь часов мы прошли через служебный шестой подъезд, разделись, мама осталась в директорской ложе среди знакомых музыкантов, а я, купив у билетёрши программку концерта, тихой сапой прошмыгнул за красные диваны в партер.

На сцене оркестр. Распахнулись красные шторы и под аплодисменты зала к дирижёрскому подиуму двинулся Светланов. В его осанке не было той былой мощи русского богатыря, он больше напоминал стареющего льва в железной клетке. Глаза были как потухшие лампы. Шаркающей старческой походкой он добрал до центра сцены, с трудом при поддержке скрипача забрался на подставку. Полупоклонился залу. И вдруг вспыхнули глаза! Подняты ещё минуту до этого беспомощные руки. И в публику рухнула, как водопад, музыка Вагнера. Но это был не тот Вагнер, кумир бесноватого с усиками фюрера, а русский богатырь Илья Муромец с его мощью и силой космического масштаба.

Казалось, дирижёр цитирует слова Пушкина из «Бориса Годунова»: «Я царь ещё! Я царь! Ещё!»

Стихли звуки. Гром аплодисментов. Во втором отделении снова преображение. Для финальных поклонов Евгений Фёдорович уже не выходил к центру, а кланялся в проёмах красных кулис.

Мне припомнился 1963 год, почти сорок лет назад. Репетиция в Большом зале Филармонии авторского концерта Арама Ильича Хачатуряна к 60-летию с его дня рождения. На сцене – «заслуженники» Мравинского, тройной состав оркестра, пятнадцать арф. В тот вечер эти инструменты были изъяты из всех оркестров Ленинграда. Два коллектива – Хор любителей пения при Капелле, руководимый Е. П. Кудрявцевой, и мой хор Металлического завода им. Сталина – всего двести человек

певцов. В «Оде к радости» в этом одесско-армянском базаре под предводительством автора всё шумело, гремело, вопило на все мыслимые и немыслимые голоса! В какой-то момент Хачатурян спустился в партер послушать своё творение. А место за пультом уступил тогда молодому тридцатилетнему Евгению Светланову. И вдруг музыкальный «Ноев ковчег» успокоился. Всё встало на свои места, даже хрустальные люстры Филармонии перестали дребезжать, такова была сила таланта молодого дирижёра...

Евгений Светланов

Вспомнил я и как в 1970-е годы уже признанный мэтр, профессор, народный артист, относился в Москве к маминым ученикам. Он написал в газете «Советская культура» напутствие-статью о первом концерте юного Димы Китаенко. А Лёше Степанову доверял дирижировать своими спектаклями в Большом театре («Жизнь за царя» Глинки, «Садко», «Сказание о невидимом Граде Китеже» Римского-Корсакова).

Вернусь к началу повествования. После вагнеровского концерта мы зашли в дирижёрскую каптёрку Голубой гостиной Филармонии. Евгений Фёдорович сидел на диване, заботливо укутанный махровым полотенцем, на столике перед ним дымилась чашка горячего чая. Мокрый фрак, что хранил ещё

энергию дирижёра, был как-то нелепо брошен на спинку стула. Увидав маму, Светланов воскликнул:

– Боже! Кто ко мне пожаловал! Елизавета Петровна!

И с досадой далее:

– А я такая развалина! Даже не могу встать и поцеловать руки такой женщины! Такого музыканта!

Мама присела рядом и по-домашнему обняла дирижёра. Я вежливо откланялся и оставил их. Вышел в потухший зал. Библиотекарь собирал ноты. Музыканты зачехляли инструменты. Рабочий сцены уносил стулья и пульта за кулисы. Вскоре появилась грустная мама, и мы поехали на седьмом троллейбусе домой на Петроградскую. Мама долго молчала, а потом рассказала о тяжёлой болезни Евгения Фёдоровича, и той бузе в светлановском оркестре, что раздувают некоторые музыканты, и их поддерживает новый министр культуры России.

– Но Светланов борец и непременно победит! – добавила оптимистично мама, и напомнила байку времён Фурцевой:

– Не бойтесь министра культуры! Бойтесь культуры министра культуры!

К сожалению, мамины слова не сбылись.

Евгения Фёдоровича Светланова, народного артиста СССР, героя соцтруда, лауреата Ленинского премии, кавалера трёх орденов Ленина, командора ордена почётного легиона Франции, всемирно почитаемого дирижёра, уволили за нарушение трудовой дисциплины по статье 254 КЗоТ, уволили как безродного бомжа. Приказ подписал министр культуры России Михаил Ефимович Швыдкой, ныне успешный телешоумен. Пришли на ум слова Лермонтова, обращённые к убийце Пушкина в 1837 году: «Не мог шадить он нашей славы, не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал!»

Вскоре Светланова не стало – саркома мозга. Из Москвы редактор «Музыкального обозрения», наш друг Пётр Васильевич Меркурьев, прислал некролог о великом музыканте и копию его посмертного письма президенту России. Светлановские слова больно рванули наши сердца, вот они:

«Многоуважаемый Владимир Владимирович! В полной мере осознаю огромную степень вашей занятости, важность

проблем, которые вам приходится ежечасно решать. И всё-таки с данным письмом обращаюсь именно к вам, главе нашего государства. Продиктовано оно чрезвычайными обстоятельствами. Я прошу защиты как человек, как музыкант, как гражданин. И только сегодня, когда я узнал о своём увольнении, понял в чём дело. Возобладала заявленная ранее позиция замминистра Егорычева В. В., руководителя департамента искусств Скотоненко В. С., которые изначально решили удалить любыми средствами Светланова из оркестра. К сожалению, новый министр культуры Швыдкой осуществил это намерение «достойно», устроив показательную травлю художника.

Так что же, Евгений Светланов востребован за рубежом, а в России остаётся не у дел? Хочу верить, что меня не постигнет судьба многих моих коллег, которые вынуждены эмигрировать из своей страны.

С уважением, Евгений Светланов»

На следующий день я записал в записную книжку следующее стихотворение:

На смерть Светланова

Таланты русские России не нужны,
Их участь – эмиграция иль пьянство!
Отчизны верные сыны
Живут надеждой постоянства,
И умирают в вышине,
Им славу не орут народы.
Лишь «вечну память» в тишине
Проронят критики-уроды.
Таланты русские, ваш крест
Омыт горючими слезами.
А по долинам и окрест
Несётся: Боже, что творится с нами!

4 мая 2002 года

3 мая скончался Евгений СВЕТЛАНОВ

Заслуженный артист РСФСР (1959), Народный артист РСФСР (1964), Народный артист Киргизской ССР (1974), Народный артист Удмуртской АССР (1978), Народный артист СССР (1968), Герой Социалистического Труда (1986), Лауреат Ленинской премии (1972), Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки (1975), Лауреат Государственной премии СССР (1983), Кавалер Ордена Трудового Красного Знамени (1967), Орден Ленина (1971, 1978, 1986), Ордена Дружбы народов (1976), Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (1996), Ордена Искусств «Янтарный крест» (1997), Французского Ордена «Почетного легиона» (1998), Голландского Ордена Командора (1998), Высшего церковного ордена Русской Православной Церкви (1998).

Главный дирижер Королевского Резиденц-оркестра Нидерландов, постоянный приглашенный дирижер Лондонского симфонического оркестра, Стокгольмского оркестра Радио и Телевидения, в 1965—2000 — художественный руководитель и главный дирижер Государственного академического симфонического оркестра СССР (с 1992 — ГАСО России под управлением Е. Светланова), в 1963—65 — главный дирижер Государственного академического Большого театра СССР, с 1999 — Почетный дирижер ГАБТа России (удостоверение № 1).

Композитор, пианист, публицист, музыкальный деятель.

Фотография Владимира Григоровича

Похороны

Скончался бедняга в районной больнице,
Вокруг только лица бомжей.
Плачут, хохочут, рыдают, дерутся,
И слышно: «Петруха, налей!»
Ну а Петруха льёт в банки «овсянку»
И сине-бурую хрень.
Выпили всё, разошлись по помойкам,
Кто на Обводный, Литейный, на Мойку,
Кто под Садовую сень...
Крепко закрыт кабачок.
На ступеньках холодных,
Тихо рыдает Илья-дурачок,
На свежей могиле сияет, как орден,
Брошенный им пяточок.
Слава тебе, Петербург, Петром сшитый,
Слава тебе за великих людей!
Только прошу, в своих планах глобальных и сытых
Ты не забудь про замёрзших несчастных бомжей!

20 августа 2019 года

Арвид Кришевич Янсонс

Шёл осенний мелкий дождичек. На дома, деревья, тротуары опустился молочный туман. Я возвращался по проспекту Динамо на Крестовском острове из правительственной больницы, так называемой Свердловки, где лежала мама с очередным гипертоническим кризом. После процедур и уколов ей стало лучше. Врачи разрешили прогулки и даже обеды в общей столовой. Только я свернул в сторону Большого Крестовского моста, как налетел на дирижёра Филармонии Янсонса. Он был одет в модное пальто, кепку, на шее тёплый шарф. Поздоровались. Он поинтересовался:

– Шурик, откуда идёте?

Рассказал о здоровье маме, о лекарствах, которые ей прописали и колют врачи, о реакции на них. Собеседник в ответ:

– У меня тоже давление шалит и сердечко стучит в темпе аллегро виваче с люфт-паузами. Вот иду к эскулапам. Помогут? Вряд ли!

И тут же рассказал музыкальный анекдот:

– Слушатель Филармонии, естественно, «в штатском» стукнул в Большой дом: в оркестре ударник на большом барабане стучит с перерывами.

Я хоть и знал ранее эту хохму, посмеялся вместе с дирижёром.

Тот взял меня под локоть с присказкой:

– Бог с ними, с врачами! Пойду-ка я домой!

Мы повернули на остановку девятого троллейбуса, двери закрылись, я помахал вслед рукой. Это была последняя встреча с дирижёром. Вскоре он упокоился на Литераторских мостках Волковского православного кладбища.

А мне припомнились многочисленные музыкантские работы с ним. И особенно первое знакомство.

Я ещё учился в Хоровом училище при Капелле. В 1954 году в наш город приехал легендарный немецкий дирижёр Герман Абендрот. Накануне концерта он пришёл на репетицию хора в Капеллу. Мама сдавала ему вокальную часть Девятой симфонии Бетховена. Массивный, громоподобный Абендрот

Арвид Янсонс

прошествовал по капелльскому коридору в репетиционный зал в сопровождении Янсонса, что выполнял роль переводчика с немецкого. Я спрятался за открытую дверь зала. Абендрот заметил меня и что-то сказал Янсонсу, тот, рассмеявшись, перевёл:

– В России, куда не плюнь, всюду музыканты!

Концерт в Большом зале Филармонии прошёл триумфально. Через несколько дней в «Правде» была напечатана рецензия о нём Д. Д. Шостаковича. На репетиции и концерте мой родственник, муж моей кузины Ксении Куницыной, виолончелист Лев Фишков, сделал несколько снимков великого Абендрота, Янсонса и Кудрявцевой.

Абендрот уехал в Германию, а среди музыкантов ходила частушка:

Некий Герман Абендрот
Дал талант совсем не тот.
Но в искусстве есть гигант.
Это Жора Альтерман!
(дирижёр-педагог)

Напомню фундаментальные работы Хора любителей пения при Капелле оркестром Филармонии под управлением Янсона.

1962 год – опера Карла Вебера «Волшебный стрелок» (к 175-летию рождения композитора). Мама, Дима Китаенко и я приложили максимум сил, чтобы «Хор охотников», «Свадебный хор» и финал оперы прозвучали достойно. В этом же концерте Катя Мурина блеснула виртуозным исполнением «Concert-stück» Вебера.

Спустя год была исполнена кантата Рахманинова «Весна».

А в 1966 году впервые в стране после тридцатилетнего забвения мы исполнили «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича. Особенно ярко прозвучали хор полицейских и финальная сцена каторжан.

И последняя работа с Янсонсом – громадная оратория Гайдна «Времена года». Присутствовавший на концерте Е. А. Мравинский особенно отметил работу хора и Е. П. Кудрявцевой.

Мне хотелось восполнить некоторые штрихи образа музыканта-интеллигента, украшавшего ленинградскую музыку в XX веке, А. К. Янсона.

15 ноября 2017 года

Но помнят тех, кого кляли

Когда читаешь такую книжку, как труд И. Г. Райскина «Дмитрий Шостакович. Симфонии общей судьбы», изданный в Германии, сердце наполняется радостью, той самой, о которой твердил миру классик: «Радость, дивной искрой божьей ты слетаешь к нам с небес». Подобное чувство я испытал, когда маме, профессору Консерватории Елизавете Петровне Кудрявцевой, её ученик Дмитрий Китаенко прислал диски, на которых с Кёльнским оркестром он записал симфонии Шостаковича.

Мама сказала:

– Возьми, поддержи подарок Димы!

Мне показалось, что я прикоснулся к космическому, непознанному объекту – Д.Д.Ш.

Тогда и сегодня нахлынули воспоминания о человеке, которого нам послал Господь лицезреть. Среди друзей Мравинского, Черкасова, Андроникова это был маленький человечек с круглыми очками на остреньком носике. Помню, когда я пел в хоре мальчиков Капеллы в 1949 году в Большом зале Филармонии с оркестром под управлением Евгения Александровича Мравинского ораторию «Песнь о лесах», на концерте-премьере присутствовал автор.

Потом уже студентом Консерватории я изучал на лекциях Дмитриева, Вульфуса, Друскина творчество гения XX века. Позднее начинающим хормейстером я готовил Хор любителей пения к записи кинофильма «Москва, Черёмушки», к концертному исполнению «Леди Макбет Мценского уезда», репетировал с басами Тринадцатую симфонию.

В течение двадцати пяти лет растолковывал подопечным Колледжа культуры и искусства содержание Седьмой и Тринадцатой симфоний, рассказывал о многотрудном житие Д. Д. Ш.

Прочитав два текста в книге Райскина – русский и немецкий – я понял их адекватность и порадовался за будущих читателей, что они имеют такой путеводитель по симфоническому творчеству нашего гения.

Р. S. Мне снился странный сон. Брожу по старому Петербургу, малой родине Д.Д.Ш. У Витебского вокзала иду в проходные дворы, последний почему-то оказывается тупиковым, и на огромной стене граффити: растерзанный, как Христос, Дмитрий Шостакович, а ниже строки Евгения Евтушенко:

Забыты те, кто проклинали,
Но помнят тех, кого кляли.

И ниже – фамилии мучителей гения XX века с маленькой буквы: апостолов, джугашвили, коваль, жданов...

Жена тормозит меня из забвения:

– Что ты бормочешь? Сейчас по радио сообщили: в Америке умер Евгений Евтушенко.

1 апреля 2017 года

Байки из Оперной студии Консерватории

Старик

В конце 1955 года я, студент-первокурсник, стал подвизаться у главного хормейстера Оперной студии Консерватории А. Е. Никлусова в качестве помощника, осваивал оперы русских композиторов, что проходили в классе, под рояль. Первой была опера Чайковского «Евгений Онегин». На оркестровых репетициях я обратил внимание на старика-режиссёра, репетитора, что помогал педагогам оперного класса Роману Тихомирову, Марии Слуцкой, Арону Бубельникову вводить студентов-вокалистов в спектакль. Репетитор был в солидном возрасте, как шутил он сам:

– Зубы съел на государевой службе, а на новые алтына нет!

Когда-то он был в Мариинском театре, помнил Фёдора Шаляпина, Ивана Ершова, Павла Андреева, Леонида Собинова и других. Ушла эпоха корифеев! Состарился и мой герой. Он тихохонько перешёл Театральную площадь и пристал к тихой пристани, врос в сцену Оперной студии Консерватории, первого в мире студенческого музыкального театра. К нему все студенты, дирижёры, коллеги относились благосклонно, призывали к его шепелявому говорку.

Идёт репетиция «Евгения Онегина», сцена Ларинского бала. Уже прошла ссора Онегина и Ленского, настал черёд арии Ленского «В вашем доме». На сцене кресло, в котором сидит дородная старшая Ларина. В спинку кресла намертво вцепился Ленский, студент-тенор. Старик-репетитор из первого ряда партера обращается к нему:

– Голюбчик! Пение это твижение! Твигайся! Спелъ «В васем доме», сделай шажок, спелъ есё раз, есё шажок!

И, обращаясь к дирижёру:

– Плосу, маэстро!

Студент отрывает руку от кресла Лариной и делает шаг с левой ноги к оркестровой яме, поёт фразу «В вашем доме»,

ещё шаг к оркестровой яме, на третью фразу «В вашем доме» студент, как собачонка на прогулке у кустика, подымает левую ногу и начинает вытворять кругалю вокруг шокированной барыни. Старик-репетитор плюхается в кресло, роняет седую голову на парапет, отделяющий партер от оркестровой ямы, молчит, то ли вспоминает свои молодые годы, великих корифеев, то ли повторяет постулат системы Станиславского «если в первом акте на сцене висит ружье, то в последнем оно должно выстрелить». Но под рукой нет ружья, чтобы выстрелить в будущее светило советской оперной сцены...

После летних каникул на третьем курсе я пришёл в Оперную студию и не застал старого репетитора.

– Преставился Старик! – сообщил мне кто-то из хористов. А я поймал себя на мысли, что за несколько лет не удосужился узнать имя, отчество и фамилию старого режиссёра, так как все звали его Шеф, а за глаза – Старик.

- Ты показал роль Старику?
- Что сказал Старик?
- Как, Старику понравилось?

30 сентября 2018 года

Свадебный пир

Наконец, учитель мне разрешил дирижировать за кулисами на спектакле «Русалку» Даргомыжского. В первом акте я справился с хором крестьян у мельницы, а во втором подготовил хор к свадебному пиру, который шёл на сцене под управлением дирижёра, и хормейстеру делать было нечего.

Перед началом второго акта Никлусов, как обычно, прошёл за кулисы, проверить все ли певцы на месте. Рабочие оформляли княжеский стол всевозможными яствами: кубками, чашами, экзотическими фруктами. Александр Емельянович пошёл ко мне и сказал:

- Шура! На сцене пахнет спиртным!
- Я сказал:
- Наверно, рабочие обновляли бутафорию.

Тут раскрылся занавес, грянул оркестр, и хор зычно запел «Как во горнице-светлице, на честном пиру в боярском доме». Хористы подымали бокалы, чаши, и чаще всего чокались с юбиляром.

В этот вечер исполнялось 80 лет инспектору хора Студии, мы скинулись и приготовили ему подарок, который решили вручить после спектакля. Но мы с удивлением увидели, что когда они опустошали бокалы, их кадыки ходили, как при питии спиртного. Оказывается, уже заранее была налита водка. Некоторые утирали рукавами рубах после яств свои губы. Тут статисты понесли угощение на подносах: зажаренные поросята, лебеди, гуси, мясные окорока. Один хорист уткнулся в живот несущему лебедя, тот уронил поднос, лебедь упал на землю и подпрыгнул, поскольку был сделан из пенопласта. Но всё-таки его поставили на стол.

Подобную сцену я наблюдал в кинофильме Гайдая «Бриллиантовая рука». В антракте хористы разбрелись подальше от глаз Никлусова по Оперной студии, чтобы не попасть под горячую руку.

Отзвучали финальные хоры русалок. Александр Емельянович от имени коллектива вручил инспектору подарок и сказал хористам:

– Почему меня не предупредили о банкете?

А те в ответ:

– Мы хотели сделать вам сюрприз!

А зритель в тот вечер ничего не заметил.

26 августа 2018 года

Дуб заветный

В Оперной студии Консерватории идёт финал оперы Даргомыжского «Русалка». Князь – студент-тенор Виталий Ретюнский – приходит на берег Днепра к разрушенной мельнице. Его гложет совесть о брошенной дочери мельника Наташе. Звучит его последняя ария: «Невольню к этим грустным берегам меня влечёт неведомая сила».

В кулисе стоит и ждёт своего выхода Мельник – студент-бас Владлен Дегорский. Кто-то, проходя мимо, хлопнул его по плечу:

– Здорово, Вася!

Тот понял, что это сигнал на выход. Мельник, возомнивший себя местным вороном, вываливает на сцену с традиционным «Карр-карр!» и чуть не сбивает Князя. Тот допекает часть своей арии, указывает на дуб, с которого падают листья и одновременно, получается, на Мельника.

– А вот и дуб заветный!

В оркестре и за кулисами смешок артистов. Дирижёр Н. С. Рабинович и суфлёр рвут на себе волосы. Мельник снова своё:

– Карр! Карр! Говорят тебе я ворон, а не мельник!

Тут они, наконец, сходятся.

Вступление к последней арии Мельника: «Я продал мельницу чертям».

Очевидный ляп в спектакле публика не заметила и дружно хлопает артистам. Те выходят на поклон. Дирижёр спектакля Николай Семёнович Рабинович, жуя по привычке, как всегда, язык, берет меня запросто под руку и смеясь говорит на ухо:

– Запомни, Шура, публика – дура!

Папа-йог

Летом 1954 года наше семейство (папа, мама, сестра и я) отдыхали на Украине, в деревне Маньковка под Уманью. Рядом в хатах расположились певцы Ленинградской капеллы (Лазаревы, Шифрины, Быковский). Мы с отцом часто уходили на ночную рыбалку. Возвращались под утро, наловив большую пятилитровую кастрюлю жирных линей.

В ту ночь мы спали как убитые, вдруг нас разбудил звук подъехавшей к хате машины. Водитель отчаянно сигналил. Мама выглянула в окно и громко воскликнула:

– Заславские приехали!

Заславский был первым скрипачом и концертмейстером Харьковского филармонического оркестра. Его жена – музыковедом. Оба преподавали в местной консерватории. Мы судорожно стали натягивать на себя одежду. Отец схватил двuspальную простынь, обмотал её несколько раз вокруг голого тела, закрепил у шеи французской булавкой, напялил

Отдыхающие в Маньковке, справа мама и отец

Я, мама, Катя в Маньковке

на голову рыбацкую кепку-лондонку и с пением популярной песни Раджа Капура из индийского сериала «Бродяга» «Абара я, бродяга я!» вышел к гостям, одновременно выделывая ногами русский танец «Светит месяц».

Гости от смеха повалились на капот «Победы». Услышав шум, появились артисты Капеллы. Следом – их жены. Отец на «бис» для всех повторял свой номер. За это время мама успела причесаться, надеть сарафан, нарядить Катю, а я – надеть спортивные штаны и майку, и мы вышли к гостям. А затем был пир горой, где мама была главным поваром, а отец копировал Райкина с его остротами.

Отец был спортивный человек. Играл в большой теннис, волейбол, отлично плавал кролем. В 30-х годах баба Дуня, мать отца, Евдокия Николаевна Мурина, осталась с четырьмя детьми и больным мужем на руках. Пришлось ей вспомнить свою девичью профессию златошвейки. Она стала обшивать артисток из Мариинки, Малого театра и ТЮЗа. «Подопечные» бабы Дуни часто к гонорару за платье давали ей контрамарки на спектакли, так что дети Муриных были в курсе всех те-

атральных премьер. Батя был музыкальным, пластичным человеком. Так, на одном балу с двоюродной сестрой Зоей Зост он получил приз за исполнение аргентинского танго. Среди его друзей были балерины Мариинки, а с солистом Михаилом Дудко они дружили и даже в 1928 году вместе поехали в санаторий в Ялту.

Судьба Михаила Дудко трагична. В первые месяцы войны, оказавшись на оккупированной фашистской территории, он перенёс все тяготы плена, выжил, а в 1945 году ему запретили жить в крупнейших городах СССР. Выручил коллега, Вахтанг Чабукиани, что пользовался абсолютной поддержкой кремлёвских вождей. Он взял изгоя в Таллиннский театр оперы и балета и поручал ему сольные партии.

Михаил Дудко

В 60-х годах я и мои друзья Валерьян и Сталина Грушко оказались в Тбилиси. Узнав, что дирижёром театра служит мой однокашник по Ленинградской консерватории, Азмай-парашвили, напросились на балет «Отелло». Главную партию танцевал Вахтанг Чабукиани, а его врага Яго – Михаил Дудко. Это был триумф мужской силы и таланта артистов. Зал пятнадцать минут стоя кричал «браво». Вся сцена была завалена цветами. Мы пришли за кулисы, поблагодарили дирижёра. А солистов окружила такая толпа поклонников, что к ним было не пробраться.

Когда я вернулся в Ленинград, рассказал отцу об этом триумфе. Тот в ответ с сожалением сказал:

– Что ж ты не сказал Дудко обо мне? Что я прошёл блокаду, Дорогу жизни, московскую бериевскую шарашку?

А потом он добавил:

– Правильно сделал, что не сказал. Прошное ворошить опасно!

И нервно закурил свою беломорину.

4 октября 2019 года

КОТОВСКИЙ

В майские дни 1973 года отец позвонил другу семьи профессору Первого медицинского института имени Павлова П. К. Булатову и озадачил его:

– Хочешь, Пантелеймон Константинович, чтоб я приехал на твоё ранчо на 101-й километр на озеро Суходольское в день святого Пантелеймона Целителя?

В этот день, 9 августа, к П. К. Булатову на именины приезжали из города ученики, друзья, коллеги и выдающиеся артисты.

Отец продолжил:

– Что-то барахлит левая нога и плохо работает «ретивое»!

Через пару дней А. Г. Мурин был помещён в клинику Булатова на обследование. Анализы, анализы, анализы. Рентгеновский снимок головы показал, что в правой части мозга есть опухоль, что давит на жизненные функции организма. Булатов пригласил знаменитого нейрохирурга из института имени Поленова, профессора И. И. Бабчина. Тот, посмотрев снимок, отозвал коллегу в сторону и тихо сказал:

– Дорогой друг, мне кажется, это «рачок»! К сожалению, в таком возрасте (а отцу было 64 года) операция не имеет смысла!

Но под напором Булатова и директора института пульмонологии с Лиговки, профессора Д. Д. Хохлова, отца всё-таки положили в Поленовский институт и стали готовить к операции. С мамой, сестрой и мною несколько раз беседовал о предстоящей операции нейрохирург Иван Александрович Никитин.

25 июля, в среду, он и проводил операцию. Ассистировал директор института академик Угрюмов. Всю многочасовую операцию я сидел в коридоре и, когда врачи вышли, я не узнал Никитина, так он изменился за восемь часов. Я обратился к Угрюмову с вопросом, а тот только и сказал:

– Операция прошла успешно! Молитесь на золотые руки Ивана Александровича.

Когда в реанимации отец отошёл от наркоза, он стал читать на радость товарищам по несчастью и медсёстрам «Луку

Мама и отец. 1973 год

Мудищева» по памяти. Из-за двери раздавался дружный хохот, пока дежурный врач не прекратил эту «самодеятельность».

27 июля, в пятницу, отца перевели в двухместную палату. Это была часть коридора второго этажа с огромным окном, как в храме. Мы с сестрой дежурили по очереди.

Отец попросил том Пушкина с «Историей Петра» и книгу Гейченко «Лукоморье».

В тот день я дежурил у отца, как вдруг дежурный врач попросил меня выйти в коридор.

По тому как нянечки драили и без того стерильный кафельный пол швабрами с мокрыми тряпками, я понял, что ждут большое начальство. И точно, по коридору стремительно в палату отца прошли Угрюмов, Никитин и импозантная женщина с пышной шевелюрой. Из-за двери я услышал её низкий, бархатный голос:

– Здравствуйте, Алексей Григорьевич! Как себя чувствуете? У меня к вам пара вопросов! Скажите, кто командовал Ленинградским фронтом в блокаду?

И подсказала:

– Ворошилов?

Отец с иронией ответил:

– Если бы Клим, что с пистолетом бросался на вражеские танки, то мы бы не выдюжили! Командовал фронтом бывший царский вояка, артиллерист Леонид Александрович Говоров. Именно он организовал контрбатареиную оборону города.

Следующий вопрос дамы:

– Алексей Григорьевич, скажите, как вы думаете, кого вы сейчас напоминаете?

И снова подсказка:

– Фантомаса?

Голова отца была забинтована, торчало только лицо.

– Фантомаса? – повторила дама.

Отец:

– Простите, мадам, я думаю, что сейчас я выгляжу, как Григорий Иванович... Котовский!

Дама сказала коллегам:

– Всё в порядке! Главные рецепторы не задеты!

Они вышли из здания института. В окошко я наблюдал, как Угрюмов услужливо открыл дверцу чёрной «Волги». Дама уехала.

Дежурная сестра сказала мне:

– Это была профессор Наталья Петровна Бехтерева из Института мозга!

В воскресенье, 29 июля, в 6 утра у отца начала резко подниматься температура: 38, 39, 40, 40 с половиной... Врачи делали уколы, массировали сердце, но тщетно. В 12 часов 50 минут сердце отца остановилось.

P. S. В 1999 году 155-я школа с французским уклоном широко отмечала своё столетие. Ранее она была 109-й единой трудовой школой, а до 1917 года – престижным Вторым реальным училищем с педагогами профессорами Университета и Политехнического института. Оказалось, что в разные годы это заведение окончили Лёша Мурин и Наташа Бехтерева. Вот тебе и Котовский!

Михайло!

В 1948 году в послевоенную гастроль по городам Волги от Химок до Астрахани руководство Капеллы (Г. А. Дмитриевский и Е. П. Кудрявцева) присоединили к хору в сто двадцать голосов двух знаменитых народных артистов СССР В. В. Барсову и М. Д. Михайлова. Первой «вождь всех народов» построил на берегу Чёрного моря фешенебельную виллу, а второму прощал и церковное прошлое, и детские «шалости» – излишнее возлияние. Иосиф Виссарионович водил многократно своих соратников в Большой театр слушать Михайлова в роли Ивана Сусанина.

И вот, этот капелльский «колхоз» с двумя «народными» на комфортабельном теплоходе «Михаил Калинин» двинулся по Волге. В каждом городе давали шикарные концерты. Причём Михайлов пел с хором непременно две русские песни: «Глухой неведомой тайгой» и «Славное море, священный Байкал». Выходил перед хором во фраке, который на его полной фигуре выглядел довольно неуклюже. Складывал маленькие ручки на огромном животе в районе пупа и выдувал через маленькое отверстие рта изумительные по красоте и тембру звуки. Зал принимал его восторженно. Тот обводил слушателей колючими хитрыми маленьким глазёнками и пел «на бис».

Теплоход подходил к Казани. А в этом городе в не столь давние годы, ещё до Большого театра, Михайлов служил в главном православном храме протодьяконом.

На высоком берегу Волги собрались тысячи горожан, которые знали, что на «Калинине» прибывает их любимец. Люди скандировали:

– Михайло! Михайло!

Капитан дал приветственный гудок. Максим Дормидонтович в пижаме, сандалиях на босу ногу и нательной белой рубашке забрался на верхнюю палубу и, подняв правую руку в благословении, перекрыв пароходный гудок возопил:

– Верую во единого Бога Отца!

И так всю молитву. Берег ответил громом оваций и криками «Ура!».

После триумфального концерта казанское руководство устроило роскошный банкет для артистов Капеллы и своего «Дормидонтыча». До следующего волжского города все отходили от банкета, вспоминая гостеприимство казанского люда.

21 января 2018 года

В Сталинграде

В Сталинграде наш красавец теплоход «Михаил Калинин» пришвартовался к двум баржам. На одной была вывеска «Горком», на другой «Исполком». Город стоял в руинах. Он казался вымершим, так как всю трофейную технику (танки, машины, пушки), что закрывали на десять километров панораму города, вывезли на переплавку в другие города Поволжья. Концерт Капеллы состоялся на площади Героев, на ступенях универсама, где в подвале пленили фельдмаршала Паулюса. Жители в ватниках, каких-то робах напоминали привидения, но хор принимали с восторгом. После концерта на барже с надписью «Горком» был банкет для начальства. На столах чёрная икра, спелые арбузы на закуску, возлияние было в изобилии. Когда «Калинин» отходил от причала, Дмитревский и Михайлов сидели на корме на ящике с пароходным барахлом в нижнем белье и махали, как вожди на мавзолее Ленина, хозяевам. Те, сидя на бампере баржи, свесив ноги в Волгу, кричали:

– Приезжайте ещё! Приезжайте ещё!

Каждый капелльский артист получил гонорар – мешок арбузов и дынь и бочонок 25 кг чёрной икры, но без соли, она была в дефиците. Многие артисты набросились на икру, и у них заболели животы. А за теплоходом плыли корки арбузов и дынь и бочонки со скисшей на жаре икрой, которую с удовольствием поглощала волжская стерлядь.

20 января 2018 года

Вéлики

После полного снятия блокады в 1944 году отец с группой московских инженеров, специалистов по радиовооружению, был перевезён из Москвы, где служил в войну на 27-м заводе в КБ, так называемой шарашке, в Ленинград для создания предприятия радиооборудования, завода п/я № 433 на берегу Обводного канала напротив Александрo-Невской лавры. Рядом с предприятием была большая свалка металлолома (разбитая немецкая техника, что свозилась из городов области для переплавки в мартенах заводов Ленина, Ворошилова, Сталина, и т. д.) Среди хлама особое место занимали сотни немецких велосипедов.

Со стороны Обводного канала у свалки был липовый забор и даже охрана, а с завода был открытый доступ. Вот там отец и подобрал раму трекового велосипеда с гоночным рулём и пару колёс даже без восьмёрок, на втулках которых красовался орёл, держащий в лапах фашистскую свастику. Умелец купил седло, цепь, шины, и «конь» был готов. На нём по выходным батя гонял по набережной Мойки и Зимней канавки.

Летом 1956 года вéлик взяли на дачу, что снимали родители в маленьком эстонском городке Усть-Нарва у бригадира местных рыбаков Артура. Через пару домиков проводил свой отпуск мамин друг, дирижёр Ленинградской филармонии Евгений Александрович Мравинский. У него тоже был велосипед. Для тех лет это была большая роскошь. Друзья гоняли по Усть-Нарве, особенно в сосновом парке Курзала, где в довоенное время кутила русско-эстонская элита, а сегодня строили свою «Рублёвку» ленинградские и московские джазисты. Денежки у них водились.

Пара велосипедистов выглядела экстравагантно: у Мравинского высокие импортные сапоги, брюки галифе, как у наездника на ипподроме, бархатная курточка и эстонская тряпичная кепка с огромным козырьком, ныне их называют бейсболками, трубку в губы – и вылитый сыщик Холмс; на отце – скороходовские ботинки, брюки с бельевыми защёлками, чтобы штаны не попадали в цепь, пиджак фабрики

Володарского и кепка с мягким козырьком, позднее её назовут лондонкой, он напоминал героя идущего на экранах итальянского фильма «Похитители велосипедов».

Как-то друзья заехали на местное кладбище, где была могила дальнего родственника Евгения Александровича, «короля поэтов» Игоря Северянина, что умер в буржуазной Эстонии. На плите сквозь мох и грязь разглядели эпитафию: «Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб!». Батя на удивление музыканта прочёл по памяти несколько стихов поэта.

Жена Мравинского Ольга Алексеевна целыми днями лежала в шезлонге и читала душещипательные любовные романы, естественно, на французском.

Каждое утро раздавался звонок. Это молочница привозила аборигенам парное молоко. Регулярно к Мравинским приходила эстонка и убирала и без того стерильную обитель, готовила еду и незаметно исчезала.

Когда шёл дождь, Мравинский брал фолианты и углублялся в океан музыки Шостаковича, и тогда доступ к нему был запрещён.

Бывало, отец и Мравинский брали у Артура лодку, надевали брезентовые плащи, длиннополые шляпы, выруливали на середину реки Нарвы, ловили плотву, окуней, лещей.

Артур же с бригадой ловил мережками миног и угрей и продавал богатеньким дачникам. Перепадало и нам. Эх, какие вкусные были миноги, что извивались в собственном соку на горячей сковородке, так и таяли во рту!

Размеренный быт дачников нарушали гости. Так, к Евгению Александровичу приехал его друг композитор Владимир Салманов, а к маме из Питера приехали на велосипедах студенты хорошего факультета: Слава Чернушенко, Витус Васильев и Толя Гамулин. Они так устали, что несколько дней отходили.

Неожиданно к папе на новом «Москвиче» прикатил его друг Георгий Митрофанов. Посадил в машину маму, отца, Мравинского и лихо въехал метров на пятьдесят в сосновую рощу Курзала. Но когда он попробовал задом выехать из

леса, каждый раз бампером упирался в сосны. Пришлось отцу и Мравинскому толкать автомобиль, а мама регулировала направление, как гаишник...

В городе папа разрешал мне на его велике погонять по капельским дворам. А однажды, в выходной я рванул в Зеленогорск. Но если у советских дорожных велосипедов соотношение ведущей и ведомой шестерни было 48 на 18, то у папы – 56 на 18. В Зеленогорск я летел по ветру, как птица, а обратно еле выкручивал педали. Десятки раз валился на траву... Вот и улица Савушкина. На кольце влез в трамвай. Даже строгая кондукторша, увидав мой видок, перестала ворчать: «Лезуть тут разные!»

Пересекли весь город, вышел на Марсовом поле и еле доковылял до Мойки, 20. Несколько дней ходил на кривых ноженьках, будто запорожец, который сто лет сидел на бочке. На что отец шутил:

– Ну как, намял «мадам Сижу»?

На шестнадцать лет родители подарили мне ручные часы «Победа», а на восемнадцать – велосипед Горьковского автозавода. Так и висели два велосипеда в коридоре на крючках.

Я на рыбалке с велосипедом

Кате не разрешалось ездить на великах, не дай Бог повредит руки. Когда в семье появилась внучка Лиза, Митрофанов подарил дамский складной велосипед «Кама». На нём позднее учились кататься племянник Витя и дочка Маша.

В июне 2018 года на даче моя Маша за ненадобностью подарила эти три велика на разбор соседскому парнишке. Я возмутился, как будто у меня отрубили кусок памяти. Узнав об этом, через несколько дней сосед вернул велосипеда обратно.

Июль 2018 года

Тиша

У Евгения Александровича Мравинского дома на Бородинской было несколько котов и кошек. Когда кто-либо приходил в квартиру, они выскакивали в прихожую и застывали в выжидательных позах. Не мигая, они изучали гостя, раздевая своим кошачьим рентгеном. Хозяин всерьёз говорил: «Они всё понимают, только не говорят». Главой кошачьего клана был облезлый дворовый кот Тишка. Ему было позволено многое: он не бежал первым к миске с едой, зато Евгений Александрович позволял Тишке лежать на партитуре Шостаковича, и часто можно было услышать замечание Мравинского:

– Как ты думаешь, Тишка, если здесь мы сделаем аччелерандо или поставим сосенуто?

Тихона одного Мравинский брал на дачу в Усть-Нарву, и тот сопровождал музыканта в его прогулках, как верный пёс. Самые вкусные рыбины со стола доставались любимцу. А когда хозяин уезжал далеко на велосипеде, то верный друг дожидался его на крыльце дома и радовался, как человек, по приезде, тёрся о брюки и не отводил взор от хозяина.

Мравинский (дядя Женя) рассказывал нам, детям, историю, что Господь за какие-то грехи превратил нормальных людей в дворовых котов, поэтому с ними нужно обходиться «по-человечески», а то «берегись»! Коты платили Мравинскому взаимной любовью.

8 февраля 2019 года

Урок французского

Трёхлетняя Лиза, моя племянница, пришла из садика. Снимаю пальто, спросила бабушку Лизу:

– Барсик! Что такое Жевернэ?

Бабушка, она же Барсик, она же профессор Консерватории Елизавета Петровна Кудрявцева, вспомнила свой кандидатский экзамен по французскому языку. Повторив несколько раз фразу, отослала внучку ко мне:

– Сандро, – повторила малышка, – что такое Жевернэ?

Я же, чтобы не ударить в грязь лицом (по-французски я знал лишь «анфан террибль», «пардон» и «мерси»), решил посоветоваться с учёным-лингвистом, женой папиного друга, Еленой Николаевной Смирновой-Башкирцевой, что вела французский язык в одном из вузов Ленинграда. После долгих размышлений Смирнова сказала:

– Это, видимо, непере译имый идиоматический оборот на одном из многочисленных романских диалектов!

На этом и порешили.

На следующий день я зашёл в садик за племянницей пораньше. Дети под фортепиано в зале готовились к ноябрьским праздникам, махали красными флажками с изображением курчавого мальчика Вовы. И на все мыслимые и немыслимые лады голосили. И я услышал:

– Будем ЖЕ ВЕРНЫ мы партии родной!

Так я получил урок французского.

P. S. Мой друг, знаменитый учёный-фольклорист Владимир Бахтин записал эту историю в свой многотомный гроссбух под названием «Русская бытовая сказка (собрание анекдотов от Ивана Грозного до Бориса Ельцина)», а сам поведал свежую байку:

«Первоклассник пришёл из школы и спрашивает отца:

– Папа, что такое аборт?

– Где ты, мерзавец, услышал это слово?

– А мы с учительницей разучивали песню: “А волны и стонут, и плачут, и бьются о борт корабля!”»

Воистину, слова из песни не выкинешь!

18 апреля 2018 года

Лиза Мурина в детстве

«Царь Давид»

Оратория Онеггера «Царь Давид» впервые прозвучала в 1921 году под управлением автора в швейцарском деревенском театре «Жорá» в исполнении простых любителей – крестьян, студентов, музыкантов. А вскоре с ней познакомили петроградцев Капелла и оркестр под управлением М. Г. Климова.

Мама, Е. П. Кудрявцева, долгие годы мечтала в память о своём великом учителе исполнить это сочинение, что встало в один ряд с музыкальными шедеврами XX века. И вот, в семидесятых годах прошлого века, когда стало возможно в стране исполнять музыку на церковные библейские сюжеты, она выучила сочинение с Хором любителей пения Ленинграда и солистами.

Оратория композиционно построена так: чтец на фоне оркестра декламирует историю Давида, а хор комментирует сказанное (полтора десятка псалмов).

Оркестр на премьере возглавил молодой дирижёр, ассистент Мравинского, Эдуард Серов. На роль чтеца пригласили популярного в городе В. А. Ларионова, народного артиста РСФСР. На генеральной репетиции в Филармонии в день концерта всё звучало отлично. Но после репетиции «бдительный» («лучше перебдеть, чем недобдеть») Ларионов, взял текст оратории, побежал в Смольный, в горком партии, и показал его чиновнику «от пропаганды и агитации», сопроводив тирадой:

– В дни, когда Израиль нападает на народ братского Египта и угнетает палестинцев, я как член КПСС должен восхвалять еврейского вождя Давида!

Чиновник тут же снял трубку и позвонил директору Филармонии, строжайше запретив исполнение. Но вечером – аншлаг, все билеты проданы. Что делать? Худрук Малого зала Филармонии И. Н. Семенова, Е.П. Кудрявцева и Э. А. Серов решили исполнить псалмы из оратории и на закуску, чтобы заполнить временной вакуум – «Маленькую ночную серенаду» Вольфганга Моцарта. Но публика всё равно была недовольна и возмущалась запретом.

Спустя почти четверть века мечта Кудрявцевой осуществилась. Стоголосный хор любителей, солисты, оркестр под управлением Равиля Мартынова, чтец Алексей Емельянов исполнили ораторию «Царь Давид» Онеггера. Успех был ошеломительный. Я написал эссе-статью «Музыка вдохновения» о концерте, её напечатал журнал «Петербург-Классика» в номере 4 за 1997 год. К счастью, концерт-премьеру записали на компакт-диск.

Январь 2019 года

Равиль Мартынов

Самая страшная музыка

14 марта 1944 года в Москве в проезде рядом с улицей Горького в булочной в очереди за пайкой хлеба скончался старичок. Ему стало плохо, он опустился на ступени, свернулся калачиком и заснул навеки. Милиционер свёз несчастного в ближайший морг. Покойным был великий русский композитор, автор шедевров духовной музыки, регент, учёный, профессор Московской консерватории Павел Григорьевич Чесноков.

В начале века он окончил с отличием Московское синодальное училище. Его учителями были Василий Сергеевич Орлов, лучший регент России по мнению Чайковского, и директор училища, учёный, музыкант, знаток русских церковных песнопений Степан Васильевич Смоленский. (Напомню, именно ему Рахманинов посвятил «Всенощное бдение».) Пройдя курс композиции в Московской консерватории у профессора

П. Г. Чесноков

М. М. Ипполитова-Иванова, Чесноков в 1911 году стал первым регентом Храма Христа Спасителя, а его помощником тогда подвизался А. В. Александров, в будущем создатель знаменитого военного ансамбля.

В те годы Чесноков начал труд всей своей жизни – «Учебник русского регента». Но грянул 1917 год, и эта книга превратилась в «Хор и управлением им». Пришлось примеры русской духовной классики заменить светскими хоровыми сочинениями и русскими песнями. (Книга была издана в 1940 году и переиздавалась дважды.) Свои церковные сочинения Чесноков после 1917 года писал в стол с надеждой на будущее признание народа и его правителей.

В Консерватории русский музыкант воспитал целую плеяду учеников, и в том числе моего учителя профессора Георгия Александровича Дмитревского. Именно он и рассказал о последних днях Чеснокова нам, капелльским мальчишкам, в сентябре 1953 года.

Приближалась печальная дата: десять лет смерти великого музыканта...

Но продолжу дальше о жизни Чеснокова. В 1931 году по приказу кремлёвских богоборцев был взорван Храм Христа Спасителя. Потрясённый Павел Григорьевич после каждое утро приходил к руинам и служил панихиду по «убиенному храму».

Грянула война. Когда Москву охватила паника, и многие бежали из неё, старый музыкант отказался переехать с Консерваторией в тыл, в Саратов.

– Я от моего храма никуда не уеду! Не могу его оставить в лихолетье!

И приходил к огромной яме, что осталась от фундамента храма и Дворца Советов. Дело в том, что несколько километров стальных конструкций, что предназначались для Дворца, разрезали на противотанковые ежи и ими опоясали столицу. Видимо, и в последний день Чесноков пришёл к своему храму, помолился, и решил выкупить по карточкам хлеб.

Г. А. Дмитревского, в то время проректора Консерватории и декана хорового факультета, вызвали, как положено,

в больницу на опознание. Георгий Александрович спустя много лет с дрожью в голосе рассказывал:

– Я пришёл в морг, Павел Григорьевич лежал, свёрнутый калачиком, в руке была зажата продуктовая карточка. Мне показалось, что это маленький мальчик, а не мой великий учитель. Санитар осветил лицо, да, это был Чесноков! Затем работники морга стали ломать замёрзшие руки и ноги, чтобы положить несчастного в гроб. Это была самая страшная музыка, которую я слышал в жизни! Умирать буду, она будет звучать с моей голове!

Дмитревский после рассказа достал белоснежный платок и долго протирал покрасневшие глаза, а потом тихо сказал:

– Ну, хватит воспоминаний! На сегодня довольно! Да и мне после репетиции с Капеллой с вами довольно! Отдыхайте, друзья!

P. S. Спустя три месяца на открытой репетиции с публикой в зале Капеллы Реквиема Берлиоза на словах «Mors stupebit et patuiga» Дмитревский рухнул, как вековой дуб. Его не стало.

21 января 2018 года

Петровичи

В 1960-х годах прошлого века дирижёр Николай Семёнович Рабинович предложил маме (Е. П. Кудрявцевой) выучить с начинающим Хором любителем пения при Капелле вокальную партию Третьей симфонии Густава Малера и исполнить её со студенческим оркестром Консерватории. Традиция исполнения музыки австрийского композитора-классика у нас в стране была утеряна. Мама, Дима Китаенко и я взялись за работу над сложнейшей партитурой.

Исполнение симфонии в Малом зале имени Глазунова в Консерватории было триумфальным. Было много восторженных статей. Но самым дорогим был отклик Д. Д. Шостаковича, который услышал запись произведения по радио.

После Рабиновича этой симфонией дирижировал в Большом зале Филармонии К. П. Кондрашин. Традиционно был

приглашён наш хор. И опять успех. После концерта в Голубую гостиную пришли восторженные поклонники, среди них – главный дирижёр Малого оперного театра Эдуард Петрович Грикуров и моя сокурсница по Консерватории певица Надежда Петрова Юренева, к слову, дочка регента Никольского собора.

Я вскинул фотоаппарат и запечатлел им Кирилла Петровича Кондрашина, Эдуарда Петровича Грикурова, Елизавету Петровну Кудрявцеву и Надежду Петровну Юреневу.

Оглянув собравшихся, Кондрашин пошутил:

– Все ленинградские Петровичи собрались тут!

Увы, сегодня этих замечательных Петровичей нет среди нас.

17 ноября 2017 года

Рыжий чёрт

В лето 1954 года на каникулы наше семейство: отец, мама, сестра и я – поехали отдыхать на Западную Украину, в деревню Маньковка. Туда мы добирались на железнодорожном транспорте, на станции нас встречал папин друг, главный инженер завода «почтовый ящик 433» Вениамин Иванович Смирнов. В деревне уже освоились приехавшие ранее его жена, Елена Николаевна Башкирцева, и две маленькие дочери – Нонна и Мариша. Мы расположились в украинской хате, покрытой соломой.

Мурины и Смирновы были единственными пришельцами-дачниками, и местные колхозники снабжали «голодных ленинградцев» продукцией с собственных полей. Смирнов даже в шутку предложил создать колхоз под названием «Куд-МурСмирПашВаренье», а председателем назначил маленькую Маришку.

Рядом с хатой тихо катил свои воды Буг, в нём мы купались. Дни были жаркие, вода в реке – как парное молоко. На другом берегу высился сахарный завод. Женская половина бросилась заготавливать впрок варенье на зиму.

В. И. Смирнов, его семья, мама, я и Катя

Вениамин Иванович обучал нас, ребят, водить «Победу», и его методика была оригинальна. Он выезжал на огромное скошенное поле, включал задний ход и заставлял гонять до боли в шее машину. Я как старший быстро освоил эту премудрость и гонял «Победу» по сельским дорогам, благо, других машин на встречной полосе не было. Иногда подвозил местных дивчин с граблями, что шли усталые с поля.

В один из дней наша компания (восемь человек) загрузилась в «Победу» и отправилась в ближайший лес за грибами. Мы быстро набрали две бельевых корзины белых грибов. Мама и Елена Николаевна перебрали грибы, не везти же домой гнилые. Поехали обратно. Но, видимо, перегрузили семизильную «Победу». У моста через Буг, километров за пять до нашей Маньковки, в машине что-то задымилось, и она встала, как строптивый конь. Проезжавший мимо тракторист засунул руку в мотор и изрёк:

– Феродо в муфте сцепления перегорело! Надо менять.

Женская половина, ведомая отцом, оставив грибы и остатки пикника, пошла в деревню. А мы с Вениамином Ивановичем остались ждать подмоги. Тракторист подцепил нас на буксир и отвёз километров за десять до сельской МТС (машино-тракторной станции). Там «спецы» «обрадовали» нас:

В Маньковке

– Уборочная в разгаре, некогда с вами возиться. Возьмите феродо от «козла» (ГАЗ-69), снимите переднее сиденье и замените деталь, предварительно сточив медные бляшки. Делов-то на пару часов!

Но это для них пара часов, а Смирнов, инженер в области макроэлектроники, и я, музыкант, не имели понятия в авторемонте. Возились до поздней ночи. Когда появилась на небе круглая, как жёлтый сыр, луна, мы свалились и заснули в салоне «Победы».

В. И. Смирнов и его пёс

Утром встали, умылись ледяной водицей из колодца, доели остатки еды. Вениамин Иванович предложил:

– Саня, сходи на рынок и отдай местным бабкам грибы.

Я так и сделал, притащил две корзины очищенных белых грибов и предложил местным «красоткам». Те отказались:

– Мы-то грибы не ядим! Боимся отравиться! Даром не надо! Но тут меня окружили местные дачники:

– Откуда это диво? Почём грибы? Ведь рядом нет лесов!

Быстро опустели корзины, я засунул за рубаху гонорар, который вскоре пригодился. Вениамин Иванович решил:

– Наши в деревне будут волноваться. Пошли им телеграмму, что мы задержались на ремонте.

Половина «грибного» гонорара ушла на послание, а на другую я купил молока и хлеба. Как-никак мы вторые сутки торчали на МТС. Наконец, феродо заняло своё законное место. Но бензин в баке был на нуле. Мы сделали по двору станции почётный круг, подъехали к навесу, под которым были две огромные бочки с надписями «Керосин» и «Бензин». В теньке на траве рядом дремал в красных шароварах и белой вышитой крестиком рубашке вылитый Тарас Бульба. Из-под соломенной с огромными полями шляпы торчали развесистые усы.

Смирнов попросил Бульбу налить в канистру бензина, но тот, осмотрев нас внимательным взглядом, выдавил:

– Нэма никохо!

Вениамин Иванович совал Бульбе в лицо красный с гербом СССР пропуск лауреата Ленинской премии, а тот в ответ повторил:

– Нэма никохо!

Я довольно решительно прикрикнул на запорожца. Тот поднял край шляпы и удивлённо молвил:

– Ты хто?

– Я Мурин! Мурин!

– Тохда другое дэло!

И налил полную канистру бензина. Бесплатно.

Мы вернулись в Маньковку, где на нас, ремонтёрах, уже поставили крест.

Только потом я узнал у сельчан, что «мурин» на местной мове означает «рыжий чёрт».

Июль 2017 года

Чтение хоровых партитур

Мама (Е. П. Кудрявцева) в Хоровом училище Капеллы вела предмет «Чтение хоровых партитур». Причём в 30-х годах в Консерватории она занималась сразу на трёх факультетах: дирижёрско-симфоническом у профессора А. В. Гаука, дирижёрско-хоровом у профессора М. Г. Климова и фортепианном у ученика Л. В. Николаева А. А. Михайлова. Так что ребят на фортепиано играть партитуры она «дрессировала» основательно. Все её ученики от «стариков» (А. Юрлова, Ф. Козлова, Н. Кунаева, А. Броневицкого, А. Дмитриева) до «малышей» (Р. Мартынова, А. Анисимова, В. Зивы, А. Борейко, А. Петренко) умением осваивать партитуру за роялем обязаны «маме Лизе».

В 50-х годах Кудрявцева решила передать богатый практический опыт, создав курс «Чтение хоровых партитур». Ей «в нагрузку» тогдашний зав. хоровой кафедрой, профессор Георгий Александрович Дмитревский, навязал своего ученика,

преподавателя кафедры И. И. Полтавцева. Но случилось непредвиденное – Дмитревский скоропостижно скончался, а мама тяжело заболела. Полтавцев, чтобы труд не пропадал, взял себе в напарники педагога из консерваторского училища М. Ф. Светозарову. Они быстренько сообразили и напечатали в издательстве «Музыка» том «Хрестоматия по чтению хоро-вых партитур», на титульном листе стояли имена авторов – И. И. Полтавцева и М. Ф. Светозаровой.

Мама привыкла, что у неё часто вырывают последний кусок изо рта, и горевала по этому поводу недолго. Но взаимоотношения с И. И. Полтавцевым испортились на десятилетия.

И так надо было случиться, что по практике предмета «Чтение хоровых партитур» я, пятикурсник Консерватории, попал в музыкальное училище к М. Ф. Светозаровой. Я пришёл в её класс на Матвеевом переулке, за роялем сидела худенькая девушка. Педагог представила меня:

– Александр Алексеевич!

В ответ студентка тихо промолвила:

– Лена!

На пульте стояли ноты хора «Казнённым» из «Десяти поэм» Шостаковича. Это произведение я знал и любил, так как мама десятки раз дирижировала его с Капеллой. Этот цикл разучивался с хором Капеллы, а дирижировать на премьере как хормейстер должен был её друг Мравинский. К сожалению, эта работа не состоялась.

Моя подопечная Лена начала играть сочинение, делая через слова паузы.

– В э-той кель-е, тоск-ли-вой и душ-ной!

Я отодвинул студентку и сыграл произведение на одном дыхании. Лена в ответ своё. Я вторично сыграл как положено. В ответ получил снова паузы. Повысив голос, легонько шлёпнул студентку по рукам. Из глаз подопечной брызнули слёзы.

Светозарова оторвалась от бумаг, что разбирала за столом рядом, попросила Лену выйти в коридор и сердито сказала мне:

– Это не педагогично – бить ученика по рукам!

При этом поставила мне в зачётку пятёрку и добавила:

– Александр Алексеевич, вы свободны!

Лена, а это оказалась её и профессора Д. А. Светозарова дочь, выросла большая, окончила Консерваторию, родила хормейстеру Роберту Лютеру двух детишек. Ныне она профессор Института культуры и Консерватории. Увы, вряд ли вспомнит Елена Дмитриевна молодого практиканта по чтению хоровых партитур!

21 января 2018 года

Живая музыка

В 90-х годах, после развала СССР, жить у нас стало невыносимо тоскливо. Пропали необходимые продукты. Полки магазинов стали пусты. Ввели карточки. Зарплату задерживали на несколько месяцев. Спасибо, спасали американо-немецкие поправки, так называемая гуманитарная помощь. В Союзе концертных деятелей, в котором я состоял, выдавали регулярно то «ножки Буша» (куриные ляжки из армейских запасов с прошедшим сроком годности), то немецкую муку и сухое коровье молоко. В общем, каждый выживал, как мог. На даче, в Синявино, я даже выращивал несколько десятков цыплят, что мне подарила сестра Лена.

Как-то подошёл ко мне друг по Ленконцерту (правда, эта организация уже называлась по-новому – «Нева-концерт», шутники иронизировали: «Нема-концерт»). И вот, друг, пианист Миша Лазарев, предложил:

– А что, если в вашем колледже устроить концерты камерного симфонического оркестра «Нева-концерта», где я играю пианистом? Нам будет мизерный гонорар, а ты скажешь вступительное слово?

Я переговорил с начальством в Смольном, и оно дало добро, отпустив небольшие деньги музыкантам.

В колледже я вёл хоровой класс, дирижирование и на всех курсах читал предмет «История зарубежной, русской и советской музыки». При ставке в 720 часов мне приходилось вести 1300.

На первом концерте цикла под названием «Живая музыка» в актовом зале яблоку было негде упасть. На сцену вышли полтора десятка музыкантов, и после моего вступительного слова они сыграли русские симфонические миниатюры. Причём Миша Лазарев ловко восполнял недостающие инструменты за фортепиано. А после концерта он вручил мне конверт с моим «гонораром».

Целый сезон раз в неделю в обеденный перерыв ребята из сельской глубинки слушали музыку.

За пультом стоял молодой дирижёр Святослав Лютер, сын Роберта Лютера и Лены Светозаровой. В его дирижировании и поведении чувствовалась какая-то неловкость. Святославу, видимо, мечталось дирижировать в Филармонии оркестром Мартынова или в Капелле оркестром Чернушенко. Но, как говорится, не имея гербовой, пишем на простой.

Концерты оркестра под управлением Святослав Лютера в нашем колледже имели определённый резонанс в музыкальных кругах. Неожиданно к нам обратилась Людмила Гергиева (старшая сестра руководителя Мариинского театра Валерия

В колледже. 1985 год.

Гергиева). Она, добротный концертмейстер, организовала при театре Академию молодых певцов и практику программ своих подопечных решила проводить в нашем актовом зале. Я представлял молодых вокалистов и рассказывал об авторах исполняемых романсов и арий из опер. А после концертов в гримёрке я устраивал будущим «нетребкам» и «хворостовским» чай с конфетами и фруктовыми пирожными, что покупал на свои скудные гроши в кондитерской на Сенной площади...

Прошло двадцать пять лет. В 2016 году я с горечью узнал, что Святослав Лютер умер в своей квартире на Большой Конюшенной. Так ещё один воспитанник Капеллы и Консерватории ушёл в мир иной, не реализовав свои большие возможности. А Россия-то богата! Как поётся в популярной песне времён Гражданской войны: «Отряд не заметил потери бойца». Мир его праху!

28 января 2018 года

Перфоманс с Марисом Янсонсом

19 мая 2019 года поздно вечером я смотрел по телеящику, по каналу «Культура», оперу П. И. Чайковского «Пиковая дама» из Зальцбурга, с родины Моцарта. В оркестровой яме за пультом – изысканный красавчик Марис Янсонс, бывший ленинградец. На сцене – солисты, хор Зальцбургской оперы. Но постановка, декорации, костюмы ничего не имеют общего с Чайковским.

Отзвучали божественные звуки увертюры гениального композитора. Открылся занавес. На сцене от кулисы до кулисы – футляр старого послеблокадного телевизора КВН (Помните, мы шутили тогда: «Как Включишь – Не работает!»), хотя это были первые буквы фамилий изобретателей, инженеров Кенигсона, Варшавского и Николаевского). На сцене появляются полсотни «раскольниковых» в черных фраках, белых жабо, в высоких цилиндрах, на ногах кроссовки фирмы «Адидас». В руках черные зонтики (намёк на дождливую ленинградскую погоду). К ним присоединяются личности двух

полов в белых пляжных костюмах начала XX века, как на пляже в Териоках. Все поют: «Наконец-то Бог послал нам солнечный денёк!»

Вдруг на их фоне выскакивают полсотни детишек, все в белом и лысые. Они поют: «Мы все здесь собрались. На страх врагам российским». Из правой кулисы вылезают три странные фигуры. Две в волчьих шкурах. В руках то ли булавки с памятника Богдану Хмельницкому в стольном граде Киеве, то ли коряги с пляжа в Комарово. Третий тип с ликом С. М. Кирова, с наркотическим взглядом, в красном с лампасами костюме униформиста из цирка на Фонтанке. По первой фразе «Я вымени её не знаю», я предположил, что это Герман. От кулисы к кулисе девушка в белом концертном платье гонит инвалидную коляску, в которой сидит в белой ночнушке и огненно-рыжем парике проститутка, у неё на ногах красные французские туфельки. Тип в шкуре объясняет всем, что это Лиза и её бабуля графиня («Пиковая дама»). Всё заканчивается массовым хоровым пением «Наконец-то Бог послал нам солнечный денёк!» Я-то и не знал, что у Летнего сада на Неве пляж с общественным туалетом!

В следующей сцене мужик в генеральском мундире с голубой лентой через плечо, с множеством медалей и орденов за все мыслимые отечественные войны, решительно водит по сцене Лизу в танцевальных пачках. Между ними мечется Герман. Костюм распахнут. Голая волосатая грудь очаровывает всех и в их числе Лизу.

Далее сцена «Искренность пастушки». Поют две примадонны. Одна, контральто, длинная, как коломенская верста, другая – карлица из дома хроников им. тов. Покровского. На их фоне, как беременные кошки, дерутся голый пастушок и нагая пастушка. Их мирит мужик в костюме Фантомаса.

Сцена в спальне графини. Графиня прогоняет многочисленных приживалок. Те в платьях школьниц 50-х годов прошлого века послушно уходят. «Прочь ступайте!» – грозит им графиня и плюхается в белой ночнушке и красных туфельках в белое кресло из местного «Леруа». Она снимает парик, под ним лысая в пудре черепушка! Допевает романс и засы-

пает. Из-за ширмы появляется Герман. Он обнимает голову графини своим волосатым телом и требует раскрыть секрет трёх карт. Тщетно! Затем достаёт пистоль (парабеллум образца 1919 года), и графиня виснет на кресле, как труп в печи Освенцима. На экране «КВН» огромный глаз и нос графини. Она диктует Герману секрет трёх карт.

Сцена «У Зимней канавки». На экране «КВН» Лиза в концертном платье, в пачках вопит: «Уж полночь близится, а Германа всё нет!» Появляется безумный Герман. Объяснение!!!

Финал. На сцене огромный, как питерская коммуналка, стол с зелёным сукном. На нем, как бильярдный шар, от лузы к лузе мечется Герман. «Что наша жизнь? Игра!» Выстрел из пистоля. Достоевские, пляжники и онкологические детишки поют финальную молитву. Всё!!!

Гаснет экран «КВН». Овации исполнителям. Они старались! Слышен свист. Это американцы-ковбои так выражают свой восторг. Вызывают дирижёра, художника, режиссёра. Те учтиво кланяются.

И это всё в центре культурной Европы, на родине Моцарта. Мы-то, русские дураки, думали: Австрия, Вена, Зальцбург! А там местные «черняковы-бутусовы» творят «перфоманс» как будто в жёлтом домике! Стыдно, господа.

Наш Василий Павлович Соловьёв-Седой в таких случаях говорил: «Это ЖОПЕРА, друзья!»

30 мая 2019 года

Портрет сестры

1959 год. Треть студентов и аспирантов Консерватории поехали в Казахстан осваивать целинные залежные земли. Другая треть валила лес под Лугой, строила свинарники, ухаживала за хрущёвской кукурузой. А лучшие из лучших отправились в Вену на Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. К Виталию Буяновскому, Тамаре Глинкиной, Екатерине Муриной, Алле Вавилиной примкнули молодые солисты Кировского театра Ирина Колпакова, Алла Осипенко, Юрий Соловьёв, Сергей Викулов. Вернулись с медалями фестиваля. У лауреатов были концерты в лучших залах Ленинграда и на ленинградском телевидении.

В один из дней в нашей капелльской коммуналке на Мойке, 20, раздался звонок. Трубку снял отец. Незнакомец представился:

– Скульптор Николай Васильевич Михайлов. Я увидел по телевидению Катю Мурину! Помимо яркого Рахманинова меня очаровал её русский облик! Я хотел бы вылепить её портрет.

Н. В. Михайлов работает над портретом Кати. 1959 год

Отец почти согласился. И когда мама и сестра вернулись вечером из Консерватории, он сообщил новость. И вот в ближайший выходной отец, Катя и я приехали в мастерскую скульптора на улице Декабристов. Познакомились. Михайлов сразу приступил к делу. Через несколько сеансов портрет был готов. Его Николай Васильевич отлил в гипсе и экземпляр подарил Кате. Он предложил перевести скульптуру в мрамор, но на кусок карского мрамора у родителей попросту не было средств. Мы перевезли портрет на Мойку, 20, и поставили на рояль. Когда приходили гости, Катя стыдливо закрывала его пледом.

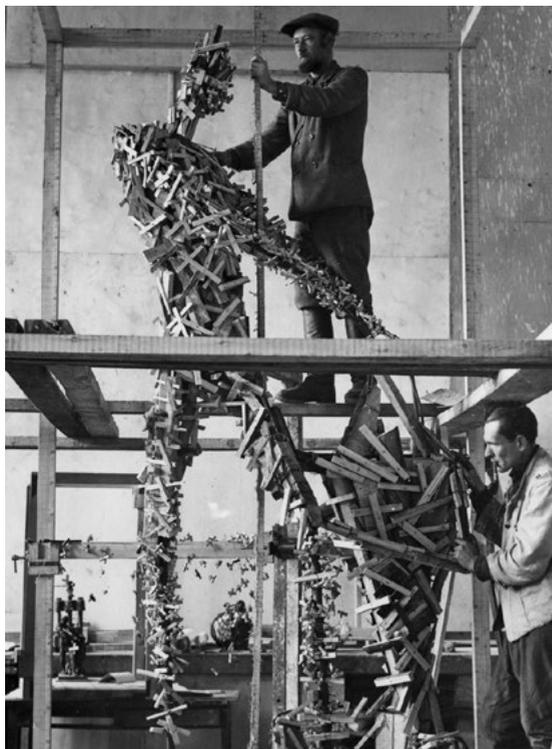
Так случилось, что в 1981 году я женился на скульпторе Галине Додоновой, а у неё была мастерская у Московского парка Победы, в Яковлевском переулке. А на другой стороне проспекта, близ гостиницы Россия, в хозяйственном блоке, была мастерская у Николая Васильевича Михайлова. После двадцати лет мы встретились. Я иногда помогал одинокому старику разгрузить цемент, гипс, глину или просто беседовал с ним.

Позднее я узнал, что в 1947 году народному художнику, академику В. Л. Симонову, Николай Васильевич Михайлов помогал вылепить петергофского «Самсона», так как оригинал Козловского фашисты увезли в Германию и перелили на пушки. И вот, трёхметровую скульптуру отлили на заводе «Монументскульптура», позолотили, поставили на платформу и через весь Ленинград перевезли в Петергоф. Кинохроника сохранила этот момент. На кадрах у своего творения стояли на платформе два человека – Симонов и Михайлов. Петергоф стоял в руинах, в парке были ещё окопы фашистов. Но когда золотой Самсон, разверзнув пасть льва, встал на своём месте, и брызнула вода всё выше и выше, пока не добралась до небес, а Ленинградская капелла и оркестр грянули «Славься!» Глинки, вокруг разнеслось «Ура!». Это был триумф ленинградской победы.

А ещё я узнал интересный факт. На задней стене Александринского театра, что смотрит на улицу Зодчего Росси и хореографическое училище, в нишах стоят античные богини. Одну из богинь вылепил во второй половине XX века Николай Васильевич Михайлов.

В 80-х годах у меня на даче на Ладого был урожай яблок. Я отобрал самые красивые и привёз корзину старому скульптору. Он был тронут и в ответ подарил мне старинную открытку, с которой он и Симонов лепили своего «Самсона».

Сентябрь 2019 года

В. Л. Симонов и Н. В. Михайлов восстанавливают «Самсона»

Непьющие дельфины

Владимир Николаевич Бадулин

Начну издалека. В годы учёбы в Консерватории (1955–1960) я умудрился подрабатывать хормейстером в трёх коллективах: у мамы, Елизаветы Петровны Кудрявцевой (в Капелле с Хором любителей пения), у родного крёстного дядьки, Александра Григорьевича Мурина (в клубе Металлического завода имени Сталина) и в ансамбле Дома культуры «Трудовые резервы» на улице Софьи Перовской, 3, ныне это Дворец молодёжи на Малой Конюшенной, 3. В последнем месте я трудился на пару с уникальным музыкальным хормейстером Григорием Ивановичем Беззубовым (1900–1972).

В 1917 году он «вовремя» окончил Регентские классы Придворной певческой капеллы у Климова и Богданова. После вёл уроки пения в петроградских школах. Несколько лет перед войной вместе со Свешниковым, Богдановым и Кудрявцевой преподавал в Хоровом училище мальчиков Капеллы. В годы Второй мировой войны (1940–1946) служил хормейстером в Центральном ансамбле Военно-морского флота СССР и Ансамбле песни и танца Северного флота. В 1946 году с Богдановым стал создателем хорового коллектива «Трудовых резервов», где вёл кропотливую работу по музыкальному образованию простых ремесленников.

Многие секреты хорового дела я почерпнул у Григория Ивановича. У нас ребята в хоре пели по нотам, по партиям, а не с голоса, по слуху, как в других коллективах. Причём Беззубов придумал сольфеджио, где сопрано, альты, тенора читали упражнения в скрипичном ключе, а басы – в своём родном басовом. Из нашего хора в дальнейшем вышли в профессиональную жизнь грамотные певцы, что успешно проявили себя в театрах, ансамблях и хорах города: Ирина Богачёва, Юрий Суховатиков, Валерий Стародубцев, Виталий Картаев и многие другие.

А ещё у Беззубова был во Дворце пионеров (бывшем Аничковом) уникальный, первый в СССР хор юношей, где подростки пели во время смены голоса, мутации. Хормейстер

с большим тактом сохранял голоса во время их ломки. Многие из этих ребят стали профессионалами, певцами, хормейстерами. И среди них – Владимир Николаевич Бадулин (1936–1992). Я с ним учился одновременно в Консерватории, он был моим сверстником, и буквально фонтанировал необычными музыкальными идеями.

В. Н. Бадулин

В один солнечный день Володя собрал полтора десятка ленинградских валторнистов в ансамбль, сделал для них талантливые партитуры популярных классических пьес, и в их числе «Помню» Антонина Дворжака. А солисткой пригласил по моей наводке солистку Консерватории Ирину Богачёву. Потом Володя позвал послушать программу Виталия Михайловича Буяновского, золотую валторну оркестра Мравинского, и меня. Перед нами стояли пятнадцать валторнистов, фактически все валторнисты всех оркестров Ленинграда. Инструменты сияли как на параде на Красной площади, также рдели носы музыкантов от C_2H_5OH . Программа была исполнена превосходно. Бадулин обратился к нам с просьбой придумать название хору валторн. Я, глядя на музыкантов, ляпнул:

– Непьющие дельфины!

Гомерический хохот был одобрением моего предложения. Виталий Михайлович Буяновский, улыбнувшись, интеллигентно уточнил:

– «Непьющие» не надо, оставьте просто «Дельфины»! Первое слово надо снять и оставить только второе!

Ансамбль выступал очень редко, потому что изъять валторнистов из оркестров Ленинграда было невероятно трудно. Володя Бадулин в 1963 году возглавил Ансамбль песни и танца Аничкова дворца и добился присвоения этому коллектива имени основателя коллектива Исаака Дунаевского.

Владимир Николаевич Бадулин скончался молодым, в пятьдесят шесть лет, в 1992 году. Россия потеряла замечательного музыканта, а я – верного друга.

20 августа 2017 года

Виктор Бузинов

Здесь с Бузиновым я бродил,
Тут Пушкин жил,
Там Гоголь жил,
Царь Николай блистал военной статью,
А по Садовой шастал Микишатъев.

(Микишатъев Михаил Николаевич – ленинградский архитектор, реставратор, искусствовед, участник передач Виктора Бузинова «Прогулки по Петербургу»)

В. М. Бузинов

Во время наших прогулок Виктор Бузинов посмеивался:

– Мурин, неужели у тебя в каждом доме есть родственник?

– Да!

– И в этом?

– Да, посмотри на вензель «А. М. У.» – Абрам Михайлович Ушаков, мой дальний дядюшка.

– А я и не знал, что у тебя в роду есть евреи!
– Не скажи, в этом случае Абрам – это Авраамий, русское имя.

И тогда Бузинов придумал эпиграмму:

О Мурине молва идёт –
На Марсе родственник живёт!

2019 год

Послесловие к рассказу

В 1955 году руководство Капеллы решило исполнить пять кантат Моцарта. Но была одна загвоздка: петь надо было, как тогда было принято, по-русски, без церковных атрибутов (то есть без упоминания Христа). Мама (Е. П. Кудрявцева, главный дирижёр Капеллы) обратилась к известному поэту-переводчику Всеволоду Александровичу Рождественскому. Тот согласился:

– Пришлите мне ноты, и я постараюсь выполнить вашу просьбу!

Назвал свой адрес. Посыльным к поэту был направлен автор данных строк. Я приехал по назначенному адресу в дом на проспекте Горького, где висела мемориальная доска «Здесь жил Максим Горький», поднялся в квартиру. Дверь открыл хозяин, высокий сутулый старик в старомодных очках. Он мне напомнил побитую сову. Мы прошли в кабинет, который был завален под завязку книгами. Рождественский забрал ноты и сказал:

– Когда всё сделаю, позвоню.

На этом и расстались. Позднее я узнал, что в двадцатых годах это была квартира Горького. Уезжая за границу, последний оставил её с мебелью, картинами, книгами и с роялем, на котором когда-то пианист Добровейн играл Ленину «Аппассионату» Бетховена, молодому другу-приятелю Рождественскому.

Прошло несколько недель. Всеволод Александрович позвонил маме. Я опять был посыльным. Встреча была назначена в Лениздате на Фонтанке у БДТ. Ещё на мосту Ломоносова, у «Ватрушки», я увидел сутулую фигуру. Он передал для мамы ноты и папку с переводом, а потом взял меня бесцеремонно под руку и попросил проводить его к знакомому художнику на другую сторону Фонтанки, в дом 50. Пока мы шли, Рождественский тараторил скрипучим голосом свой новый перевод Моцарта. Выслушав его монолог, я дерзнул высказать мнение что в переводе он зря заменил Христа на «небесное светило». Поэт презрительно бросил на меня взгляд из-под своих очков, который означал: «Это что за шкет-шмакодявка вякает?»

Мы зашли в подворотню дома и перед тем, как расстаться, Всеволод Александрович поведал мне, что в 20-е годы в этом здании располагался Союз литераторов, и здесь он на панихиде прощался с убиенным Серёжей Есениным. Этот рассказ я полностью привёл в моей первой книге «Как очевидец» в 2011 году, он называется «Семь хризантем».

1 мая 2019 года

Танцульки

Звонок И. Е. Хейфица

В 60-е годы прошлого века я заведовал музыкально-оркестровым отделом Ленинградского областного дома народного творчества. Отвечал за всю «музыку» орденоносной области. Мотался по городам и сёлам, помогал народным умельцам, хорам и оркестрам.

В один из редких дней, когда я был в городе и сидел в своём «кабинете» (восемь квадратных метров) на Владимирском проспекте, 13, на седьмом этаже, на столе зазвонил телефон.

Мягкий, интеллигентный голос представился:

– Александр Алексеевич! С Вами говорит кинорежиссёр Иосиф Ефимович Хейфиц!

Он сразу изложил суть дела:

– На «Ленфильме» я снимаю картину из жизни гражданской войны в Испании. По сценарию фильма герои собрались на домашнюю вечеринку. Естественно трапеза, красное сухое вино и танцы под гитару и аккордеон. Мне нужен балетмейстер, что поставит бытовые танцы!

Я попытался отфутболить Хейфица в Вагановское училище к моей знакомой, но собеседник возразил:

– Мне нужен специалист не по академическому танцу, а тот, кто может поставить «обычные танцульки».

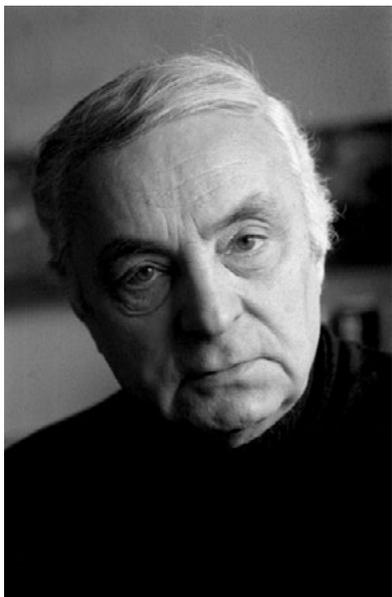
Я порекомендовал свою коллегу по Дому творчества из хореографического отдела, молодого специалиста Таню Селиванову. Дал Хейфицу её координаты, телефон.

И только когда повесил трубку, осознал, с кем разговаривал! Боже мой! Это тот самый Хейфиц, что снял «Даму с собачкой» моего любимого А. П. Чехова с Ией Саввиной и Алексеем Баталовым в главных ролях.

Перебежав в соседнюю комнату, я рассказал о разговоре коллеге-балетмейстеру.

В этот момент у неё зазвонил телефон, Танюша сняла трубку и выразительно взглянула на меня:

– Это Он!

И. Е. Хейфиц

Я, как немой, стал строить рожи и жестикулировать: «Соглашайся! Это верная халтура!»

Через месяц балетмейстер Селиванова доложила мне, что она не только поставила «танцульки», но и сама снялась в кинофильме рядом с «некой» Адой Роговцевой!

Ещё спустя некоторое время мне позвонил И. Е. Хейфиц, поблагодарил за рекомендацию и пригласил на просмотр фильма «Салют, Мария!» в Дом кино (кинотеатр «Родина»)

– Я вам оставлю пропуск на два лица у директора картины, – добавил он.

23 июля 2017 года

Р. С. Всё это я вспомнил в дождливые холодные дни июля 2017 года, услышав по радио о смерти замечательного художника «Ленфильма» Владимира Иосифовича Светозарова. Он, на моё удивление, оказался сыном великого Хейфица.

Праздник, который всегда с тобой

После блокады наша семья вернулась к разбитому очагу. Всё пришлось начинать в наших двух коммунальных служебных комнатухах. От войны там остались несколько железных мисок, колченогие вилки и ложки.

Окна нашей каппельской коммуналки (второй этаж)

Папин друг подарил столовый нож с толстой ручкой, на которой была гравировка «Метрополь», видимо, его экспроприировали из знаменитого ресторана на Садовой. С первой премии отец купил шесть мельхиоровых ложек, шесть ножей и шесть вилок, взял подарочную коробку из-под конфет, сделал ложемент, наклеил красную ткань и уложил приборы. На коробке он написал:

Было б что-нибудь поесть,
Вилка с ложкою уж есть!

Вот был шум, когда он поставил подарок на стол и открыл коробку!

Когда мама с Капеллой уехала на гастроли на две недели по городам страны, отец вечером пришёл с рулонами симпатичных обоев и с пакетом дефицитной серой муки и сказал:

– Давайте, ребята, к маминому приезду отремонтируем нашу «фатеру»!

Так он называл две длинные одиннадцатиметровые комнаты с пятиметровыми потолками. Мы резали и подгоняли обои, а отец варил клей без катышков, потом лазил по лестнице, как циркач, а я внизу смотрел, чтоб рисунок совпадал. Ещё день, воскресенье, он потратил на то, что вышил золотыми нитками вензеля на обычных тюлевых занавесках, на одной вензель «ЕПК», на другой «АГМ» – мамыны и его инициалы.

После возвращения мама зашла в комнату и воскликнула:

– Боже, какая красота, как в Эрмитаже!

После раздавались подарки.

В другой раз на премию за особо важное изделие отец купил в Елисеевском магазине килограммовую коробку шоколадных конфет, на крышке которой был Медный всадник, а под ним на гранитной тверди знаменитая надпись: «Петру I – Екатерина II». Вторая – на латыни с другой стороны: «Petro Primo – Catharina Secunda».

От себя он начертал:

Моей Лильке!
Люблю тебя, Петра творенье,
И поздравляю с днём рождения
Желаю быть всегда, везде
На первом месте, на коне!
Картинку данную учтя,
Будь прима ты — секунда я.

В суровую пору мы сохранили эти мгновения жизни, эти праздники навсегда.

Ваше письмо, без сомнения, прочесть не удалось. За последние дни в Ленинграде...

Ленинград

Спасибо тебе за письмо, которое ты мне прислал. Все очень интересно. Буду тебе благодарна. С любовью, мама

...только номер, который вы мне прислали, не подходит.

В конце 11 часов. Звонки из моих окон видны очень хорошо. Погода хорошая, ветряк.

Знаете ли вы, что в Ленинграде многолюдно и сейчас лето. Весеннего времени...

Письма из семейной шкатулки

В годы войны Ленинградская капелла, где мама, Елизавета Петровна Кудрявцева, была единственным дирижёром, колесила по стране, дав тысячу концертов в госпиталях, воинских частях, на заводах, фабриках. Отец, А. Г. Мурин, лил пушки на «Арсенале». С февраля 1942 года он был мобилизован на Дорогу жизни, а в мае того же года был направлен в Москву, в конструкторское бюро авиационного завода № 27, так называемую шарашку. В октябре 1944 года Капелла вернулась в Ленинград, а отец с группой московских инженеров тоже был направлен домой, в Ленинград, создавать завод «почтовый ящик 433», будущий «Ленинец». Отцу было тридцать пять лет, маме тридцать, мне восемь, моей сестре Кате шесть. Мы поклялись больше не расставаться.

Из служебных командировок, поездок в санатории, летних дач в мы обязательно отправляли друг другу письма и открытки, иногда даже каждый день.

Некоторые письма сохранились, привожу их ниже.

В 1951 году маме вручили профсоюзную путёвку в кардиологический санаторий имени Орджоникидзе в Кисловодске. В эти дни в городе-курорте гастролировал оркестр Мравинского.

Два письма из Кисловодска от мамы к папе. 1951 год

20 августа

Мой родненьки!

Мой золотой Алёшик!

Получила твою телеграмму и была ей очень рада, а то находит такая тоска, хоть беги отсюда.

С нетерпением жду от вас хотя бы хорошенького письма. Всё ли у вас хорошо, дружно, занимается ли Катюша?

Телеграфируй, когда будете дома, я позвоню вам по телефону. Узнай у Ветрова*, когда начало занятий и сообщи мне.

Ну, теперь немного слов о себе. Отдыхаю хорошо, но всё время терзает совесть меня, что здесь я на солнышке, мне всё подают, за мной убирают, а вы должны всё делать сами.

На будущее надо нам всем или по крайней мере тебе отправляться в санаторий. Надо тебе сказать, я отвыкла от такого режима, когда встаёшь и тебе ничего не надо делать. Первые дни совсем было как-то странно, теперь уже выработался распорядок дня. Прогулки утром – самая замечательная процедура, ничуть не хуже нарзанных ванн. Я ухожу в 6 часов и прихожу в 9-10, когда наши отдыхающие только начинают протирать глаза.

Из Москвы со мной в купе ехал племянник Соллертинского с супругой, и фамилия их тоже такая же. Он литературовед, она – педагог английского языка, очень славные люди. Отдыхают они в другом санатории, но каждое утро мы встречаемся на прогулке в горах. Вечером обычно меня навещают Дмитриевы* и утаскивают меня к себе в совершенно сказочный, освещённый электрическим светом сад. Пьём чай и даже играем в «дурака», слушая доносящиеся звуки концерта филармонического оркестра. Ты был прав, говоря в шутку, что за мной

будет следить сто человек из оркестра, так оно и получилось, везде и всюду можно встретить артистов со своими семьями, жёнами. Теперь я их всех перепутала, так что не знаю, с кем и здороваться. Другой раз пройду мимо, благо не видно моих глаз из-за темных очков, подаренных мне Дмитриевыми, так узнают по фигуре и обязательно ласкательно окрикнут. Да и в санатории потихоньку ко мне начинают признаваться люди, которых я совсем не знаю, а они высказывают свой восторг по поводу моих музыкальных дел. Вот видишь, какая популярность! Вот и похвасталась немножко.

Вчера вечером была страшнейшая гроза, она застала меня у Д.* Надо было видеть меня при возвращении в страшнейший ливень. Я была в мужском тоненьком плаще и накрыта клеёнкой, С. В.* примерно в таком же «наряде». Я возвращалась, спеша к 11 часам, так как ровно в 11 часов закрывается дверь, и все «гуляки» остаются на воздухе. Дежурный врач был умилен моим видом, и даже не ругался за довольно поздний час.

Сегодня принимала новую процедуру – массаж живота. Очень приятно. Массажистке понравился мой животик, а вот здесь есть весом по 116 и 120 кг, массажистка мне жаловалась на таких солидных больных. Вот и тебе полезно потерять твой

животик, мой дорогой толстопузик. Всё хорошо, только кормят весьма посредственно. Ты бы не потянул ног. Мне хватает, я дополняю фруктами.

Родной, любимый мой, дорогой, что-то я расписалась, да пора и кончить.

Как ни прекрасны горы, воздух, а мне хочется домой, к тебе под бочок, к моим любимым золотым ребяткам. Скучно мне без вас очень. Послала письма О. Х., Нюсе, Тасе, Евдокии Савельевне*.

Ты мой дорогой, береги себя, здоровье, думай о нём больше, не употребляй любимого напитка и меньше кури.

Не забывай своей мишулинки.

Целую вас, мои родненьки.

Сердечный привет Ёршикам*.

Целую тебя крепко, мой любимый рыжик.

Это письмо уж запечатала на адрес Нарвы, получила твою телеграмму из Таллина. Посылаю письмо на Мойку. Целую. Веди себя прилично.

Мамулька

**М. С. Ветров – проректор Консерватории по учебной части, профессор, трубач.*

**Дмитриевы, Д., С. В. – Сергей Васильевич Дмитриев и его супруга Мария Александровна, родители ученика мамы Александра Дмитриева.*

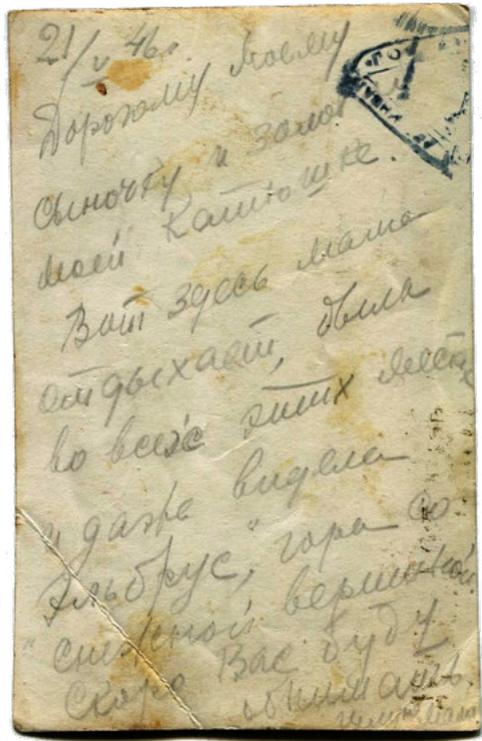
**О. Х. – Ольга Христофоровна Янович, соседка по капельской коммуналке.*

**Нюся – А. Чураева – проректор Московской консерватории, друг семьи.*

**Тася – Анастасия Ивановна Ардашева (наша няня).*

**Евдокия Савельевна – наша помощница по хозяйству.*

**Ёршики – Семён Константинович Ершов и его жена Зоя, друзья семьи.*

Мои золотые!

Милый, дорогой мой, любимый Алёшик!

Только сегодня получила от тебя в коллективном письме несколько строк. Противный ты, забыл меня совсем и не мог мне черкнуть раньше, заставив волноваться о твоём здоровье. Сегодня уезжают Д.*, они любезно предложили взять посылку. Укладывали, упаковывали яблоки и груши все вместе. Они хорошие, простые, добрые люди.

Поезд отходит в 12 ч. ночи, проводить их не могу, т. к. обратно возвращаться будет страшно и поздно. Скучно мне будет без них. Я привыкла почти ежедневно бывать у них в особняке и чувствовать себя как дома. Вот и сейчас пойду на последние посиделки.

Чувствую себя хорошо, хотя несколько дней очень болело сердце. Нарзанные ванны на меня действуют хорошо, бодро.

Много гуляю, особенно по утрам, шесть, восемь километров – мой обеденный маршрут. Воздух потрясаяще заменяет море.

Только теперь почувствовала, что такое отдых, и как он, особенно в наши годы, необходим. Кругом бездельники и то отдыхают.

Дамы все пышные, сверкают своими туалетами одна перед другой. Я обхожусь двумя ситцевыми платьями на утренних прогулках в горы и халатиком во все приличные места – гости, парк, процедуры и даже концерт (сверху пальто).

Слушала Малинина*, играл концерт Листа, очень неудачно. Какой сложный труд пианиста! Только работать и работать. Последний концерт оркестра был очень трогателен, публика умилительно приветствовала свой любимый коллектив стоя. Много цветов было преподнесено оркестру и Зандерлингу*.

Мидикян или Медикян (не знаю, как правильно пишется) познакомил меня с какими-то профессорами, и они составили мне компанию на прогулках. Правда, я их часто подвожу и хожу одна.

После того, как Дидзурабов* прислал мне колоссальный букет роз, я прославилась на весь санаторий, все стали высказывать свои симпатии, и многие меня узнали по гастролям из других городов. Весь медперсонал относится ко мне с большим уважением. Так что всё по-хорошему.

Скажи Сашеньке, чтобы занимался на рояле и обязательно писал диктанты, которые дала ему Клёпа*, это прошу делать ежедневно. Буду звонить.

Целую крепко, с нетерпением жду всех крепко обнять.

Мулька.

**Д. – Сергей Васильевич Дмитриев и его супруга Мария Александровна, родители ученика мамы Александра Дмитриева.*

**Малинин – Е. В. Малинин, московский пианист.*

**Зандерлинг – Курт Игнатъевич Зандерлинг, дирижёр.*

**Дидзурабов – И. С. Дидзурабов, педагог, вокалист Ленинградской филармонии.*

**Клёпа – Клеопатра Николаевна Дмитриевская, доцент Консерватории, сольфеджио.*

Письмо из Кисловодска от мамы к Кате. 1951 год

23 августа

Дорогая моя дочурка!

Ты не представляешь, как я была сегодня рада получить от тебя письмо. Целую тебя крепко, моя родная, и благодарю. Ты подумай, моя радость, ведь сегодня двадцать третье число, а письмо от вас первое. Во вторник получила телеграмму из Таллина. Почему папа там? Всё это меня очень волнует*, и нужно тебе сказать, телеграмма-то не очень понятна. Звонила отсюда домой, разговаривала с О. Х.*, она мне сказала, что от вас никаких сведений нет.

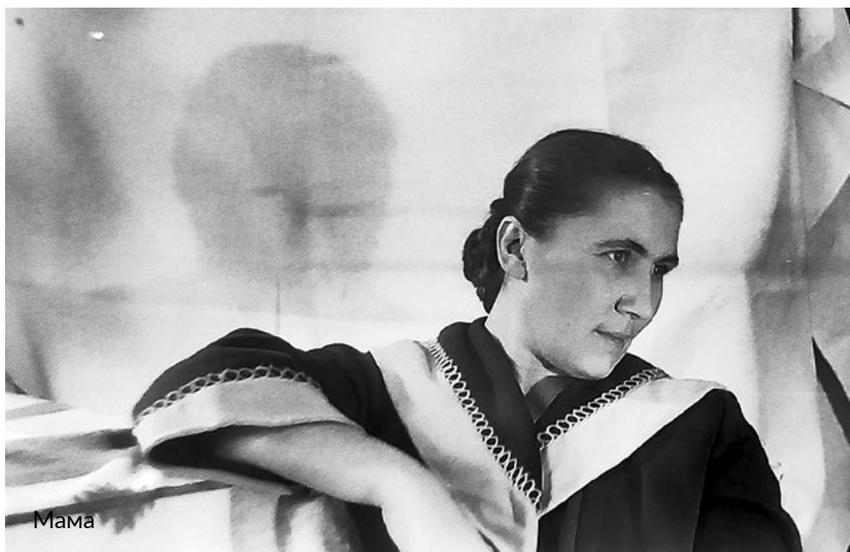
Дорогой Катюшек! Я отдыхаю хорошо.

Наш санаторий стоит в живописном уголке. У нас свой маленький парк, цветники, площадки, солярий, а буквально под горой, рядом, большой парк, который не имеет границ и уходит прямо в горы.

Воздух здесь совершенно волшебный, дышится легко. Каждый день около шести часов утра я отправляюсь гулять в горы.

Катя, мама и я

Иду, а навстречу солнышко меня ласкает своими лучами. Путь мой пять, шесть километров в гору и обратно. Проложены специальные пешеходные дорожки так, что в пути не замечаешь, как поднимаешься на большую высоту, а там бескрайние просторы воздуха. По этим дорожкам можно встретить шагающих тучных людей, с каким трудом они преодолевают этот путь, ты не представляешь. Вот на той неделе попробую пойти ещё дальше. Одним словом, твоя мама – турист.

В санатории меня потихоньку распознают, особенно после того, как на днях отдыхающий здесь Дидзурабов* прислал мне с нарочным колоссальный букет роз. Об этом стало известно на весь санаторий, и по сей день эти розы украшают нашу палату.

Дидзурабова я встретила здесь в первый день моего приезда, он по совету Булатова* отдыхает в Кисловодске, живёт где-то на частной квартире. Видела Леночку*. Она счастлива что поступила в Консерваторию, а родители ещё больше. Они её наряжают, как куклу, ищут жениха, а его всё нет. Она о тебе спрашивала, говорила, что скучает о тебе. Часто бываю у Дмитриевых*, очень мило проводим время. Нарзанные

ванны оказывают на меня очень хорошее действие. Чувствую себя очень хорошо. В Москве купила тебе подарочки, всякую ерунду и чудесную красненькую шерстяную кофточку. Тебе понравится.

Очень обижена на папу, что ничего не черкнёт мне. Всё хорошо, но тоскую по вас, моих золотых, страшно.

Целую тебя крепко.

Мулька

**Отец, А. Г. Мурин, был командирован на радиозавод в Таллин.*

**О. Х. – Ольга Христофоровна Янович, соседка по капелльской коммуналке.*

**Дидзурабов– И. С. Дидзурабов, педагог, вокалист Ленинградской филармонии.*

**Булатов– П. К. Булатов, профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой первого медицинского института, друг семьи Муриных.*

**Леночка – Елена Семёновна Шак, подруга Кати Муриной.*

**Дмитриевы – Сергей Васильевич Дмитриев, его супруга Мария Александровна, родители ученика мамы Александра Дмитриева.*

В 1955 году я поступил в Консерваторию, а через год на фортепианный факультет поступила Катя.

Письмо мне от мамы. 1955 год

Родной сынок!

Теперь принимайся за работу-учёбу.

Надо подогнать сольфеджио, надо систематически работать. Попроси Катюшу и начинай сейчас, не откладывая, писать диктанты. Заниматься на рояле ежедневно обязательно. Наш труд сложный, надо много работать.

Живите дружно, скоро приеду и обниму крепко моих родных.

Целую тебя, родненькая моя, желаю успеха.

Спасибо тебе за письмецо. Берегите папочку.

Целую тебя, дорогой сынок.

Привет и поцелуй Ольге Христофор*.

Мамулька.

Саша Д.* тебе расскажет, как я отдыхаю.

**Ольга Христофоровна – О. Х. Янович, соседка по капелльской коммуналке.*

**Саша Д. – А. С. Дмитриев, ученик мамы по Консерватории.*

Я у нас дома

В 1957 году с хором «Трудовых резервов» я принимал участие в Шестом всемирном фестивале молодёжи и студентов в Москве. Родители и Катя отдыхали в Усть-Нарве в Эстонии.

Два письма от Кати мне на фестиваль.

1957 год

2 августа

Наш золотой сыночек! Шлём тебе привет с нашей дачи и целуем тебя крепенько.

(первая строка от мамы, далее от Кати)

Дорогой Сашенька, так хотелось тебя слышать и не удалось. Вчера, 1-го августа, я и мама звонили тебе с 8 ч. до 11 ч. утра, так и не дождалась вызова. Москву дают с большими трудностями. Очень волновались, что ты ждал. Нам пришлось уйти с почты ни с чем.

В этом году почтовое отделение помещается в самом конце нашей улице, почти у реки. Сегодня, 2-го августа, мы проснулись в 7 ч. утра под шум страшного ливня и грозового раската грома. Я и мама решили к тебе звонить раньше, чем вчера, и, несмотря на шквальный дождь, направились на почту. Мама закуталась в свой манжель, а я одела русские сапоги (нашей хозяйки), шаровары и папин макинтош, взяли зонтик и пустились вплавь к намеченной цели – почте.

Ввиду раннего часа в 8:45 нас уже соединили с твоим телефоном, но сказали, что тебя дома нет и что ты будешь только во второй половине дня. Мама была настойчива и попросила соединить, не поверив телефонистке, ещё раз. Вторично соединили только в 10 ч. 30 минут, несмотря на то, что мама просила соединить пораньше. С мамой разговаривала какая-то женщина по твоему поручению. Мы были очень расстроены, не застав тебя, и, не будучи уверены в том, что эта женщина тебе всё передаст, решили послать тебе телеграмму.

Дорогой Санька, я тебе завидую. Там, наверное, много интересного, как я вижу из газет, но должна тебе сказать, что мне бы хотелось, чтобы ты был с нами. Погода стоит чудесная. Много купаемся. Я подружилась с дочерью Ветрова*, и мы

Мама, Катя и Динка

вместе проводим время. Папа у нас единственный мужчина (не считая Лёнчика). На рыбалку ещё не ходил, ждёт тебя. Ветров обещал взять папу рыбачить вместе с лодки.

Мне пока не удалось найти инструмент для занятий, но я не унываю и одолеваю 1-ый концерт Бетховена на столе. Надеюсь, в ближайшие дни получить разрешение заниматься в клубе.

Динка* чувствует себя привольно. На улице спать (ночью) не хочет и спит вместе с нами.

Благодаря приёмнику (Рига-10) папа ловит передачи и вечером мы устраиваем танцы. Главный инициатор – папа. В день открытия фестиваля в Москве у нас на даче тоже открылся свой «фестиваль». Были представлены все науки (в лице папы). Все дрожали от хохота.

Мама 10-го числа собирается выехать в Москву с тем, чтобы 12-го выехать в Кисловодск. Позвони на Курский вокзал и узнай, какой порядок получения плацкарта для транзитных пассажиров при наличии путёвки. Из Ленинграда мама возьмёт билет до Кисловодска.

Звонили Нюсе*, она, может быть, приедет к нам погостить на несколько дней. Если тебе что-нибудь срочно надо, звони домой к Нюсе (телефон Л-1-96-37).

Если увидишь что-нибудь хорошее*, то имей в виду следующее.

Для меня и для мамы купи хорошенькую (чешскую, немецкую и др. демократию) шерстяную кофточку, типа маминной зелёной, которую привезла Анисимова* из Берлина, закрытую в виде свитерочка с молнией (сзади). Цвет на твой вкус. Размеры на 50 или 52. Рукав желательна длинный или 3/4.

Вообще не теряйся, советуйся с Кокой*. Вам виднее.

Мама тебе перевела 300 руб.

Ну, кажется, всё.

Очень соскучились, пиши нам чаще, целуем крепко.

Катюша

P. S. Поцелуй крепко Кокочку, привет ребятам из «Дружбы».

**Ветров – проректор Консерватории по учебной части, профессор, трубач.*

**Динка – наша собака.*

**Нюся – А. Чураева – проректор Московской консерватории, друг семьи.*

**В Москве во время Фестиваля «выбросили» в магазины дефицитные товары. Москвичи и гости набросились на них.*

**Анисимова – С. А. Анисимова, дочь А. И. Анисимова*

**Кока, Кокочка – А. Г. Мурин, наш дядя, хормейстер Кировского театра, худрук ансамбля «Трудовые резервы».*

Дорогой Шурик!

Спасибо тебе за твои письма, которые ты так щедро нам присылаешь. Обычно твоё письмо приходит на пятый день. Ты не представляешь, с каким интересом мы их читаем. Читаем вслух несколько раз, делая достоянием всех события на фестивале. По-видимому, ты нам лично расскажешь ещё много интересного. Мама и папа советуют тебе быть осторожным

в знакомстве с иностранцами, т. к. такие радушные встречи не всегда могут быть вполне искренними. Но ты не теряйся, это мой тебе совет.

Мы живём хорошо. Мама устроила меня заниматься на рояле в клубе. Я встаю теперь в 6 ч. утра, бегу купаться и к семи часам на велосипеде отправляюсь в клуб, бывший курзал. Пианино страшно расстроенное, всё гудит, но всё же это приносит пользу. К 9 ч. утра я уже дома, т. к. меня сменяет московский пианист Шифман. Одолеваю 1-й концерт Бетховена.

Мама ежедневно ходит на телефон к 8 ч. утра для того, чтобы услышать тебя, но вот уже пять дней подряд ей не удаётся это дело: то Москву не дают, то тебя нет, то к телефону подходит вахтёр, а в последний раз, вчера, вызвали Коку* вместо тебя. Мама страшно расстроилась и решила больше не звонить до Ленинграда.

Жалко, что скоро мама уезжает. Сейчас здесь стоят отличные дни, но ветреные, поэтому огромные волны, и всё же купаться замечательно, чудесное дно, тёплая вода.

Но мы с папой с нетерпением будем ждать тебя, а мама зато отдохнёт хорошо в санатории.

Динка* чувствует себя хорошо. Мы её каждый день чешем частым гребнем.

Папа ходил несколько раз в лес, приносил много грибов: красных, подберёзовиков, а сегодня даже белые. Мы жарим и делаем «пир на весь мир».

Ходил на рыбалку, вот и сейчас снаряжается, привязывает удочки к велосипеду, поедет на реку. С ним едут два «моих товарища»: Лёнька и Вова (им по 11 лет). Мальчишки презабавные. Динка всегда сопровождает папу.

Ну, кажется, всё.

Пиши ещё больше писем. Они приносят нам много радостей.

Целуем тебя все крепко. Напиши письмо О. Х*. Нюся*, наверно, будет в Москве.

Катя.

**Кока – А. Г. Мурин, наш дядя, хормейстер Кировского театра, художник ансамбля «Трудовые резервы».*

**Динка – наша собака.*

**О. Х. – Ольга Христофоровна Янович, наша соседка по капелльской коммуналке.*

**Нюся – А. Чураева – проректор Московской консерватории, друг семьи.*

Отец на рыбалке

Участники хора "Трудовых резервов Ленинграда" в Кремле.
Шестой всемирный фестиваль молодёжи и студентов, 1957 год.
Я в центре с фотоаппаратом

Дима Павлов, я, инструктор Лиза, воспитатель Александра
Васильевна, директор ДК Феликс Григорович

Я с гостями фестиваля

Я на фестивале

Выступление сводного хора на фестивале, дир. А. Г. Мурин. 1957 год

2 письма из Кисловодска от мамы к папе.

1957 год

14 августа

Мои родные, золотые, мои солнечные!

Дорогой Алёшик!

Как вы встретили сыночка, как справляетесь с хозяйством? Всё ли у вас в порядке?

Пишу всё по порядку. Приехала в Москву, Санёк встретил меня с большим букетом цветов. В два часа дня мы встретились у памятника Пушкину с Нюсей*, где сынок запечатлел нас на плёнку. Умилительный парень, если бы ты видел, с каким старанием он собирал всё о фестивале, чтобы по приезде показать и рассказать тебе и Катюше. Пошли на Курский вокзал, и я взяла мягкий на понедельник, так как на другие плацкарты была большая очередь, оставаться, толкаться в Москве не было смысла. Вечером я взяла такси, и мы с сынком отправились по центральным украшенным улицам Москвы. Надо тебе сказать, что наши веселиться не умеют, было так же скучно, как и у нас в праздники на Дворцовой.

Вечером, собрав всё барахлишко, отправились на вокзал. Поезд отошёл в 12 ночи. Мы с Нюсей сели на электричку с этого же вокзала и отправились в пригород к её подружке. Она приняла нас очень радушно. Наутро я отправилась в Москву в надежде получить свидание с чиновниками, но все отсутствовали, ведь был понедельник, и «они» ещё не прибыли с дачи.

Пошла в ГУМ, купила Катюше чудесную красную, видимо, венгерскую кофточку и ещё кое-что по мелочи. Искала в воскресенье пижаму для С.К.* и тебя, ничего подходящего не было, размеры только до 50-го, а рост 1 и 2-й на маленьких, худеньких мужчин. Никаких свитеров (мечты Зои*) и в помине нет. Недаром один из индийской делегации сказал: «Мне всё нравится, а вот очереди не нравятся», и записал в пожеланиях: «Следует открыть больше магазинов, тогда и очередей не будет». Он прав, но не учёл наш гость, что товаров нужных не хватает. В Москве страшно суетно, бестолково. Профессора-хоровики на дачах.

В 17 часов я уехала в Кисловодск. На вокзал пришли Нюся, Санька (он меня всё время и везде сопровождал) и семья Яворских*. М. А.* был занят на совещании и очень сожалел, что меня не видел. Проводы были торжественными, с букетами цветов.

Ехала я вместе с Мурадели*, который занимал меня своими бесконечными разговорами. Хвастун он страшнейший. Об А.* очень нелестно отзывался, но я старалась не поддерживать этого разговора, они ведь приятели.

Доехала благополучно, дорога была не слишком утомительна. По дороге масса фруктов, особенно яблок и груш, говорят, в этом году урожай. Ведро яблок 20 р., слив – 15 р.

В санатории устроилась хорошо. Много старых знакомых из обслуживающего персонала, приняли очень радушно. Врач старый, прописал ванны, но направил ещё раз на консультацию к онкологу по поводу моей грудной железы.

В комнате нас пять человек, пока ещё не акклиматизировалась, не хочу ни с кем разговаривать. Комната хорошая, в бельэтаже. Моя кровать у окошка, вид на горы. Погода стоит дивная, солнечная, воздух чистый, дышится легко. Только страшно тоскливо мне без вас, и совесть меня мучает, оставила я вас ради своего здоровья, а как вы там без меня справляетесь, всё время эта мысль сверлит в голове. Пока ещё не могу смириться с бездельем, точно у меня что-то отняли, выключили «мотор». Постараюсь набраться сил, чтобы сделать всё для вас в предстоящем году.

Занимается ли Катюша, как её успехи? Осторожней с керогазом! Живите дружно, не капризничайте, помогайте друг другу. Обнимаю и крепко целую.

Ты, мой любимый, будь умницей. Целую моих роднулук. Сердечный привет нашим дорогим Ёршикам.

**Нюся – А. Чураева – проректор Московской консерватории*

**Яворские – друзья Муриных, семья инженера М. А. Яворского*

**С. К. – друг семьи С. К. Ершов, Зоя – его жена*

**В. И. Мурадели – композитор*

**А. – А. И. Анисимов, профессор Московской консерватории*

Дорогой мой Алёшик!

Сегодня воскресенье. Пошла на почту, думала от вас что-либо получить, хотя бы словечко, но ничего нет, видимо, письма идут очень долго. Посылаю авиа, может быть, скорее получу.

Волнуюсь за вас, как вы управляетесь, как ты себя чувствуешь, ходишь ли в лес на рыбалку, как погода? Говорят, что в Ленинграде дожди и холодно. А здесь очень жарко и солнечно. За время моего здесь пребывания ещё не было ни разу дождя. Я, правда, особенно жару не ощущаю, т. к. утром встаю в шесть часов и по росе отправляюсь в горы, гуляю до 10-ти часов. Затем завтракаю (после прогулки, забыла сказать, принимаю душ), и на покой в саду или палате. В час обед, затем снова до ужина – 7 часов – гуляю. В 8 часов уже темно и прохладно, брожу или сижу на скамейке на территории санатория. Вечером здесь не весьма спокойно, потому что вернулись из ссылки многие жители из карачаевцев, ну и «наводят» здесь «порядок».

16-го была в концерте. Дирижировал Янсонс*. Оркестранты, увидев меня, от радости чуть не откачали мою персону. Я была усажена на самое почётное место. Здесь встретила многих дирижёров.

Хайкин* уехал отсюда в Усть-Нарву, и ты, возможно, его встретил на рыбалке.

Была у Дмитриевых*, встретили очень радушно. У Саши гипс сняли, ходит уже без палочки, но ещё прихрамывает. Угощали меня на убой.

Сегодня была на рынке, фруктов и овощей тьма. Яблоки самые лучшие – 7, 8 р., груши – 6, сливы – 5, виноград – 8, 6 руб. и т. д. Местные жители считают, что очень дорого.

27-го Филармония уезжает. Я с Дмитриевыми пошлю вам фрукты, позднее сообщу, каким поездом их встретить.

Моё солнышко родное! Скучно мне без тебя и ребят страшно, а вот ты ленишься мне черкануть пару слов. Получил ли мою телеграмму С. К.*? Как отпраздновали?

Вчера была на консультации у онколога. Всё слава богу, и лечение нарзанное не противопоказано. Вчера же приняла

первую нарзанную ванну и в течение пяти минут нахождения в ней умудрилась заснуть. Делать это не рекомендуется, поэтому меня разбудил вошедший врач. После ванны чувствовала себя очень хорошо, и врач сказал, что это мне на пользу.

Алёшик, узнай у Ветрова*, когда начинаются занятия в Консерватории. У нас здесь отдыхает доц. Моск. консерватории, который сказал, что они начинают 15-го сентября, и об этом, якобы, официально известно. Узнай, как у нас в Ленинграде.

Целую тебя, моего родного, моих роднулук. Береги себя.

Поеду отдыхать только с тобой. Без тебя мне очень грустно.
Мулька.

Пиши на санаторий.

**А. К. Янсонс, Б. Э. Хайкин – дирижёры концертов Филармонии.*

**Дмитриевы– С. В. и М. А. Дмитриевы. Сергей Васильевич, солист оркестра Мравинского, его супруга Мария Александровна, родители А. С. Дмитриева.*

**С. К. – Семён Константинович Ершов, инженер, друг семьи.*

**М. С. Ветров – проректор Консерватории, профессор, трубоч.*

Письма мамы к Розе Васильевой. 1958-1960 годы

В сентябре 1958 года по просьбе заведующего кафедрой мама написала письмо в поддержку своей студентки Розы Васильевой.

Директору Ленинградской государственной ордена Ленина Консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, заслуженному артисту республики, профессору Ю. В. Брюшкову

Кафедра хорового дирижирования просит дирекцию помочь дипломанту дирижёрско-хорового факультета Васильевой Р. в связи с тяжелым её положением, связанным с длительной болезнью.

Васильева Р. – одарённый, серьёзный, целеустремлённый музыкант. На протяжении всех лет обучения в Консерватории показала себя с самой лучшей стороны. В работе с хором проявляла незаурядные волевые дирижёрские данные. За отличные музыкальные способности и успеваемость ей была присвоена именная стипендия.

В марте м-це 1958 г. Васильева Р. перенесла грипп, в результате которого получила тяжёлые осложнения на сердце и суставы. В апреле месяце Васильева была направлена в санаторий г. Кисловодска, где была госпитализирована сроком два м-ца в городскую больницу.

По возвращении в Ленинград, в данное время по заключению врачей нуждается в госпитализации для продолжения лечения.

Васильева Р. родственников не имеет кроме матери-инвалида, проживающей вблизи города Улан-Удэ. Никаких материальных источников у Васильевой Р. нет. По состоянию здоровья в данное время не может ни готовиться к защите диплома, ни работать.

В связи с тем, что по имеющемуся положению дипломантка Васильева Р. отчислена как несдавшая государственный экзамен из числа студентов Консерватории, кафедра хорового дирижирования обращается к дирекции с просьбой: 1) разрешить ей проживание в общежитии Консерватории, 2) сохранить стипендию до её выздоровления, 3) разрешить сдачу государственного экзамена в 1958–59 учебном году.

1958 год

Милая Розочка!

Спасибо тебе за весточку. Признаться, я очень беспокоилась, как ты там живёшь и справляешься с хозяйством*. Очень тебя прошу думать о себе и питаться получше. Если что нужно, спроси у Ольги Христофоровны*. Приеду и начнём готовиться к экзамену. Программу выберем вместе, репетиции согласуем у Полтавцева*. Если ты его увидишь до моего приезда, т. е. до 25 августа, поговори с ним, когда удобнее тебе репетировать. Надо получить как можно больше для этого часов, церемониться здесь не следует.

Что у тебя известно относительно работы в школе, что ты решила?

Розочка! Если будет звонок и будут спрашивать о нашем Мурике* (ему должны звонить из школы, где он работает), то скажи, что он приедет после 25-го августа. Мы собираемся быть дома 27, 28-го числа. Дни бегут, и отдых подходит к концу. Числа двадцатого выедем в Киев, где пробудем несколько деньков, хочется нашим посмотреть этот замечательный город. Завтра Алексей Григорьевич с нашими друзьями поедет в Киев, чтобы заказать билеты в Ленинград и посмотреть, есть ли возможность остановиться нам там на несколько дней.

Отдыхаем мы хорошо, много купаемся, на погоду мы не обижаемся. Очень загорели, совершаем прогулки на машине, ходим в лес, собираем грибы, рыболовы ловят рыбу. Одним словом, удовольствий масса. Продуктов много, крестьяне приносят прямо к нам, так как мы одни на селе дачники, то все знают и стараются чем-нибудь угодить. Большое удобство нашего жилья – это отдельная усадьба.

Яблоками обедаемся, самые лучшие 2 р. кило, огурцы даром, творог 5 р. кило и т. д., всё самое свежее. Хозяйство нас не затрудняет, так как живём дружно, бывает так, что и обедаем в лесу или на пляже под шатром, причём крестьяне удивляются, как мы можем ходить голыми в купальниках. Наша компания разделяется на пляже на жен. и муж., и купаемся в своё удовольствие.

Меня очень беспокоит вступительные экзамены Дмитриева*, приехал ли он, занимается ли?

Скоро и домой.

Обнимаю тебя. Спасибо тебе за сохранение моего «хозяйства». Рада, что отдали белку. А вот о Динке Шурик страшно скучает. Боюсь, что она тебя очень беспокоит.

Будь здорова.

Елиз. Петр.

**Роза приглядывала за нашим жильём, пока нас не было.*

**Ольга Христофоровна – О. Х. Янович, наша соседка по капелльской коммуналке.*

**Полтавцев – И. И. Полтавцев, профессор Консерватории.*

**Мурик – я, в то время я работал учителем пения в 204-й школе.*

**Дмитриев – А. С. Дмитриев.*

1958 год

Дорогая Розочка!

Не сетуй на меня, что долго тебе не отвечала. Закружилась с делами совсем. Экзамены окончательно вымотали. Слава Богу, всё благополучно, ребята все подтянулись. Мои тоже молодцы.

Пишу тебе из Москвы, где нахожусь в командировке по делам хорового общества.

Дорогая Розочка, спасибо тебе за твои весточки. Скажу прямо, заставила ты меня очень волноваться. Теперь всё позади, думай только о здоровье.

Если разрешат твои силы, то надо принимать Нарву, с тем чтобы в конце сентября или октября приехать для подготовки твоей дипломной программы. Хотелось бы её сдать как можно раньше. Как ты на это смотришь?

Роза Васильева

Сообщи немедленно, если тебе что-нибудь нужно. Очень тебя прошу, не стесняйся. Желаю тебе скорейшего выздоровления и хорошего отдыха.

Все твои приветы передала. Тебя все помнят и любят.
Целую, Кудрявцева

03 августа 1958 года

Дорогая Розочка!

Мы очень хорошо устроились и чудесно отдыхаем. Погода стоит отличная, хотя всю дорогу нас сопровождал дождь. Живём сытно и дружно. «Усадьба» отдельная, сами себе хозяйева. Домашняя работа нас не утомляет, т. к. много помощников. Розочка! Ты не стесняй себя ни в чём, кушай всё, что есть, деньги трать, я приеду, расплачусь с кем будет нужно.

Целуем тебя крепко.

Черкни, будем рады.

Е. П.

13 августа 1961 года

Дорогая моя Розочка!

Я перед тобой очень виновата, что до сих пор не ответила тебе на твои добрые, сердечные весточки. Прости, что задержалась с ответом на последнее письмо. Но я узнала, что тебе послали ответ на все вопросы по аспирантуре. Приём в сентябре. Кто будет поступать, пока неясно. От Консерватории, вернее от кафедры, рекомендовали Витуса* супругу Маргариту Иванову. Но Витус, по-моему, против, он считает, что она должна поработать. Боится, наверное, чтобы она от него не убежала. Это между прочим.

В консерватории на факультете я, кажется, одна на почасовой оплате, все остальные в штате ловко устроились к столетию. Это профессор А. И. Анисимов*, А. Мих.*, освобождённый из театра за неприличествующие поступки, Крылов* и Березин*. За последнего я очень рада, дай Бог ему побольше здоровья. Вот все они перешли на полную нагрузку и основную работу в К-рию. А. И. Анисимов по-прежнему остаётся руководителем Капеллы.

Может так получиться, что мне и не хватит студентов, но это так, к слову. Всё может быть, до дела нет дела, формальность может и не пощадить меня.

Что касается тебя, то поступать нужно. Ты делаешь большое дело, и тебе прямая дорога. Ты не боишься труда и трудностей, всегда стремишься вперёд.

**Витус – В. Г. Васильев, мамин аспирант.*

**А. И. Анисимов – художественный руководитель Капеллы, профессор Консерватории.*

**А. Мих. – А. В. Михайлов, профессор Консерватории.*

**Крылов – А. И. Крылов, профессор Консерватории.*

**Березин – А. А. Березин, профессор Консерватории.*

Письма мамы ко мне. 1960-е годы

1962 год

Дорогой мой сыночек!

Как отдыхается? Давно от тебя нет весточки. Соскучились страшно. Твои два письма выучили на память. У нас жизнь течёт по-прежнему, сменяя день за днём.

Выучили Успенского*, но решили писать в сентябре, т. к. солисты ещё и не смотрели, будут также писать не раньше сентября. Оркестр записал 21-го июня. Я была на записи. Писал первый заслуженный состав, дир. Рабинович*. Нам записывать под фонограмму сейчас очень было бы трудно, ибо на всю ораторию дали только 3 часа 28-го числа и только очень в позднее время.

Да, ещё Палей* переменял текст в фуге по требованию Горлита. Этот текст новый нам дали в последнюю репетицию, старый уже впели, темп фуги быстрый, естественно, что надо хотя бы пару раз прорепетировать, халтурить не следует.

27-го была последняя спевка. Успенский за роялем, прогон сидя и стоя. Получилась приличная музыка, или мне кажется, потому что стало привычным звучанием. Одну репетицию посвятила знакомству с поэтом и композитором. Поэт – молодой парень, захватывающе прочитал поэму, рассказал о её задумке.

Сынок, мы очень горевали. Потеряли Сергеева П. М.* Умер 23-го в Усть-Нарве. Катя из альтов, Алёша Семёнов и Воронцов ездили хоронить. У него инфаркт и, видно, он с ним ходил продолжительное время и вдруг скоропостижно скончался. Похоронили в Усть-Нарве.

Сегодня вышла газета с нашим «подвалом»*. Все звонят, поздравляют. Мне нравится, сердечно написана. Персидская была на вечере у «любителей» и многое подметила.

Занятия хора закончились. Теперь до 2-го сентября. 3-го собираемся во Дворце бракосочетания, будем Алёшку* «выдавать». Занятия в Консерв. закончились. Катюша много занимается. В Финляндию трудовые* не едут, поздно начали оформление, так мне сказала Инна Михайловна*. Катюша

может поехать по туристской путёвке с 20-го июля на 10 дней, но ещё не решила. С Японией пока молчание. В сентябре будет прослушивание в Москве. Конкурс тоже в сентябре.

Димка* сдал отлично экзамен по специальности, но по гармонии написал диктант плохо. Не знаю, чем всё кончится, а пока А. В.* его допустил к дальнейшей сдаче. Сегодня папа, Катюша и Митрофанов* поехали за город. Я дома. О. Х.* по-прежнему, приходится ездить ежедневно, все дома там разъехались.

Статья моя двигается плохо, хотя срок подпирает.

Ты мне так и не чиркнул о негритянских песнях!

Сынка, отдыхай хорошенько, кушай больше фруктов.

Сообщи, куда перевести деньги.

Целую тебя очень крепко.

Пиши, я очень скучаю по тебе.

Мама

**Выучили Успенского – кантата В. А. Успенского на стихи Леонида Палея «Всегда человек».*

**Рабинович – Н. С. Рабинович, дирижёр.*

**Палей – Л. С. Палей, автор стихов кантаты.*

**П. М. Сергеев – старый артист Капеллы, который добровольно помогал в хорах любителей.*

**Газета с нашим «подвалом» – статья в «Ленинградской правде» о нашей семье и Хоре любителей пения.*

**Димка – Д. Г. Китаенко, ученик мамы.*

**Алёшку «выдавать» – А. М. Степанов, ученик мамы.*

**Трудовые – ансамбль «Трудовые резервы».*

**Инна Михайловна – И. М. Эрденко, методист ансамбля «Трудовые резервы».*

**А. В. – А. В. Свешников.*

**Г. А. Митрофанов – друг семьи.*

**О. Х. – О. Х. Янович, наша соседка.*

Катя и мама
занимаются

Мама, я и Катя

16 июля 1962 года

Дорогой сыночек!

Очень огорчились, что вчера ты никого из нас не застал и разговаривал с Таней*, а ей, как на грех, вытащили передние зубы и она шепелявит хуже папки. Досадно, что мы всегда были дома, а здесь вышли: папа в поликлинику, Катюша в Консерваторию, я к О. Х.*

Сыночек! Разыграл ты своих знакомых девочек ловко. Спасибо за магнолию, она меня разыскала в тот же день и передала от тебя этот чудесный цветок. Но очень ловко получилось с её «знакомством» с папой, она была страшно смущена.

Ну, что у нас дома. Папуля неделю дома – переутомление, давление 90/60. Это и закономерно: не высыпается, курит, прикладывается к спиртному, вот и результат, да ещё сидение за телевизором вместо воздуха. В чём это у него выразилось, закружилась голова, правда, она у меня кружится часто, это тоже плохо, но у него впервые. Он испугался, пошёл к доктору, измерили давление и послали домой. На следующий день я вызвала врача, и ему дали больничный лист, чтобы отоспался. В вену вводили глюкозу, витамин В, аскорбиновую кислоту. Завтра ему на работу.

Первого июля пустили метро, его пробег от площади Льва Толстого до Парка Победы 15–18 минут, папа приходит домой десять минут шестого, да и метро нельзя сравнить с автобусом-трясучкой.

Катюша занимается много, программы подготовила уже всех туров. От Бриттена* получена пьеса для конкурса, музыка мутная. Кстати, он прислал мне лично бандеролью свои хоровые сочинения и письмо с визитной карточкой, надо ему ответить.

Приехал Дима К.* Досталось ему здорово. Принят. Специальность по дир-ю и коллоквиум 5, диктант – неудачно, устный сольф. гарм. – отлично, работа с хором – хорошо, английский – удовлетворительно, КПСС – отлично. В общем, прошёл.

С отдыхом пока у меня туго. Нам у Радчика* – ничего нигде. Собираемся с Катюшей в Москву к Флиэру*, там может быть «схвачу» что-либо для Катюши и себя. Ей нужен отдых,

ибо она здорово устала, нервы на пределе. Хорошо, что у нас Таня* до 27-го июля. Флиэр едет в Англию от нашего государства. Павел* уезжает отдыхать по Волге. Вот и всё у нас. 18-го свадьба Китаенко, я идти не хочу, поэтому постараюсь уехать на эти дни.

Папа все привычки свои – курить, «прикладываться» к рюмочке – бросил. Сейчас мы с папой сидим на пляже нашего острова-стадиона. Катюша поехала заниматься в Консу.

Соскучилась о тебе страшно.

Целую без конца без конца раз.

Мама.

**Таня – Татьяна Якимова, помощница по хозяйству, Павел – её муж.*

**О. Х. – О. Х. Янович, наша соседка.*

**Бенджамин Бриттен – английский композитор. С этого письма завязалась дружба с композитором, финалом было исполнение его «Военного реквиема» сводным хором Консерватории (хормейстер Е. П. Кудрявцева) и оркестром Консерватории под управлением Н. С. Рабиновича.*

**Дима К. – Д. Г. Китаенко.*

**Радчик – секретарь Союза композиторов.*

**Флиэр – Яков Флиэр, московский пианист.*

1963 год

Золотой Сашок!

Что же ты ничего не пишешь, мы все беспокоимся.

У нас всё благополучно. Я уезжаю в Кисловодск, путёвка с 6-го июля. Сегодня, в четверг, передавали о нас по радио, папа всё записал на плёнку. Много повырезали, но в общем хорошо получилось.

Катюша – педагог Консерватории, с завтрашнего дня начинает свою деятельность в качестве члена комиссии по новому приёму. Вот послушается дарований всякого ранга.

Сынок! Посылаю тебе 50 р., наверное, у тебя с деньгами туго.

Папа себя чувствует прилично, с нетерпением ждёт отпуска. Купил путёвку в свой южный лагерь «Сигнал».

Андрей* уехал с оркестром в Сочи.

Сегодня похоронили жену Е. А. Мравинского. Всё очень тяжело.

Кока ещё работает в театре, но они собираются (Вера, ребята и Кока)* ехать в лагерь Трудовых резервов.

Вот кратко и всё.

Сейчас чемоданы в руки и на вокзал. Папа пойдёт меня провожать.

Целую тебя крепко.

Отдыхай хорошенько.

Будь умником.

Привет сердечный Лине и Вале*.

**Андрей – Андрей Титов, первый муж Кати Муриной, фоготист второго оркестра Филармонии.*

**Валя – Валерьян Всеволодович Грушко, офицер Академии им. Можайского.*

**Лина – Лина Константиновна Митрофанова – супруга папиного друга Георгия Александровича Митрофанова.*

**Вера, ребята, Кока – семья моего дяди и крестного А. Г. Мурина, главного хормейстера Театра оперы и балеты им. С. М. Кирова.*

1963 год

Воскресенье.

Дорогой мой, родной Сыночек!

Спасибо тебе, что ты написал нам из Харькова. Я очень беспокоилась, как ты долетел. Получили твою телеграмму из Гартры.

Сашок, дорогой, мы все скучаем по тебе и в то же время рады, что ты поехал, не теряя дней отдыха, потому что здесь время бежит, а толку нет никакого.

У меня 24-го и 26-го экзамены у заочников. Год закончился. Сейчас засяду за составление сборника и статьи. С «любителями» «одолеваем» Успенского*. Вчера заслуж. коллектив Филармонии записал это сочинение в Филармонии под упр. Рабиновича*, а мы будем писать под фонограмму 28-го или 29-го. Потом телевидение хочет экранизировать, и нам должны «разделать» мизансцены, но это уже осенью. Мы не могли писать вместе с оркестром, т. к. время было только утром, да и 22-е число очень близко, ещё непета эта музыка. Солисты будут писать тоже под фонограмму без нас.

21-го была во Дворце бракосочетания у Славы Королева*. Забавно. Трогательно. Капельских ребят было очень много. Королев и Шметков* вышли в круглые отличники. Димка* уехал в Москву сдавать экзамены в аспирантуру на хор. факультет, 25-го сдаёт специальность.

Вчера пришёл Дима Рудницкий*, и мы все хотели поехать на рыбалку, но полил сильный дождь. Правда, его давно не было, и все были рады, но рыбалка не состоялась. Папа и Дима решили пойти на залив к стадиону в 4 часа утра, тем более повстречали рыбака вроде папы, который нёс в целлофановом мешочке несколько маленьких окушков. Так вот, наши, соблазнившись этим, поставили будильник на 4 ч. утра, проснулись, одели резиновые сапоги, отправились в путь. Вернулись в двенадцатом часу дня. Ничего не клюнуло. Опечалась, принесли горилки и сели завтракать. Но нагулялись хорошо, Дима купался. Ну потом они завалились спать, а мы с К-шей за рояль сели заниматься. В сентябре прослушивание отборочного порядка в Москве.

Сегодня на обед были вытащены две редиски с собственного огорода. Папа поехал к О. Х.*, Катюша занимается, а Рудницкий слушает.

Сашок, дорогой, старайся больше отдыхать, кушать фруктов. Застал ли ты всех в Краматорске? Георгий Мих.* прислал письмо. Защитил диссертацию, собирается отдыхать в июле в санатории на Каменном острове, чтобы быть поближе к О. Х. Но это всё ещё предположения.

Не думай ни о чём, только пиши почаще, мы твои письма читаем вслух по несколько раз.

Целую тебя крепко, крепко.

Есть ли деньги? Напиши.

**Кантата В. А. Успенского на стихи Леонида Палея «Всегда человек».*

**Н. С. Рабинович – дирижёр.*

**Р. З. Королев, Л. Ф. Шметков – ученики маминого класса в Консерватории.*

**Димка – Д. Г. Китаенко, мамин ученик.*

**Дима Рудницкий – Д. Г. Рудницкий, инженер, строитель, друг семьи.*

**О. Х. – О. Х. Янович, наша соседка.*

**Георгий Мих. – Г. И. Иващенко, стоматолог, профессор ВМА им. Кирова, племянник О. Х. Янович.*

1964 год

Дорогой мой, милый сыночек!

Целую тебя несчётное число раз и очень, очень скучаю.

Дома всё хорошо, только как-то пусто без тебя. Иногда заходит Андрюша*, который 1-го уезжает с оркестром в Сочи. Катюша сдала свой экзамен, и, как всегда, отлично. Настроение у неё хорошее, занимается со своими подопечными. С 1-го экзамены нового приёма. Павел Алексеевич* просит её присутствовать, чтобы участвовать в наборе класса. Ходила она в ВГКО*, разговаривала по поводу планов. Хочет играть больше. Сейчас думает о концерте, посвящ. её исполнительскому окончанию аспирантуры. Была у нас Персидская*, опять много ела, потом вроде дремала и, проснувшись, задавала

Музыкальная ЖИЗНЬ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ СССР
И МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР

6-й год издания

СОДЕРЖАНИЕ

№ 20, октябрь 1963 г.

СО ЗВАНИЕМ ЛАУРЕАТА

Радостное настроение царило в этот день в одной из квартир нового дома на набережной имени адмирала Лазарева. Из Англии вернулась домой аспирантка Ленинградской консерватории Екатерина Мурина. Она участвовала в Международном конкурсе пианистов в Лиде и завоевала там звание лауреата.

С напряженным вниманием слушают рассказ Екатерины ее отец — инженер-конструктор Алексей Григорьевич Мурин, мать — известный ленинградский хормейстер, профессор Елизавета Петровна Кудрявцева и брат, молодой дирижер-хоровик Александр Мурин.

— В Англии нас очень тепло встретили покровительница конкурса леди Харвуд и все организаторы этого интересного соревнования. В конкурсе приняло участие более восьмидесяти музыкантов, из которых почти половина были англичане.

Условия конкурса были довольно необычными. Занимались мы в частных домах. Хотя принимали нас везде очень гостеприимно, но все-таки оставались некоторые неудобства. Так, участники конкурса перед выступлением не имели возможности попробовать инструмент, что весьма важно. Состав участников был очень неровным. Наряду со слабо подготовленными музыкантами здесь были и концертирующие артисты, например знакомый советским слушателям

португалец Серджио Варелла Сид или победитель последнего листовского конкурса в Будапеште англичанин Дэвид Уайлд. Мы познакомились с интересными молодыми пианистами. Наиболее яркое впечатление оставил, естественно, победитель соревнования молодой англичанин Майкл Ролл. Любопытно, что он и не считает себя профессионалом. Даже после конкурса Ролл не раз говорил о том, что его больше увлекает медицина и он собирается стать врачом. Все-таки мне кажется, что это не окончательное решение.

Из четырех наших участников наиболее успешно выступил юный студент Московской консерватории Владимир Крайнев (вторая премия). Студентка Московской консерватории Алиса Мищенко и я завоевали пятые премии. Мы все очень волновались каждый раз перед выходом на эстраду университетского зала, где проходило это испытание. Теперь волнения позади. И сегодняшний день — возвращение в Ленинград, пожалуй, самый радостный.

вопросы. На днях звонила по телефону, говорит, что пишет о нас. В «Вечернем Ленинграде» была заметка о нашей консерваторской «затее». П. А., я и Вайман* её главари, вот только без тебя и газету не купили. Сегодня было собрание по этому поводу: Аникушин* (кстати, мы с ним совсем подружились), потом ещё какие-то художники, руководители Адмиралтейского и Балтийского заводов, ну и мы. Наметили план, одели новую «упряжку». Завтра Шмет.* и Королёв* сдают специальность. В аспирантуру никого не взяли. Ольхов* совсем на меня обозлился, думает, что я виной неудачи Маркина*, но очень сильные пианисты, скрипачи и виолончелисты, в том числе Наташа Гутман*.

На днях были в кино вместе с Булатовыми*, смотрели «Десять заповедей», чудесный фильм. С папой были на «Гамлете». Вспоминала тебя. Шмет. сделал снимки во Пскове, в гостинице после концерта, страшно презабавные.

Звонила Нине Александровне*, она сказала, что в Москве вас ждут. Папа купил путёвку в Туапсе на сентябрь, я жду в Кисловодск. Он прислал мне письмо, что я однозначно прошла экспертную комиссию, утверждение ВАККа осенью. Вот и всё.

Кока едет с 15-VII в лагерь «резервов»*.

Сообщи, куда послать деньги, кушай больше фруктов, не жалея. Поцелуй Сталину, привет Вале*. Крепко тебя целуем. В субботу пойдём на день рождения. Будь умником.

**Андрюша – А. Б. Титов, фаготист, первый муж Кати Муриной.*

**Павел Алексеевич, П. А. – Павел Алексеевич Серебряков, ректор Консерватории.*

**ВГКО – Всероссийское гастрольно-концертное объединение.*

**Персидская – корреспондент «Ленинградской правды».*

**Вайман – М. И. Вайман, скрипач, профессор.*

**Аникушин – М. К. Аникушин, скульптор.*

**Шмет. – Л. Ф. Шметков, мамин ученик.*

**Королев – Р. З. Королев, мамин ученик.*

**Ольхов – К. А. Ольхов – доцент Консерватории, хормейстер.*

**Маркин – В. Маркин, студент К. А. Ольхова.*

14.11

Мои
мои
Душа
Как в
Как е
вон? В

Мини все из
в Москву, Санкт-Петербур
Совиним Бухетам
гаса-гид мы все
вила му
Загнесси

АВИА

Стар
Нод
Ме

Касей, где сынок
минку.

уда
Абхаз. С
ия Газр
варевия
ому Мав
Иша

Куда Ленинград
Каб. адмирала Наз
9.20 №137

Кому
Мурыну Александру

Адрес отправителя...
Касей, Сордакашский р-н
с/п. Ухала, Ведомственная да
сидовка

Адрес отправителя

Ленинград
Владимир

**Наташа Гутман – виолончелистка.*

**Булатовы – семья П. К. Булатова, врача, друга семьи.*

**Нина Александровна – лаборант факультета.*

**Кока – А. Г. Мурин, наш дядя, хормейстер Кировского театра, художник ансамбля «Трудовые резервы».*

**Сталина, Валя – В. В. Грушко и его супруга.*

1965 год

Дорогой сынка!

Вот какие мы чудачки. Ведь можно обойтись без спешки, без траты нервов, так вот поди, всё получается наоборот. Не должно так быть, надо следить друг за другом и беречь здоровье каждого.

Доехала благополучно, поезд полон эстонцами. Куно* с сыновьями радостно встретил меня. Усадил в такси и привёз в современную гостиницу «Таллин». Циферблат такси показывал 15 копеек. Представляешь, как близко, всего несколько шагов, но важно, что на машине. В номере ванна отделана таллинской белой пластмассовой плиткой, очень симпатично.

Сейчас 11 часов. Заедет Куно, и мы поедем в Консерваторию и в город. Всё здесь рядом, из моих окон вид на старинный кремль, очень красиво. Погода мягкая, слякоти, слава Богу, нет.

Эрнесакс* предложил Куно работать его ближайшим помощником, т. к. сам себя плохо чувствует и сейчас в санатории после перенесённого воспаления лёгких. В Консерватории Куно готовят «кресло» проректора. Сегодня вечером иду на репетицию его камерного хора. Куно молодчага, много и успешно работает.

Сынка! Если письмо застанет до «любителей», то на субботу надо один класс – 20-й и следующих девочек: Огурцова, Рощина, Рабинович, Ужакова, Масленникова, Сладкова, Сидоренко (Аннета), Зверховская, Кузнецова, ну и на твоё усмотрение ещё может быть кого-либо. Из альтов: Смирнова, Никифорова Галя, Денина, Гаазе, Крымова, Калитинская, Петренко, Байкова, Шевинда. Все эти девочки имеют хороший слух и читают ноты. Получается 18 человек – хорошо. Хорошо бы

В Таллине: Виктор, отец, Лиза, Катя, мама

с ними позаниматься часов в субботу от 5 до 6 часов. В общем, распорядись, как лучше.

Всё будет хорошо, не волнуйся на репетициях, ссылайся на меня, скажи о нашей встрече с Браудо* нашим певичкам.

Сынка! Береги папу, не оставляй его одного, пойдите на «Председателя» в кино «Вулкан».

Будьте умниками,

Целую крепко и люблю вас, моих родных,

Мама.

*Куно – Куно Аренг, мамин аспирант.

*Эрнесакс – Г. Г. Эрнесакс – народный артист СССР, хормейстер, учитель Куно Аренга.

*Браудо – И. И. Браудо, органист.

Письмо из Карелии

Дорогой Сашок!

Мы чувствуем себя отлично. Ждём тебя в субботу. Поезжай до Зеленогорска, а потом до Приморска – 2 ½ часа автобус до нашей деревни Мануло. Привези кило фарша и курочку.

Здесь всё есть. Хорошо бы морковки для Витюхи. Сегодня ели первый сбор грибов – красных и подберёзовиков.

Целуем тебя.

Спешу послать, отъезжают соседи в Ленинград.

Все тебя целуем, захвати каких-нибудь игрушек для Вити, а если с машиной пошли корзинку (с Вильямом).

Катя

Мама и я в Токсово, на даче у Смирновых. 1959 г.

Папа и мама
в Приморском парке Победы

Письма мамы ко мне из Литвы. 1980-е годы

С 1972 года наша семья (отец, мама, я, Катя, её дети Лиза и Витя) начали отдыхать в Литве в Диджясалисе у маминого аспиранта Пятраса Валиониса, его жены Люции, дочери Инги их многочисленных родственников: Йезаса, Стаси и др. В 1976 году я достроил дом на Ладогге, с 1983 года в нём с нами вместе начали проводить лето моя жена Галя, её мама Анна Дмитриевна, а потом и наша дочка Маша.

8 августа

Дорогой сынок!

Посылаю письмо с Катей. Сегодня среда, дождь решил её сопровождать. Отдохнули хорошо. Загорели, накупались, напились Стасиной коровушки молоком, поглощали его по 6 л в день, не молоко, а сливки. Насолила грибов. Каждый день делали солянки из белых, вкусно.

Надо мне было выбраться сюда раньше, не помешало бы. Теперь будем ждать Лизушку и собираться домой. Катюша уезжает 13-го в Москву и прямо самолётом на ФРГ. Лиза одиннадцатого приезжает из Финляндии и 14-го выедет к нам. Я взяла билет на Ленинград 19-го августа.

Вот, пожалуй, и всё. Думаю, у вас всё хорошо, и погода была, наверное, приемлемая.

Целую вас, мои дорогие.

Мама, 8 августа

P. S. Работать не хочется.

P. S. Саня! Ты знаешь, когда мы приехали сюда с Пятрасом, Катюша с Витей были уже в деревне, доехали благополучно.

Наш адрес:

(далее рукой Пятраса)

Литва, почта Лейпалингис, деревня Диджясалис, Вайлёнис
Пятрас

Саша, приезжай!

Как же так!

Пятрас

На даче. 1980-е.

Четверг, 26 августа

Дорогой Сашок!

Прежде всего передаю тебе приветы от добрых людей Диджясалиса – Пранаса, Яни, Арунуса, Стаса, Йезаса и всех их родственников.

Доехали хорошо, Пятрас с Ингой сели в мой вагон с горячим завтраком, и мы благополучно прибыли в Друскеники, на машину, и через десять минут были в нашей обители. Всё по-прежнему, как много, много лет. Тихое озеро, лес с грибами, стол под той же яблоней, простор, чистота, свежее парное молоко, овощи, ягоды, одним словом, всё также в изобилии. Ну а что касается внимания, то жаловаться грех, кругом радужное отношение. Спасибо погоде, приятное солнечное тепло, хорошо, что не жарко.

Я сегодня нашла пять белых, правда, это прогулкой, а если в лес поглубже, да с утра, то и с ведром белых можно прийти. Много гуляем, целыми днями на воздухе.

Сашок! Что касается отъезда, я ещё не решила. Если Лизочке дадут неделю отпуска, то буду 20-го, жаль уезжать от такой благодати. Вчера мы шли полем, и из леса выскочила косуля, как она парила в воздухе. Кстати, аисты так и живут, услаждая глаз.

Сашок! Поцелуй Машеньку. Привет Гале и Анне Дмитриевне. Желаю, чтобы всегда у вас было всё в порядке. Хорошего настроения и здоровья.

Целую, мама.

Привет от Пятраса.

1987 год

Дорогой Сашок!

Мы отдыхаем очень хорошо, живём в гостинице «Юрмала». Получаем диетическое питание. Погода нам благоприятствует.

Целую тебя, твоим привет, Машеньку поцелуй.

Юрмала.

Полагаю, что приеду в Ленинград после одиннадцатого.

Мама.

28 июля 1988 года

Дорогой сынок!

Мы отдыхаем очень хорошо, я чувствую себя очень прилично, загорела, ежедневно купаюсь в «персональном озере» по несколько раз. Погода стоит отличная, ходили несколько раз, вернее ездили, за малиной. Лизушка закрутила «пятиминутки» различных ягод.

Теперь по порядку.

Пятрас сделал основательный ремонт своего жилища – прямо дворец, чисто, уютно, всё по-новому. Но огород на старом месте, только удивительно обильно урожайный – огурцы, помидоры, морковь, свёкла, картофель, лук, чеснок – всё в изобилии. Хорошая погода помогла всему.

Лиза пробовала пить воду «Друскининкай», но как-то приспособиться к ней не может.

Окружение соседей старое. Пранас и Яня получили квар-

тиру в городе, сюда приезжают на выходной. Арунас – красивый малый, отслужил в армии в Германии, поступает учиться. Дайва работает в лучшем ресторане, это мечта её жизни. Яня – повар в санатории. Вместо телятника и свинарника – цветник, основной огород по-прежнему в поле, живности никакой не держат.

Йезас и Стася живут большой семьёй, всех 19 человек – 5 детей (3 дочери и 2 сына), каждый в приданое получил машину и жильё в Друскениках. Все женаты и замужем. Семь внуков и невестки пасутся в Диджясалисе. Стася и Йезас на пенсии, по-прежнему, 3 коровы, 2 быка, 2 тёлки, овцы, индюшки, куры, утки, одним словом, натуральное хозяйство. Картофельные и пшеничные поля, огороды, несчётное число яблонь и груш. Йезас построил два бункера для картофеля и яблок. Хозяйственный двор застроен постройками белого кирпича.

Озеро такое же красивое, как и лес, только нет тех чудо грибов, зато волки иногда ночью будят собак. Дороги в лесу в Литве сказочные. Наши ехали из Ленинграда до Вильнюса девять часов.

Пятрас такой же, крестьянский сын. С Витюшкой они очень ловко научились пользоваться косой и сняли сочную траву на всём участке, но прошло несколько дней, и снова можно косить. Благодатная природа в этом году щедра. Каштан у дома так вымахал, что не видно дороги.

Люция всё такая же: забота о своей красоте, никаких семейных обязанностей. Пятрас стирает, готовит, гладит. Ох, как это нехорошо. И они даже хор поделили, но работают успешно. Пятраса наградили орденом «Дружба народов», ну а Люция в обиде.

Мы всем женским табором ездим по четвергам в баню-сауну в санаторий ЦК в Друскеники, где Алдана старший администратор. Я впервые была в такой бане, после чего бассейн – чудо, да ещё только для нашей компании, вода подогретая, кристаллической частоты.

В Друскениках – некуда яблоку упасть. А здесь тишина, покой и замечательные просторы. В нашу честь Йезас устроил банкет вместе со своими зятями, сначала на озере, потом

На даче. 1980-е.

у нас под яблоней, где мы питаемся в своём «обжорном ресторане». Лиза нам готовит всякие вкусности. Ну а водку они пьют пшеничную в 80-90 градусов, в рот не взять.

Сашок! Как вы там? Машуня, наверное, большая. Как хорошо, что она на воздухе, растёт, как грибок.

Я очень рада, что Лиза тебя застала. Она будет в Ленинграде т. к. 1 августа надо ей быть на работе. Письмо опустит, ибо почта отсюда идёт очень долго.

Целую тебя, мой дорогой. Привет твоим женщинам.

Мама

P. S. У нас здесь Консерватория у Пятраса, в нашей комнате пианино, Катюша занимается, Инга – на скрипке, Витюшка на валторне. Диджясалис никогда не слышал столько музыки.

Мама

4 июля 1989 года

Дорогой Сашок!

Привет тебе от всех жителей деревни Диджясалис. Всё по-старому, время вроде остановилось, кругом всё плодоносит, погода солнечная, особой жары нет. Я хожу в сарафане и уже успела почернеть. Приятно, что озеро чистое, но я не купалась, только обмываюсь. В первый день приезда пришла вся семья Стаси поздороваться. Что было? Впереди шёл Йезас (старший) с розой в руках, потом Стася и целая толпа, узнать было сложно, это молодые семьи с ребятами, я насчитала 20 человек, малый у груди одной из дочерей. Все пасутся у Стаси. Но это было очень трогательно. Всё расспрашивали, как прошёл год, посылали приветы. Приятно было, что очень их лица были искренними.

Стася поит нас парным молоком, снабжает яйцами, сметаной, овощи на огороде Пятраса готовы к употреблению, ягод много. В лесу ещё не была, жду Катюшу.

Яня и Пранас бывают редко, подробно расспрашивали о Машеньке. Дайва в Вильнюсе работает официанткой, Арунас учиться бросил, тоже где-то работает. Ну а Яня с Пранасом увеличили свои владения чуть не до озера. Там зреет пшеница и картофель на водку, политикой в этом уголке никто не интересуется. Зато в Друскениках южан, говорят, поубавилось. Что касается снабжения, то всё есть – мясо, творог и т. д. Жаль, что лес вырубают. Машины идут гружёные отобранными по размеру и ГОСТу стволами. Кто за это ответит, трудно сказать. Тишина здесь такая, что в ушах звенит. У нас телевизор, «Время» всегда смотрю.

Сашок! Как там вы отдыхаете? Надеюсь всё в порядке. Главное, чтобы были здоровы, остальное чепуха.

Целую мою кроху. Приветы Галочке и Анне Дмитриевне.

Будьте умниками, целую крепко.

Мама

Мила Хорева, Катя,
отец, я

Катя и я на Марата. 1938 год

Отец, Катя, А. В. Свешников, я

Я и Динка

Содержание

Грустный вальс.....	3
Вальс Сибелиуса. Узелки на память.....	4
Блокадные щи.....	5
Эпизоды из жизни изгоев.....	7
На Смоленском у Ксении.....	8
«Виллис» Ворошилова.....	12
Подарок Василия Келтуяла.....	14
Прогулка детства.....	17
История одного портрета.....	21
Концерт Баланчивадзе.....	24

Три эссе о гении

Вступление.....	28
Пожар.....	28
В гостях у гения.....	30
Отказник.....	31

Наши марксисты.....	32
Народный вождь товарищ Гапон.....	33
Музыка для Ахматовой.....	35
Памятник в Крестах.....	38
Внук Атамана.....	42
Кантата для чтеца, хора и оркестра.....	44
Рында.....	45
Чага.....	47
Как я задавил главного кардиолога Петербурга.....	49
Эй, мужик!.....	50
Файертаг.....	54

В русских ритмах

Сестрички.....	57
Александра Сапожникова.....	60
Народная певица Тамара Пятница.....	62
Чёрный бархат.....	63
Модильяни.....	64

Ника. Никита Смирнов.....	66
Мой китайский друг Пле Ша Кунь.....	68
Отвергнутый некролог. Валерий Гаврилин.....	71
Лев в клетке. Евгений Светланов.....	75
Похороны.....	80
Арвид Кришевич Янсонс.....	81
Но помнят тех, кого кляли.....	83

Байки из Оперной студии Консерватории

Старик.....	85
Свадебный пир.....	86
Дуб заветный.....	87
Папа-йог.....	89
Котовский.....	93
Михайло!.....	96
В Сталинграде.....	97
Велики.....	98
Тиша.....	101
Урок французского.....	102
«Царь Давид».....	104
Самая страшная музыка.....	106
Петровичи.....	108
Рыжий чёрт.....	109
Чтение хоровых партитур.....	113
Живая музыка.....	115
Перфоманс с Марисом Янсонсом.....	117
Портрет сестры.....	120
Непьющие дельфины.	
Владимир Николаевич Бадулин.....	123
Виктор Бузинов.....	126
Послесловие к рассказу.....	127
Танцующие. Звонок И. Е. Хейфица.....	129
Праздник, который всегда с тобой.....	131

<i>Письма из семейной шкатулки.....</i>	<i>135</i>
Два письма из Кисловодска от мамы к папе. 1951 год.....	136
Письмо из Кисловодска от мамы к Кате. 1951 год.....	141
Письмо мне от мамы. 1955 год.....	144
Два письма от Кати мне на фестиваль. 1957 год.....	145
2 письма из Кисловодска от мамы к папе. 1957 год.....	152
Письма мамы к Розе Васильевой. 1958-1960 годы.....	156
Письма мамы ко мне. 1960-е годы.....	161
Письмо из Карелии	174
Письма мамы ко мне из Литвы. 1980-е годы.....	176

Александр Алексеевич Мурин

Грустный вальс

ISBN 978-5-6044819-3-6

Тираж 60 экз. Заказ № 44680
Отпечатано в ООО «ИПК «НП-Принт»
Санкт-Петербург
2020 год

Александр Алексеевич Мурин (р. в 1936 г.) – известный петербургский хормейстер, эссеист, искусствовед. Окончил Хоровое училище при Ленинградской академической Капелле у П. А. Богданова и Е. П. Кудрявцевой и Консерваторию у профессоров Г. А. Дмитриевского и А. Е. Никлусова.

Работал в Хоре любителей пения и Ансамбле песни и танца «Трудовые резервы», Ленинградском областном доме народного творчества, Ленконцерте, преподавал в Колледже культуры и искусства, выступал со вступительными словами в концертных залах Петербурга, публиковался в различных журналах, провёл многочисленные радиопередачи. Составитель книги «Мой музыкальный век» Е. П. Кудрявцевой (2011 г.), автор книг «Как очевидец» (2011 г.), «Записки капелльского очевидца» (2015 г.), «Записки капелльского сверчка» (2017 г.)

«Грустный вальс» – четвертая книга А. А. Мурина, в ней собраны эссе 2017–2020 гг., письма и фотографии из семейного архива, воспоминания об удивительных встречах и событиях.

ISBN 978-5-6044819-3-6

9 785604 481936